

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей после вечерней молитвы

Проповедь

Слово в неделю о Фоме. О границах церкви

Христос воскрес!

Дорогие братья и сестры, среди двенадцати апостолов Христовых был и Фома. Не все двенадцать были как он, но был и он. Значит, и ему Господь нашел место, и это очень хорошо. Хорошо, быть может, когда есть трезвенность, хорошо, когда есть желание поверить, вложив, как Фома, руку в раны и язвы. Наверное, есть и другие способы уверовать, но есть и такой.

Я сейчас слушал Первое послание Иоанново и думал о нашем собрании в этих стенах. Я подумал – а что, собственно говоря, мы можем ответить тем людям, которые могут и усомниться: а стоит ли нам здесь собираться? Ведь в каждом переулке теперь есть храмы. Может быть, лучше пойти туда, где как-то вроде бы более благоустроено, чем здесь, в маленькой часовенке для небольшого количества людей? А то видите, приходится людям стоять, испытывать духоту и т. д. И я подумал, что все-таки надо себя проверить и снова и снова задать себе этот вопрос. И тут как всегда Священное писание помогает. Дело даже не в том, что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение пред Богом». Очень хорошо. Сердце наше нас не осуждает, и мы имеем дерзновение. Прекрасно. Нужно ли иметь дерзновение, чтобы собираться в небольшой часовне большому количеству народа? Нужно. Имеем? Хорошо, имеем. И «чего ни попросим – получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним». Ну, относительно заповедей и такого делания нам о себе, наверное, судить нельзя, негоже. Об этом пусть судит Господь или другие люди. А вот то, что мы просим и получаем – это факт. Просим и получаем то, что действительно нужно, и это важно для нас. Не всё подряд, а действительно то, что нужно, что важно.

Я всегда поражался этим вещам, тому, что Господь как-то ведет нас – узким путем, но ведет. Ведет, и это очевидно из года в год. Только начнешь сомневаться: «Господь до сих пор ведет нас или уже оставил по нашим грехам и немощам?» – как смотришь, нет: то одно, то другое странное приключение с нами происходит, и мы каким-то образом, несмотря на весь шквал и бурю, почему-то выплываем и живем. И не чудо ли это, когда огромная община вдруг остается единоклюнной, остается единомысленной, остается вместе в тех условиях, в которых по всем человеческим законам надо было бы всем потихоньку, очень благопристойно, но разойтись. Вроде было бы каждому не хуже. И тем не менее, происходит иначе.

Я вспоминаю слова одного священника, который недавно мне сказал: «Это кто? Кто у вас здесь сидел в зале, когда я пришел?» – «Студенты, преподаватели», – «Ой, сколько же вам нужно карет скорой помощи! Сколько же у вас сумасшедших, которые могут здесь, сейчас учиться и учить, зная, что в любой момент на вас могут сбросить любую бомбу и обвинить вас в чем угодно снова и снова!» Человек этот был доброжелательный, очень доброжелательный, но вот такое у него было удивление. И когда я ему ответил, он был просто поражен.

Но это все-таки не самое важное. Даже эти исполнения прошений – это хорошо и важно, но не самое главное. «А заповедь Божья та, чтобы мы веровали во имя Сына Божьего Иисуса Христа и любили друг друга». Вот, собственно говоря, мы просим и получаем тогда, когда соблюдаем

заповеди и делаем благоугодное. Но заповеди не вообще, здесь не имеются в виду ветхозаветные заповеди. Заповедь на самом деле одна – вера во Христа и любовь друг ко другу. И вот критерий: «И кто сохраняет заповеди Его, – вот эти заповеди, – тот пребывает в Нем, – во Христе, – и Он в том. А что Он пребывает в нас, узнаем по Духу, – говорит дальше апостол Иоанн, – Который Он дал нам».

Вот эти слова меня очень сильно заставили задуматься сейчас, когда я слушал их. «А что Он пребывает в нас...», – это уже само по себе такая материя трепетная, священная. Говорить о том, что Бог пребывает в нас, самим о себе очень трудно. И все-таки апостол об этом говорит – верным, верующим. Он говорит о том, что это можно узнать, что это можно проверить, что это не должно быть голословным утверждением в ту или иную сторону, что мы узнаем об этом по Духу, «по Духу, который Он нам дал».

Да, духи, действительно, бывают разные. Мы знаем, что дар различения духов есть благодатный дар, харизма. Эту харизму, наверное, имеют все верные, но есть люди, которые имеют ее по-преимуществу, которые ею могут служить другим. Это уже сродни пророческому дару и, наверное, в этом одна из главных особенностей аскетики, настоящей православно-христианской аскетики, а не аскетики ветхозаветного или языческого типа, которая требует только умерщвления плоти или выполнения жестких этических требований. Надо различать духи, чтобы нам узнать, пребывает в нас Господь или не пребывает, дал нам Духа Бог, или это какой-то наш собственный дух, который, может быть, нам и нравится, который для нас хорош, но который к Богу имеет весьма косвенное отношение. Поэтому-то «не всякому духу верьте, – говорит апостол, – не всякому», Дух Божий надо отличать от других духов: «Испытывайте духов, от Бога ли они».

И дальше говорится, что Дух от Бога выражается в том, что «мы веруем во имя Сына Божьего Иисуса Христа и любим друг друга». Ничего другого апостол здесь, собственно говоря, нам и не предлагает. «Вы от Бога и победили дух антихристов», – говорит он. Итак, «мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаём духа Истины и духа заблуждения. Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь». Это, дорогие братья и сестры, самое главное. Апостол шел, шел и пришел здесь к величайшему откровению, которое мы получаем в Новом Завете. Все разговоры о том, что Бог в нас, что нам надо различать духи и что наши прошения исполняются Богом, имеют смысл постольку, поскольку мы познаём Бога; постольку поскольку Бог открывает нам Себя: «Будем любить друг друга, потому что Бог есть Любовь». А если Дух Божий пребывает в нас, то мы должны это доказать, действительно, своей жизнью.

Ведь бывает и так, дорогие братья и сестры, когда даже за самой большой внешней ее простотой скрывается нелюбовь, и недоверие, и скепсис, которым, собственно говоря, Фома и согрешил по моему мнению. Если его в народе и называли «неверным», что по-русски значит «неверующим», то не потому, что он был плохой апостол. Он совсем не плохой апостол, он настоящий апостол Христов. Но апостолы тоже были не безгрешны, и апостол Петр, и апостол Фома, который вот этот свой здравый смысл, этот свой скепсис в какой-то момент поставил на первое место, пусть на миг. Но когда это касается важнейших вещей, предельных вещей, познания Христа и Духа Христова, когда это касается веры во Христа, тогда это имеет значение целожизненное. Поэтому и входит в Священное писание то, что апостол Фома, как и Петр, должен был быть особенным образом испытан, и только после этого он как бы оправдывает свое апостольское призвание.

Так вот, «будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь». Эти слова

редко становятся темой для проповеди, вы это знаете. Часто говорят: «Бог есть любовь, Бог есть любовь», но говорят как бы в таком наивном контексте. А вот то, что тот, кто любит, как и всякий любящий «рожден от Бога и знает Бога», – эти слова редко проповедуются по всем нам очень понятной причине: слишком опасно. Вы скажете людям, что любящий познал Бога, но с точки зрения многих и многих современных людей это значит открыть двери произволу. Ведь здесь никаких объективных критериев, никаких канонов не придумаешь, потому что любовь ни в какие рамки ни ветхозаветных заповедей, ни новозаветных канонов не вместишь, при всем желании ничего не получится. Ничего, вообще ничего! Как же тут быть, дорогие братья и сестры?

Вот, вы знаете, что во время оглашения Господь дает много благодатных даров. Вы знаете, что сейчас проходила и сегодня уже завершилась Светлая седмица. И завтра закончится очередной цикл оглашения – сейчас воцерковилось сто человек москвичей и еще сколько-то немосквичей. И как всегда, удивляешься благодати и дарам, удивляешься тем откровениям, которые Господь дает в эти дни. То, что раньше мог бы знать, но не знал, вдруг открывается, и что-то начинаешь связывать и понимать. Для меня, может быть, самым главным таким откровением явилась самая простая вещь. Вокруг да около я ходил годами, а ее не видел.

Помните, много шума и споров вызвал один мой доклад, связанный с тремя границами Церкви. В нем говорилось, что, во-первых, у Церкви есть границы канонические, и поэтому есть ее каноническая территория, т. е. есть каноническая церковь, которая строится на определенных канонических правах иерархии и т. д. и т. п., и эта каноническая церковь, конечно, имеет свои границы. Именно границы: вот здесь каноническая церковь, а здесь – не каноническая. Мы сейчас это очень остро переживаем в связи с событиями на Украине и т. д., в которых не так легко разобраться, особенно тем, кто непосредственно с этим не сталкивается, кто судит на расстоянии.

Во-вторых, у Церкви есть сакраментальные, мистериальные границы, которые, как всем нам очевидно, на сегодняшний день не совпадают с границами церкви канонической. Например, перед нами католики, или даже православные, которые не находятся в каноническом общении с нами – старообрядцы-поповцы, карловчане и т. д. Они с точки зрения канонической церкви – самочинное сборище, и даже раскол, что уже приближает их к ереси. Но с другой стороны, католики имеют все таинства, и мы это давно признаем. Были по этому поводу исторические колебания, но сейчас все признают, что у католиков есть все таинства, т. е. мы, Православная церковь, признаем, что у них есть все таинства. Хотя есть и протестанты, и всякий, более-менее наученный вере православный человек знает, что у большинства протестантов тоже есть таинства, и поэтому их не надо перекрещивать, когда они хотят войти в ту или иную православную общину. Достаточно их миропомазать, если они были крещены в своей церкви, и все. Понятно, что те, у кого есть таинства, все ли, не все ли, но в принципе есть место таинственной благодати, на тех так или иначе распространяются мистериальные границы Церкви, хотим мы того или не хотим, нравятся нам католики или не нравятся, нравятся нам протестанты или не нравятся. Конечно, есть какие-то крайние протестанты, которые выходят за эти границы, – иеговисты, допустим, мормоны и прочие им подобные, но их очень мало и о них говорить я сейчас не буду.

И вот, у Церкви есть третьи границы – мистические. Ведь всем известно – и из учения святых отцов, и из нашего опыта, во всяком случае из нашей интуиции, что можно причащаться и «у людей быть приобщенными, – как говорил св. Серафим Саровский, – а у Бога остаться не приобщенным». А что это значит? Это значит, что внутри одной и канонически, и мистериально безукоризненной жизни и структуры могут быть люди, которые у Бога не приобщены. Поэтому они на самом деле не входят в мистическую Церковь, и их мистериальная

и каноническая приобщенность к церкви в таком случае теряет всякое значение.

Так вот, на этой Светлой седмице, объясняя новокрещеным людям проблемы экклезиологии, я вдруг вспомнил три важнейших положения, которыми, оказывается, мы постоянно пользуемся, но которые вдруг получили свое место. Как мы определяем церковь? Скажем, в III веке говорили: «Где епископ, там и церковь». Говорили? Говорили. Святой Киприан Карфагенский говорил. Что это? Церковь? Церковь. Какая? Каноническая, в ее канонических границах. Дальше. Все мы знаем евхаристическую экклезиологию и евхаристическое богословие. Главный тезис этой экклезиологии, которая вообще зиждется на Священном писании, на апостоле Павле и святых отцах, т.е. на постоянном Предании церкви, что утверждает? «Где Евхаристическое собрание, там и церковь». А какая церковь? Мистериальная. Оказывается, здесь идет разговор уже о другом. Отсюда и вся драка, отсюда все неудовольствия, отсюда страшные подозрения, скажем, в адрес о. Николая Афанасьева, даже со стороны некоторых знаменитых, глубоких и действительно настоящих богословов (скажем, митрополита Иоанна Зизиуласа, который нет-нет, да все-таки перетягивает к тезису «где епископ, там и церковь», и это для него важнее, чем положение «где Евхаристическое собрание, там и церковь»). Но давайте вспомним еще святого Иринея Лионского. А что он говорил в конце II века? «Где Дух Святой – там и Церковь и полнота даров». А это какая Церковь? Ну конечно – мистическая. Вот поэтому св. Иринея Лионского у нас пока не цитируют, точно также, как то место из Первого послания апостола Иоанна, о котором мы говорим. Никто его, естественно, не отвергает, и если вы где-то найдете эти цитаты или до них дочитаетесь, то вам же, ну, не знаю, будет лучше или хуже, но в любом случае это – ваше личное дело.

Итак, в самом внутреннем церковном Предании сохраняется важнейшее экклезиологическое положение. Есть канонические границы, по которым дается одно определение Церкви: «Где епископ, там и церковь». Еще есть мистериальная церковь, тоже совершенно реальная: «Где евхаристическое собрание, – конкретное евхаристическое собрание, а не вообще некая абстракция, – там и церковь». И наконец, есть мистическое понимание той же Церкви: «Где Дух Святой, там и Церковь». И когда мы читаем апостола Иоанна, мы видим, что он говорит об этом же, но такими простыми, всем очень понятными словами! Он говорит о том, что надо узнавать по Духу, Который нам дает Бог, пребываем мы в Боге или нет. А значит, и в Церкви.

С чем мы сталкиваемся, с кем мы сталкиваемся в том случае, когда кто-то выступает, скажем, от имени церкви, но не проявляет веры и любви? Что это? Может такое быть или не может такого быть в канонических и даже мистериальных границах церкви? Вот, оказывается, что может. И поэтому апостол Иоанн говорит самые важные для нас вещи, но говорит их скорее не для обличения, а как мы уже отмечали, для познания Бога и самопознания.

Мы должны прежде всего заботиться о том, чтобы не отойти от Духа Божьего. И для этого мы должны любить друг друга. Но мы должны понять, что да, к сожалению, может быть и так, что тем человеком, кто как бы представляет церковь или пытается в ней что-то делать и говорить, но при этом теряет дух любви, движет дух не от Бога. Да, не от Бога! И это очень важно.

Мы с вами хотим быть живыми членами Церкви. Мы с вами хотим принадлежать и канонической, и мистериальной, и мистической Церкви сразу, ибо Церковь одна. Вот чего захотели! Конечно, мы знаем, были и есть силы, которые не хотят этого, априори можно это сказать. Мы так и подозревали раньше. Потому что уже давно, уже в древности разошлись эти три границы. Они почти не расходились в I веке и иногда снова соединяются в немногих святых Божьих, а в остальных случаях они в большей или в меньшей степени друг другу противоречат, разногласят, хотя и имеют некий общий сектор.

Так вот, наверное, нам с вами все-таки нужно стремиться к тому, чтобы через любовь, через

стяжание Духа Божьего обрести Церковь мистическую, а через служение и молитву, через воспоминание о Кресте и Воскресении Христа стараться быть в Церкви сакраментальной, мистериальной, и при этом через терпение, может быть, великое терпение стремиться сохраняться и в церкви канонической, как бы она себя иногда ни проявляла. Это очень трудно. Потому что, повторяю, есть прямое противоречие, связанное с расхождением этих трех границ. И желая быть и там и там, мы как бы берем на себя ответственность за эти противоречия и хотим разрешить их хотя бы в своем сердце. Например, чтобы не осуждать. Это не значит, что нужно подчиняться злу, идти на компромисс со злом. Нет, ни в коем случае нельзя идти на компромисс со злом, иначе обретишь канонические границы, но потеряешь Духа Божьего, потеряешь границы мистические! Или обретишь сакраментальные границы, но потеряешь еще что-то более важное!

Не сразу решаются эти проблемы, что и доказывается самими стенами этой маленькой часовни и нашим собранием в ней. Поэтому будем внимательны к слышанному: «Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога». Будем помнить, что «кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь». Будем знать и помнить также и то, что «любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него». Поэтому не будем унывать! Поэтому пусть сохраняется в нас пасхальная радость, несмотря на все наши неудачи, и грехи, и грешки, которые, конечно, есть. И наверное, надо их с любовью, но обличать. Действительно, надо их исправлять, надо видеть, где кто переходит границы благоразумия или теряет границы любви, теряет саму любовь. Все это надо делать, и делать церковно, т. е. в том духе любви, которая от Бога.

Мы хотим жить в Боге, и это для нас самое главное, нет ничего важнее этого. Мы хотим быть с Богом, и значит – друг с другом. Это значит иметь любовь друг к другу, но это значит иметь любовь и к врагам. И еще, и еще раз приходится говорить: «Да, не путай друзей и врагов! Спутаешь – останешься без головы». Не хотелось бы оставаться совсем уж без головы, значит путать нельзя: враг есть враг. Он способен на ложь, на клевету, на агрессию и на всякого рода несправедные деяния. Нам нужно быть в связи с этим внимательными и осторожными. Но главное всякой осторожности, важнее всякой внимательности остается та любовь, о которой такими простейшими и замечательными словами говорит нам апостол Иоанн, любимый ученик Христов. Любимый потому, что был исполнен любовью, может быть чуть-чуть, но большей, чем другие. Божья любовь – одна и та же, она одна на всех и навсегда. Но мы ее усваиваем, внутренне употребляем по-разному: один столько, другой – столько, третий – столько. Это как талант, который дается по силам, и который каждому нужно умножить. Не говорить: «Э-эй, ухнем!», – и смотреть, как оно ухаеется, а каждому, каждому следует умножить свой талант.

Дорогие братья и сестры, вот завершается Светлая седмица и начинается Антипасха. Но опять же – Пасха! Как хорошо: от Пасхи к Пасхе переходя, мы с вами вспоминаем про явление в мир Сына Божьего, про Его подвиг, Его Крест и Воскресение. Мы утверждаем силу Воскресения, мы утверждаем победу Божью в любви. Нет другой силы, которая могла бы победить этот мир. Только Вера наша в Любовь. Вера наша в Бога и есть вера в Любовь божественную, а для Церкви – в любовь богочеловеческую, потому что Церковь – это всегда еще и люди.

Будем же, дорогие братья и сестры, с любовью смотреть друг на друга даже тогда, когда кто-то согрешит. Не могу не повторить великих слов Достоевского: «Люби человека (грешника) и во грехе его». Не всякий грешник – твой враг. Но даже если пред тобой твой враг, все равно отнесись к нему с любовью. Проверь себя, можешь ли ты сделать ему добро бескорыстно, ничего не ожидая взамен, не ожидая никакой перемены отношения к тебе, а только потому, что он страдает, только потому, что ему плохо, только потому, что он пал и т. п.? Вот давайте

себя в этом проверять. Увы, мы не ангелы. Мы еще далеки от совершенства, но мы познали любовь Христову. Без нее мы ничто. И поэтому будем служить Богу и умножать свой талант любви, той благодати, которую дал нам Бог. Будем любить друг друга, ибо Бог прежде возлюбил нас!

Аминь.

Христос воскрес!

Слово в неделю святых жен-мироносиц. О рыцарстве

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Христос воскрес!

Дорогие братья и сестры, настала новая неделя после Пасхи, неделя жен-мироносиц – святых женщин, которые оказались верными своему Господу, самыми верными. Они не разбежались даже тогда, когда и апостолы разбежались – по слову пророка: «Поражу пастыря и рассеются овцы». Всегда остаются несколько верных человек, которые являются продолжателями той Традиции, которая свыше и которая никогда не должна прерываться. Наша православная вера всегда была верой непрерывающейся Традиции, непрерывающегося духовного опыта, единого потока духовной жизни. И для нас с вами, дорогие братья и сестры, это драгоценно. Поэтому мы смотрим на этот день жен-мироносиц не просто как на «женский день», когда, вместо 8 марта, нужно поздравлять сестер. Мы смотрим на этот день, конечно, иначе – как на подвиг, как на свидетельство подвига ради этой самой непрерывающейся традиции. «Христос всегда и вовеки тот же», и поэтому всегда с Ним должен быть кто-то рядом. И с первого дня Его воплощения всегда кто-то рядом был. Это очень важно и в связи с тем, что мы сегодня слышали через пророка Исаяю, потому что для того, чтобы усвоить вечное спасение, чтобы обрести полноту Божьей правды, нам нужно питаться от этого нетленного источника Света и Истины, который открывает нам правду и красоту, и всякую доброту.

Для нас с вами, дорогие братья и сестры, очень радостно то новое отношение к нашим сестрам, которое проповедано со времен апостольских. Когда апостол говорил, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, он имел в виду, конечно, не биологию, не физиологию, он имел в виду вот это единое служение всей Церкви, независимое от пола. В Церкви все – чада Божьи, и все служат Богу, каждый тем даром, какой получил.

Сегодня такой замечательный день, праздник, но не случайно сейчас, в один из самых торжественных моментов вечерней молитвы, вдруг прервалось радостное пасхальное пение и мы запели великопостное песнопение, песнопение Страстной седмицы: «Тебе, одеяющемуся светом яко ризою ...», в котором как раз говорится о подвиге Божьей Матери и тех жен-мироносиц, которые послужили Христу при Кресте перед Воскресением. Для нас с вами, дорогие братья и сестры, это, наверное, прекрасный повод задуматься не только о связи Креста и Воскресения, Пасхи крестной и воскресной, но и о том, что Божью правду и Божью Истину, этот единый поток божественного Предания, нужно сохранять и охранять. И высоко ценя его, не отходить от этого служения.

Конечно, не надо понимать это в тех категориях, которые в конце XIX века были названы охранительскими, когда охранительное православие было противопоставлено настоящему Православию – с большой буквы, Православию как живому и творческому духовному опыту, его полноте, открытой нам свыше во Христе по дару Духа Святого. Да, есть охранительное православие, но, к сожалению, в наше время оно даже не просто охранительное – это было бы

еще полбеды, ведь иногда действительно кому-то нужно стоять на страже. Но вот когда оно превращается в мракобесие, то это уже и не Православие. И тогда становится тяжело, и тогда нужно понимать, что Православие нужно охранять иначе – именно живым служением, тем даром, какой имеешь, который ты получил свыше. Вот тут-то и нужно всем нам задуматься: всегда ли мы готовы к тому, чтобы собирать со Христом, чтобы не расточать, не терять ничего. Ведь бывает так, что и в добре мало добра, что люди, ратующие за православие, оказываются малоправославными. Что делать? Жизнь не так проста. И нужно думать об этом, нужно думать о том, как уберечь каждого человека от соблазна, чтобы не ушел он от Бога, чтобы не ушел он от Церкви Божьей во Христе, Церкви Духа Святого.

Мы часто, дорогие братья и сестры, недооцениваем важность различия традиций. Мы настолько приучены выставлять достоинство своей традиции, что нередко бываем неготовы признать достоинство других традиций, у которых и нам надо было бы поучиться. Западная церковь всегда, начиная с апостольских времен, имела свои традиции, и часто эти традиции в богослужении, в духовной жизни, в молитве и в аскезе были другими, чем на Востоке. И никогда не требовалось от других церквей – западных, южных или северных, чтобы они, например, служили так, как на Востоке – в Византии или в Антиохии. Никогда этого не требовалось! Я вспоминаю, как один человек сказал: «Как же можно всерьез думать о том, что церковь может воссоединиться, и христиане снова смогут называться просто именем Христа? Неужели на Западе снова начнут служить литургию Иоанна Златоуста?» Я тут так и обомлел. Когда же, интересно, на Западе служили литургию Иоанна Златоуста? Никогда ее там и не служили. На протяжении тысячи лет истории христианства там знали свои литургии. Во Франции были свои, в Испании свои, в разных областях Италии свои – в Милане свои и на юге свои. Сирийская церковь имела свою литургию, армянская – свою, Коптская – свою, Эфиопская – свою, точнее, свои полтора десятка литургий. Но все это оказалось забыто, и мы стали выставлять свое как единственно возможное и правильное.

В этом великая наша беда, дорогие братья и сестры. Но говорю я вам это не для того, чтобы еще и еще раз напомнить о великом многообразии духовного опыта, который дает нам Господь. Я говорю это для того, чтобы напомнить об одной традиции, еще не дошедшей до нас. Как было бы замечательно, если бы она когда-нибудь пришла к нам, хотя по происхождению она чисто западная. Я имею в виду традицию рыцарства, когда рыцарь должен был служить прекрасной даме, как истине, а истине, как прекрасной даме. Когда человек понимал, что без этой веры и верности не может быть полноты его служения Богу и Церкви. Когда эта верность истине и Божьей правде ставилась на один уровень со служением Божьей Матери. Вы, конечно, знаете, как это было в известные века истории Западной церкви.

Нам же всегда не хватало рыцарства, и это открывало двери равнодушию, это открывало двери неверности, так что вера и верность разошлись в разные стороны, как будто они уже разных корней. Нам всегда не хватало уважения к нашим сестрам, не хватало той любви, которая делала бы это служение братьев священным. Нам всегда этого не хватало, и никакой «женский день» никогда ничего не мог дать нового и лучшего в этой области. Поэтому нам, дорогие братья и сестры, нужно снова и снова вспомнить, что красота и доброта – это две стороны одной медали, и что служа тому, что от Бога, мы тем самым оказываем честь Первообразу – самому Источнику, Который в Боге, Источнику красоты и доброты.

Посмотрите, как больна наша церковь ныне. Посмотрите, как мало верности, как мало рыцарского мужества и отваги среди верующих людей, даже среди священнослужителей. Посмотрите, как часто люди, внутренне думающие одно, внешне говорят и делают совсем другое. Как часто они не способны ни на какие жертвы ради другого. Они хотят лишь внешнего покоя, благополучия, сытости – всего того, чего хотят люди мира сего, и тем самым ничем от

людей мира сего в лучшую сторону не отличаются.

Это большая беда, дорогие братья и сестры, когда доброе сердце не может проявить себя в верности, доброте и красоте, не может проявить своей веры до конца, проявить ее в христианской жизни. Поэтому наше Православие остается недовыявленным в жизни. Православие всегда одно и то же со времен Христа и апостолов, и Церковь наша стоит на основании апостолов и пророков, как и прежде. Но чем мы отличаемся от лучших христианских эпох? Только одним – тем, что воплотить свою веру в жизнь мы не умеем. Мы предали жизнь! Потому что мы легко можем предать человека, мы легко можем о нем забыть, мы можем через него переступить, как через бревно. Мы можем им пренебречь сознательно! Мы можем пойти против правды другого человека только потому, что она неудобна, что она нам невыгодна.

Что греха таить, дорогие братья и сестры, и мы тоже теряем множество друзей, и братьев, и сестер по своей греховности, по своему равнодушию – потому, что мы не оказали им достаточного внимания, потому, что мы оказались немужественны и недостаточно верны, потому, что не хватило силы нашей веры, потому, что страх владеет нашими душами, как во времена языческие. В нас возобладали стяжательство и неумение опираться на Бога, а ведь в этом одна из основных христианских добродетелей – надежда на Него. Мы не умеем Его и любить. А чего стоят все наши богатства, если не будет в нас любви к Богу и к ближним! Когда мы предаем ближнего, когда мы клеветаем на него, когда предаем его своим равнодушием, своим молчанием, страхом за себя и свое благополучие, мы тем самым предаем Бога, мы предаем Христа, мы уходим с Голгофы, а может быть, лучше сказать, – даже бежим с нее!

Таким образом, дорогие братья и сестры, пусть нас не удивляет то, что происходит ныне с христианскими народами, которые по инерции все еще кичатся своим христианским происхождением, своей христианской историей, культурой, но которые давно потеряли силу своего христианского свидетельства, которое не может возродиться без свидетельства жизненного, целожизненного. Только когда мы научимся жить по-христиански, по-православному, тогда наша православная вера освободится от цепей рабства, тогда наша церковь снова заговорит своим голосом и перестанет петь с голоса чужого и чуждого.

Вот смотрите, эти рыкания, этот грохот и гром, которые вы слышите за окном, – это символ нашей жизни. Стоило собраться небольшой кучке людей для молитвы, для прославления Христа Воскресшего не формально, не по инерции – как тут же заскрипело, заскрежетало и завыло! (смех). Неужели можем мы с вами после этого спутать тот голос, которым должна говорить церковь, с голосом чуждым? Или нам все равно? Или мы будем все еще жить по известному призыву из популярного мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно»? Нам давно нужно было понять, что дружно можно жить лишь с тем, в ком есть братское чувство к ближнему, в ком есть мир, смирение, терпение, любовь и надежда, вера и верность. Только такой человек может жить дружно, и он может простить любого, что бы тот ни делал, – даже того, кто сейчас скрежещет зубами пред твоим лицом. Всегда можно простить другого человека, как бы ни заблуждался он прежде, если видишь доброе желание его сердца. Но если этого доброго желания сердца нет, тогда простить нельзя, потому что человек этого не хочет, не чувствует нужды в том, чтобы его прощал Бог или кто-то из ближних.

Дорогие братья и сестры, нам с вами нужно учиться рыцарству. Рыцарству настоящему, которое никогда не уйдет из человека, которое не зависит от его немощей, болезней, возраста, пола, образования, состояния, национальности, культуры, социального положения. Есть вещи, которые непреходящи. Нужно научиться служить ближним, а не вещам, помня, что многие вещи и становятся святыми лишь постольку, поскольку они когда-то пригодились святым людям, а не наоборот. А мы иногда ради святой вещи готовы удушить святого человека, пнуть

его ногой, отогнать как собаку.

Как редко мы живем духом любви и милосердия! Как редко мы воплощаем доброту и красоту в нашей жизни! Как редко наша вера является реальной жизненной силой! Как редко она стремится к полноте в нас и через нас! Пусть же, дорогие братья и сестры, в этот святой день Воскресения Христова в нас зародится хоть малое семя этого рыцарского отношения к нашим ближним, ко всякому, кто слабее нас, и ко всему, что несет в себе отблеск подлинной красоты и доброты, всегда унижаемых в этом мире. Будем помнить, что Истину Божью надо защищать, также как и Любовь. Потому что это вещи очень хрупкие и они легко могут быть разрушены.

Зло имеет реальную силу, не забудем об этом. Будем вести эту войну, эту брань против духов злобы, без которой мы никогда не станем настоящими православными христианами. Как вчера замечательно у нас говорил Оливье Клеман: тот, кто нуждается во враге, не верит в Воскресшего Христа, ибо вера в Воскресение освобождает человека от страха перед врагом и от поиска врагов, от желания создавать себе врагов. Это была замечательная, глубочайшая мысль. Как жаль, что не все могли ее вчера воспринять, даже присутствовавшие на встрече. Крупнейший православный богослов нашего времени говорил нам об очень глубоких вещах, связанных с верой в Воскресшего, а не вообще с философской некой верой. И нам было чему поучиться. Тем более было приятно, что этот православный учитель современной церкви – француз. А именно во Франции чувство традиции рыцарства сохранилось более всего, хотя, к сожалению, в наше время оно уже сильно секуляризировалось.

Будем помнить, дорогие братья и сестры, что и среди наших общехристианских святых были настоящие рыцари. К сожалению, здесь нет образа Георгия Победоносца, но я надеюсь, он скоро будет. Это лучший православный образ рыцаря, спасающего немощную женщину, которую хотел поглотить древний змий. Православные мученики в огромной степени послужили настоящим корнем всей традиции рыцарства. Так что мы, как православные, можем опираться и на собственные корни, в древние века христианской истории проявлявшиеся равно и на Западе, и на Востоке, если захотим узнать, что такое рыцарство, если захотим его в своей жизни воплотить.

Я очень надеюсь, что памяти таких святых будут для нас поучительны, что взывая к ним, мы будем верить в то, что у Бога – все живы, а это и есть наша традиция. Наша традиция не формальная, она духовная, не будем этого забывать.

Таким образом, дорогие братья и сестры, церковь не случайно установила одно из воскресений после Пасхи как особый день воспоминания подвига святых жен-мироносиц, а с ними также праведного Никодима и праведного Иосифа Аримафейского, – всех тех, кто не испугался самого страшного тогда, когда Слава Божья еще не воссияла в своей полноте, а мрак наступал и давил на своем пути все живое. Поэтому в каком-то смысле это наш с вами день, дорогие братья и сестры, и будем благодарить за это Бога, и будем держать то, что дал нам Бог – не просто свои особенности, которые у каждого человека есть, не свое «слишком человеческое», в котором много несовершенного и даже греховного, а именно то, что восходит к единому потоку великой православной Традиции, на которую мы должны опираться и благодаря которой мы сможем защитить Божью Истину и Божью правду, и доброту, и красоту в этом мире: и скрежещущем, и воющем, и поющем на «девятый» глас.

Пусть же Воскресший Христос благословит каждого из вас всегда видеть своего ближнего как дар Божий ему лично, дар, который дает нам возможность послужить ему и тем самым проявить свое Православие не просто в красивых обертках или словах, а в жизни и в деле. И пусть прославляется Воскресший Христос всегда, чтобы люди не забыли, что наша вера та, которая победила и побеждает весь мир.

Аминь.

Христос воскрес!

Святитель Димитрий Ростовский: Слово в неделю св. жен-мироносиц

Проповедь

«Иисуса ищите Назарянина распятого: воста, несть zde» (Мк 16: 6). — Сии слова архангеловы. Сказаны они были святым мироносицам изнутри гроба Христова и читаны были в Евангелии на божественной литургии. Возлюбленные слушатели! Святым мироносицам, ищущим во гробе Христа, ангел сказал, что нет Его среди мертвых: «Воста, несть zde». Не ищите, говорит он, во гробе истощившего гробы, Живодавца между мертвыми не испытуйте, не взыскуйте нетленного во тли: не дал Бог Сыну Своему видеть истления. «Воста, несть zde». «Несть zde»! Но где же Он? Кто нам скажет? В прошлую неделю святой Фома любопытствовал, желая нечто узнать и увериться в воскресении Христовом, говорил: «Аще не увижу, аще не осяжу, не иму веры» (Ин 20: 25). В нынешнюю же неделю я грешный хочу любопытствовать, искать и узнать, где ныне Христос обитает по Своем восстании из гроба? На каком месте? Где может быть сказано о Нем, что здесь Он? Кто-либо скажет: Христос по воскресении Своем вознесся на небо и сел одесную Бога Отца. Это истина. Однакоже не ложны и те Его слова, в которых Он обещал, говоря, «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» (Мф 28: 20). Тогда где же Он с нами? На каком месте? Между какими лицами и чинами? По чему можно узнать Его присутствие? Кто может по правде сказать: здесь Он? Хочу поискать Тебя, Господа моего: «Тебе рече сердце мое, взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу» (Пс 26: 8). Только Ты Сам помоги мне найти Тебя. «Учителю, где живеш?» (Ин 1: 38). Скажи нам! Яви лице Твое, и мы спасены будем. Любовь же ваша да поможет моему недостойнству искать Христа богомысленным исканием. Начиная искать, где ныне по Своем воскресении обретается Христос Бог наш, прежде всего необходимо очень остерегаться того, чтобы где не найти ложного, а не истинного Христа, ибо Сам истинный Христос Господь наш во святом Евангелии предостерегает нас, говоря: «Аще кто речет вам: се zde Христос, или онде, не имите веры. Востанут бо лжехристы и лжепророцы и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстят, аще возможно, и избранныя» (Мф 24: 23,24). Вот я предсказал вам, что если скажут вам: в пустыне Христос, то не изыдите к Нему; или: в сокровенном месте Христос, то не имите веры. Слышал я, что многие, оставивши дом свой, имущество и родных, убежали в пустыню, леса Брынские, ища там Христа и правой веры, как будто бы в пустыне Христос. Будто Христос и правая вера в Него сидит где-либо в лесу за колодою. Не пойду я за ними. Я послушаюсь слов Самого истинного Христа, Господа моего: «Аще рекут вам: се в пустыне есть Христос, не изыдите». Слышал я, что у раскольников тайно уже христы имеются, но не верую я в тех христов: я слушаюсь слов Самого истинного Христа, Господа моего: «Аще рекут вам: се zde Христос... не имите веры». Я знаю, что это лжехристы или антихристы, как говорит Богослов: «Дети, последняя година есть; и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша». (Ин 2: 18). Пока самый антихрист придет, вот уже много наплодилось антихристов или, вернее говоря, предтечей антихристов. Но нет среди них истинного Христа: «Несть zde». Где обретается Христос по Своем воскресении? Кто-либо богословски скажет: Христос везде, ибо Он есть «Бог везде сый и вся исполняяй», что говорила недавно и церковь в одном тропаре: «Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в раи же с разбойником и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный». Небеса не вмещают Христа, Бога нашего; поднебесная вся не объемлет Его, и все концы земные не ограничивают Его. Посему Псаломник говорит: «Камо

пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бегу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще же сниду во ад, тамо еси; аще возму крыле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо рука Твоя» (Пс 138: 7-10). Христос Бог всемогущею силой Своей везде находится: на небесах соцарствует Отцу, во аде мучит бесов, в поднебесной соблюдает и устрояет жизнь человеческую. «О Нем бо живем и движемся, и есмы» (Деян 17: 28). Во всей вселенной Он содержит все и управляет всей тварью Своей, как видимой, так и невидимой. Если же Христос Бог наш и везде находится Своей всемогущей и вседержавной силой, то благословением и благодатью Своей Он не везде присутствует: в одном месте есть, в другом совсем не бывает, а в ином был, но ушел, говоря: «Се оставляется дом ваш пуст». «Воста, несть zde». Где же можно доподлинно узнать место обитания Его? Псаломник говорит: «Господь во храме святем Своем»; следовательно, Христос Господь наш по воскресении Своем обитает во святых храмах, созидаемых в честь Его. На это можно было бы надеяться, но доподлинно сие не известно, ибо святой первомученик Стефан говорит так: «Соломон созда Ему храм. Но Вышний не в рукотворенных храмах живет; глаголет бо: небо Мне престол есть, земля же подножие ногама Моима. Кий храм созиждете Ми, глаголет Господь, или кое место покоищу Моему? Не рука ли Моя сотвори вся сия?» (Деян 7: 47-50). Святой Стефан! Ты приводишь нас в смущение, когда говоришь, что «Вышний не в рукотворенных храмах живет». Ведь люди благочестивые не станут и созидать храмов Богу, если Бог не обитает в них. Ведь в храмах-то святых только и жить Богу, как в истинных Своих домах. За святого Стефана толковники отвечают так: Богу не неприятно созидание святых храмов и украшение их, ибо и Давид Духом Святым восхваляет их, говоря: «Возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея» (Пс 25: 8). Нельзя сказать и того, чтобы Господь не обитал в храмах Своих, ибо и Иезекииль пророк говорит: «И видех, и се исполнь славы храм Господень» (Иез 43: 5). Но почему же святой Стефан первомученик сказал сии слова: «Вышний не в рукотворенных храмах живет»? Он сказал их по двум причинам. С одной стороны, он хотел поразить гордость иудеев, которые безмерно хвалились своим Иерусалимским Соломоновым храмом и думали о нем так, будто Бог в нем живет больше, чем даже на небесах; с другой стороны, он хотел показать, что Бог не так любит жить в рукотворенных храмах, созидаемых в честь Его, как любит и желает жить в храмах нерукотворенных. А говоря по Божьей правде, иногда в рукотворенных храмах Бог и не желает обитать, если неблагоговейные и не имущие страха люди Его святой дом превращают в вертеп разбойников, как и Сам Он говорит: «Дом Мой — дом молитвы, вы же сотвористе его вертеп разбойником» (Мф 21: 13). Соберутся люди в церковь как будто на молитву, а между собой говорят и празднословят о постороннем: то о купле или продаже, или о пиршествах, или о ссорах, то осуждают кого-либо или бранят и злословят, или разбивают добрую славу ближнего разными хульными словами, так что храм Божий является чрез это уже не храмом Божиим, а вертепом разбойников. Другие же, стоя во святом храме, как будто и молятся устами, но в уме своем они мечтают о домашнем: о жене, о детях, о богатстве, о сундуках, о деньгах или о другом чем-либо. Иной же, стоя, дремлет, а иной помышляет о скверном и злом: один о воровстве, другой — об убийстве, третий — о прелюбодеянии и злодействе, а четвертый мыслит в храме гнев и месть ближнему своему. Все они храм молитвы делают не храмом молитвы, но каким-то вертепом. Иногда случается и то, что даже лица духовного сана, будучи пьяными, бранятся, сквернословят, дерутся, и при этом не только в храме, но и в святом алтаре. Тогда поистине храм Божий является уже не храмом Божиим, но вертепом разбойников. Тогда от святого места, оскверняемого бесчинием и скверными словами, отгоняется благодать Божия, подобно пчеле, погоняемой дымом. Тогда можно сказать, что нет там Христа: «Несть zde». Было время, когда Господь наш сделал из веревок бич и изгнал всех продающих и покупающих в церкви. Что, если бы и ныне Он видимо пришел в Свой святой храм с тем бичом? Не изгнал ли бы Он всех вон, тех, которые разговаривают, сквернословят, думают о скверном и не внимают чтению и пению? Но, о Господи, уже прошло то время, когда Ты изгонял бесчинников из святого Твоего храма. Ныне настало наше окаянное время. Ныне уже мы изгоняем Тебя, а храм Твой претворяем в вертеп разбойников. Теперь можно иногда сказать о

храме Господнем: нет здесь Бога; был, да ушел прочь: «Воста, несть zde». «Вышний в нерукотворенных храмах живет», — говорит святой Стефан (Деян 7: 48). Где же тогда нерукотворенный храм Вышнего? Каждый человек, одухотворенный, вразумленный и просвещенный святым крещением, — вот храм Божий, как об этом свидетельствует и апостол: «Храм Божий свят, иже есте вы» (1 Кор 6: 19). Если же каждый праведный человек есть храм Божий, то значит в каждом человеке можно искать Христа, обитающего по воскресении, и тогда можно будет сказать: «Есть zde», но и сие под сомнением и не доподлинно известно. Много есть просвещенных крещением и правоверных, но мало тех, в которых обитал бы Христос, как в истинном Своем храме. Ведь и вор крещен, и разбойник, и прелюбодей; ведь каждый злодей просвещен верой. Но не спрашивай в них Христа: «Несть zde». Разве давно когда-либо был; разве только тогда, когда вор имел еще младенческие годы. Когда же он пришел в возраст и стал воровать, тотчас отошел от него Христос: «Воста, несть zde». Иной с виду и кажется добродетельным, но Бог знает, что в тайниках его; ибо в одном месте апостол говорит: «Бываемая от них отай, стыдно есть глаголати» (Еф 5: 12). Не скоро найдется Христос и в этих людях: «Несть zde». Иной же считается верным рабом Божиим и истинным богопочитателем, но на деле он чтит Бога только устами, сердце же его далеко отстоит от Него; и в нем не спрашивай Христа: «Несть zde». Кто является богомольцем, кто подвижником, кто постником, кто нищелюбцем, а кто и иным каким-либо добрым делом известен. Но если они лицемерно все сие творят, из тщеславия, на показ людям, то и здесь не ищи Христа: «Несть zde». Бывает, что иной притворяется смиренным, а в уме гордится, притворяется целомудренным, а в мыслях сквернится, притворяется любящим, а в сердце злобствует, устами говорит мирное, лобзает, но в то же время коварствует и творит лесть, подобно Иуде. Не надейся и здесь найти Христа: «Несть zde». Не легко найти бисер драгоценный в глубине моря, золото и серебро в недрах земных; так же трудно найти и Христа в людях, в которых бы Он мог обитать, ибо по словам Давида: «Вси уклонишася, вкупе непотребни быша; несть творяй благостыню, несть до единого» (Пс 13: 3). «Несть zde». Псаломнические слова: «Господь во храме святем Своем» в старопечатной Псалтири, а также и в Киевской читается так: «Господь в церкви святей Своей», и это гораздо правильнее, ибо иное есть храм, и иное — церковь. Храм построен руками, имеет каменные или деревянные стены, он утвержден и создан стоящим на одном месте, как и сей святой каменный храм. Церковь же не руками сотворена; не имеет она и стен каменных, обо церковью считается собрание верующих, находящихся не на одном каком-либо месте, но по всей вселенной. Посему-то она и называется, и есть церковь соборная, апостольская. Она простирается от начала до конца вселенной и есть во всяком народе и племени, какие только правоверно славят Христа Бога. Основание сей церкви — Сам Христос; стены — закон Божий; столпы — апостолы, евангелисты и учителя; покров — Дух Святой. Об этой-то церкви у апостола и пишется: «Вы есте церкви Бога живаго», как сказал Бог: «Вселюся в них и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие» (2 Кор 6: 16; Пс 10: 3). Посему если псаломское писание говорит: «Господь в церкви святей Своей», то нужно это понимать так, что Господь обитает во множестве верующих; и если, по прежде сказанным словам святого Стефана, «не в рукотворенных храмах живет», то без сомнения Он живет в нерукотворенной Своей церкви, которую до конца возлюбил, которую искупил Своей кровью и за которую положил душу Свою. Итак, в церкви, в собрании верующих, нужно искать Христа, обитающего по Своем воскресении, ибо Он им сказал: «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» (Мф 28: 20). Но о как окаянны последняя времена наши, ибо ныне сия святая церковь крайне притесняется и умаляется: с одной стороны — внешними гонителями, с другой же — внутренними раскольниками, которые, по апостолу, «от нас изыдоша, но не беша от нас; аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами» (1 Ин 2: 19). Они не сыны церкви, но прелюбодеи, терзают внутренность церкви, своей матери, хулят ее многими непотребными словами и, отторгшись от нее, увлекают за собой и многих других, толкая их к заблуждению и гибели. Теперь уже так умалилась сама истинная соборная и апостольская церковь, что едва можно где-либо найти истинного сына церкви. Чуть ли не во всяком городе находится теперь какая-то особая вера, и

толкуют теперь о вере и простые мужики, и бабы, совершенно не знающие истинного пути; рассуждают о догматах, учат о сложении трех перстов и проповедуют новый неправильный крест. Стоят окаянные в своем упорстве, презирая и отвергая истинных учителей церковных. Иные же, хотя и находятся как будто внутри церкви, но сие — одно коварство: они только вид имеют благочестия, «силы же его отметаются». В таких поистине нет Христа, нет в них Бога: «Несть zde». Но оставлю ныне говорить о таких подробно. Пойду лучше дальше в путь, желая найти Христа. Я сказал, по Псалмопевцу, что «Господь в церкви святей Своей», в церкви святой, апостольской, правоверной, простирающейся по всей вселенной, хотя и притесняемой, и озлобляемой, и терзаемой, однако преобладающей, которой даже и адовы врата не могут одолеть. Я сказал, что в ней Господь, посему и удаляющимся от нее нет спасения. Но все-таки я поищу Христа и в другом месте, в особенности же в сынах церкви, ибо многие и православную истинную веру содержат, и внутри церкви находятся, и как будто держатся своей матери, и даже не помышляют отторгнуться от нее, а между тем они чужды Христа. Церковь святая, как нива пшеничная: она имеет и пшеницу, и плевелы, но и то, и другое — только до жатвы. В церкви святой, значит, есть и добрые, и злые, есть и праведники, и грешные, есть и овцы, и козлища; церковь — как мать: она питает и согревает не только добрых своих чад, но и злых, — добрых любя, а злых терпя и милосердствуя о них. Я же ищу Христа только в истинных чадах церкви, где Он находится по Своем воскресении: «Где есть?» Снова я спрошу у Псаломника, где искать Господа нашего? Псаломник говорит: «Господь посреде людей Своих», и еще: «Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром» (Пс 124: 2; Пс 28: 11). Но я и еще спрошу: кто же эти люди Христа, Бога нашего? Поистине всякий скажет, что люди Христа — это христиане. Итак, будем искать Христа между христианами и скажем: «Есть zde». Но опять приходится болеть сердцем, ибо многие из нас только по имени христиане, а по делам — горше поганых; только имя христианское, житие же скотское, свинское. Мы ограждаемся крестом Христовым и вторично распинаем Христа, как богоубийцы, — распинаем Его скверными, мерзкими и нечистыми делами. Мы поклоняемся иконе Христовой, а кровь Его дражайшую, излившую за нас, попираем ногами, соделывая бесцельным и недейственным Его вольное страдание за нас. Мы хвалимся именем христианским, и это же самое Его святое имя, нам данное, мы делаем хульным. Будучи христианами, живем не по-христиански. Что же? Можно ли сказать, что здесь Христос? Никогда! «Воста, несть zde!» При каждом таком христианине невидимо стоит ангел-хранитель и плачет, говоря: не ищи здесь Христа, — когда-то был здесь, но давно уже отошел. «Воста, несть zde». Но не все христиане таковы. Есть злые, зато есть и добрые. Как посреди пшеницы есть плевелы, так и посреди плевел иногда бывает пшеница. Среди злых можно найти много и добрых, имеющих в себе Христа, и иногда можно будет сказать: вот здесь Он. Итак, будем смотреть и искать. Теперь нас устрашают слова Господа нашего, хотя и не к нам сказанные, но достигающие и нас. Господь сказал: «Взыщете Мене, и не обрящете», и «Во гресех ваших умрете» (Ин 7: 34; 8: 21). Но почему же, о Господь наш, мы не можем найти Тебя!? Потому, говорит Он, что не даете Мне места в вас к пребыванию; если и принимали Меня когда-либо вашим малым ко Мне обращением, зато вскоре же снова изгоняли Меня бесчестно, снова возвращались к вашим злым делам. Но все-таки мы будем искать Тебя, Господи. Поищем Его в чине духовном. Ведь в нем и подобало бы Христу быть, как в Своих истинных служителях, носящих образ Христов. Но и в них редко найдешь Христа, ибо и из них каждый ищет своего, себе добра желает, а не людям, себя пасет, а не Христово стадо. Что, если бы кто, посмотревши прежде всего на самый высокий духовный чин, спросил бы кого (но только, чтобы он ответил по правде): «С каким намерением, с каким желанием ты пришел к высоте пречестнейшего сего духовного сана? Для одной ли только славы Божией, или же ради своей чести и славы? Для приобретения ли спасения душам человеческим, или же для своего обогащения? Пасти ли овец Христовых, или же только для того, чтобы себя напитать получше?» Поистине, найдется не один, который пришел не столько ради славы и чести Божией, сколько для своего прославления и чести, не столько ради людской пользы принял сей сан, сколько из-за своей собственной корысти. Такой пришел не

для того, чтобы послужить спасению душ человеческих, но чтобы его власти послужили подначальные. Он пришел быть не отцем и пастырем, но господином и владыкой. Простите мне, высочайшие власти духовные, говорящему сие. Я говорю не о всех, но только о некоторых, и в их числе быть может обретаюсь и я грешный. Я знаю, что лица высочайшего духовного сана являются ангелами во плоти, как пишется о сем в Апокалипсисе: «Ангелу Ефесския церкви напиши... Ангелу Смирнския церкви напиши... Ангелу Пергамския церкви напиши» и прочее (Апок 2: 1,8,12). Однако между теми ангелами может находиться и человек, подверженный немощам. Ангелам беспорочным от Пастыреначальника блюдетя честь и венец, а опороченным ангелам (как и мне грешному), подпадшим немощи человеческой, Господь говорит одному так: «Имам нечто на тя мало», другому сие: «Вем твоя дела, имя имаши яко жив, а мертв еси», иному же вот что: «Не студен еси, ни тепл», «Изблевати тя имам от уст Моих» (Апок 2: 14; 3: 1,15,16). Посмотрим теперь на следующий духовный чин, то есть на мирских иереев и диаконов, и поищем в них Христа, поистине обитающего здесь. Что если бы также каждого из них отдельно спросить: «Что привело тебя к священному сану? То ли, чтобы спасти себя и других?» Что каждый ответит? «Нет, не для сего, но чтобы прокормить жену, детей и домашних». Действительно, служащие алтарю должны и питаться от алтаря, однакоже, если они идут в сей сан более ради самого пропитания, чем для славы Божией или для спасения своего и душ человеческих, то в них трудно сыскать Христа. Рассмотря себя, всякий освященный человек! Что ты думал, когда пришел к сану духовному? Для спасения ли ты пришел, или ради корма, которым насыщаешь тело? Ты «поискал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса». Иной служит не только не для созидания овец Христовых, но даже и себе не на пользу, а лишь людям на соблазн и на свою погибель. Иной, взяв ключи разумения, сам не входит и входящим возбраняет; иной же даже и ключа разумения не имеет, в своем звании пребывает недействительным и не только вверенных ему овец не приводит ко спасению, но даже и сам не знает пути спасения. Здесь слепец водит слепцов, посему вместе они и в яму упадут. Не скоро и в них мы найдем Христа: «Несть zde». Пошли мы, было, искать Христа в монастырях, но и в них все ныне испортилось; ничего нет, и порядка нет, едва и Христос остался; теперь только хлопоты да ропот, печаль и вздохи. В крайней нищете и скудости, пожалуй, и нашелся бы Христос, если бы только сия нищета и скудость переносились с благодарностью. Но всякий ли может свою беду терпеть с благодарностью? Разум советует великодушествовать, а немощь человеческая малодушествовая ропщет. Разве поискать Христа в народе? Но где есть больше воровства, как не в народе? Там воровство, там убийства, там шум и мятежи. Не напрасно говорит Писание: «Изыдите от среды людей сих и нечистоте их не прикасайтесь» (2 Кор 6: 17). Если же где-либо и были в народе богобоязненные и добрые люди, то в настоящее время и те за своими делами и неприятностями и Бога забыли, и от молитвы отстали. Быть может, найдем Христа среди великих людей, среди бояр и судей, поставленных для соблюдения правды? Ведь они поставлены смотреть за справедливостью и делать правду. Пошли мы, было, и к ним искать Христа, но там недоступно. Нам сказали: не время, приди в другой раз. Но и незачем ходить к ним, ибо Писание говорит: «Изыде беззаконие от судей и старец» (Деян 13: 5). Среди них едва ли и был когда Христос, ибо в нынешнее злое время и они сделались злыми; правда в них скудна, а милосердия и совсем нет. Где же нет правды и милосердия, там не ищи Христа: «Несть zde». Впрочем, не о всех судиях и правителях я говорю сие: не о тех, которые боятся Бога и творят правду, и хранят похвальную милость на судах, а о тех я говорю, к которым взывал и пророк Михей, обличая обиды, которые они делали убогим людям, обличая их неправды, хищения и оскорбления. «Слышите, — говорит он, — властители, ненавидящие добра, взыскующие же злое; не вам ли есть дано разумети и творити суд праведный в людех? Вы же до толика озлобляете нищих и убогих людей неповинных, яко и кожу с них одрасте, и кости их столкосте, и содробисте плоти их, аки в коноб (церк.-сл. — котел) вложить на устроение снеди. Слышите, старейшины дому Иаковля, развращающие правое, возграждающие Сиона кровми, и Иерусалима неправдами» (Мих 3: 1-2,9,10). Нет, не найти Христа в таких судиях и правителях: «Несть zde». Где же тогда можно найти Его? Бог знает.

Разве только и остается, что сетовать с Магдалиной, говорящей: «Взяша Господа моего от гроба, и не вем, где положиша Его» (Ин 20: 13). Грехи наши взяли от нас Господа нашего, и не знаем, где теперь можно искать Его. Кто-либо скажет в уме своем: «Господь мой со мной, и я с Ним, ибо я верую в Него, молюся Ему и поклоняюсь Ему». О если бы дал Бог, чтобы так сие и было! О если бы Господь наш был со всяким христианином, верующим в Него, молящимся Ему и поклоняющимся Ему! Но еще неизвестно, со всяким ли Он христианином, ибо для спасения человеку не достаточно только веровать во Христа, ибо согласно словам святого апостола Иакова, «и беси веруют, и трепещут» (Иак 2: 19), однако же они — беси. Какая польза христианину только веровать во Христа, а дел христианских не иметь? Какая польза только молиться Христу, а заповеди Его преступать? Какое добро в том, чтобы кланяться Христу Богу и в то же время опечаливать Его беззаконными делами подобно тем, которые во время Его вольного страдания, сгибая колени, поклонялись Ему и в то же время, взявши трость, били Его по голове? Кланяешься, человек, Христу, но в то же время ты бьешь Христа, озлобляя и мучая ближнего своего, насилуя и грабя его, и отнимая несправедливо его собственность. Ты молишься Христу, а в лицо Ему плюешь, испуская сквернословие из уст твоих, укоряя и осуждая ближнего твоего. Ты веруешь во Христа, а делами твоими богопротивными ты отметаешься от Него. Если ты говоришь, что Христос с тобой, а ты со Христом, то покажи мне сие на жизни твоей, как говорит апостол: «Покажи мне от дел твоих веру твою» (Иак 2: 18). Покажи мне знак, по которому я могу узнать, что Христос обитает в тебе, и сказать: «Здесь Он». Не скорее ли я покажу в тебе то, из чего будет ясно видно, что нет в тебе Христа, и можно будет тогда сказать: «Несть zde». Послушай же, как и что я покажу. Знаете ли вы, память какого святого празднуется церковью в нынешний седьмой день апреля? Почитается память преподобного отца нашего Георгия Исповедника, епископа града Мелетина, что на острове Лезвии (Лесбос). Что написано в житии сего преподобного? Вспомни, кто читал. Если же кто не читал и не знает, что там написано, то я скажу. Когда за грехи человеческие должна была отняться милость Божия, когда прогневался Господь Бог, то церковь Божию готовы были постигнуть бедствия и гонения. Не многим до сего времени были показаны в мелетинской церкви такие знамения. Во время вечернего пения, когда народ пел «Кирие, элеисон!» (Господи, помилуй!), святой крест, бывший на божественном престоле, внезапно какой-то силой был с великим шумом выхвачен из своего места, поднялся вверх под стропила и потом, склонивши верх свой вниз, упал на землю. Народ, видевший это, был объят великим страхом и ужасом; поднявши вверх руки свои, он велегласно и долгое время взывал: «Кирие, элеисон!» Вторым знамением грядущего бедствия было следующее. Через несколько дней после описанного, когда двери церковные случайно были не заперты, какой-то великий вебрь, страшный и смрадный (не привидение, но на самом деле вебрь), имевший отрезанные уши и хвост, вошел в церковь, потом в алтарь и лег на горнем седалище. Слуги церковные, увидевши тотчас это, начали изгонять вебря, но не могли его изгнать, ибо он был очень свиреп и бросался на всех, и прогонял всех, кто хотел изгнать его из алтаря. Тогда они принесли большие дреколья, долгое время били его до крови и, утомившись, с большим трудом смогли наконец изгнать его. В это время там был некий прозорливый старец, именем Симеон, который с плачем говорил народу, что знамение это не к добру. Верьте мне, дети, говорил он, падение креста предзнаменует, что придет какая-то крестоборная ересь и гонение на церковь Божию; вебрь же смрадный предзнаменует то, что сей престол примет по попущению Божию какой-то епископ, имеющий свинский нрав и житие. Это вскоре и сбылось. Лев Армянин, получивши греческое царство, восставил иконоборческую ересь и поднял великое гонение на церковь. В то время от царя Льва Армянина и от лжепатриарха Феодота, называемого Кассистером, — от этих еретиков был послан на остров Лезвийский, в город Мелетин, единомышленный им еретик. Он, подобно вебрю, вышедшему из степей, пожрал и испачкал виноград Христов, попирая и сокрушая святые иконы и зверски смущая словесных овец. Оба эти знамения, бывшие в те времена, вспоминая по случаю памяти празднуемого ныне святого, я прилагаю к настоящей нашей беседе и снова говорю с апостолом: «Вы есте церкви Бога живого» (2 Кор 6:

16). Всякий христианский благочестивый человек есть церковь Христа Бога нашего. В этой церкви есть и крест. Им является как всегдашнее памятование о страданиях Христовых, согласно словам апостола Павла: «Не судих ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и Сего распята» (1 Кор 2: 2), так и повседневное умерщвление греховных страстей своих, а также и терпеливое перенесение всего скорбного, случающегося по Божию попущению. Горнее же седалище в сей духовной церкви, то есть в христианском человеке, это есть сердце, в котором любит почивать Архиерей грядущих благ, Христос, говорящий человеку: «Даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч 23: 26). Внемли здесь и рассмотри в себе самом, человек христианский, являющийся по апостолу «церковью Бога живого»: не упал ли в тебе крест, не возлег ли на горнем седалище твоего сердца вепрь и свинья? Если ты оставил всегдашнее воспоминание о страданиях Христовых, если прекратил умерщвление твоих греховных страстей, если не имеешь благодарного терпения в случающихся с тобой скорбях, то знай: это есть верный признак того, что не находится в тебе Христос. «Несть zde». Если в сердце твоём вместо любимого Христа лежит вепрь или свинья, любовь к какому-либо блудническому лицу, если нрав твой как у вепря и житие твое — свинское, то знай: это есть верный признак, что нет в тебе Христа. «Несть zde». Если ты мне покажешь, что ты сораспят со Христом в умерщвлении страстей твоих, если явишь мне не свинское, но святое и праведное житие, то я без всяких сомнений скажу, что в тебе обитает Христос, скажу: здесь Он. Но пока я вижу, что ты, как свинья в кале тинном, валяешься в греховных страстях и сластях, до тех пор я без сомнений буду говорить: нет Христа в нас, нераскаянных грешниках. «Несть zde». Итак, где же мы найдем Господа нашего? Теперь я еще вспомню тех бедных людей, о которых когда-то говорил и святой пророк Михей, кожа которых ободрана неправедными судиями, кости истолчены и тело раздроблено, как съедобное мясо. О люди, страждущие в подобных бедствиях! В вас ныне обитает Христос, как в Своих членах, если только вы терпите с благодарением. Вы — новые мученики последних времен. Так страдал и святой великомученик Георгий, который был нечестивым царем убит за Христа. Вам сплетаются венцы небесные, только не изнемогайте в терпении, но взирайте на страдания Господа своего, пострадавшего за нас еще больше, благодарите Его за все и положитесь во всем на Его святую волю, говоря: «Да будет воля Твоя, Господи», а Господь со Своей любовью, хотя и невидимо, но всегда будет среди нас. Итак, вот где Он. Господь любит плачущих; вы же всегда в слезах. Итак, в вас Он живет: «Здесь Он». Любит Господь алчущих и жаждущих, а у вас и пить, и есть мало, и у иных нет и половины хлеба; значит, Он в вас обитает. «Здесь Он». Любит Господь и невинно страдающих, а ваши страдания и исчислить трудно: одни избиты до крови, другие расправой измучены так, что в ином уже едва и душа в теле держится. Значит, в вас вселяется Господь. Он, видя страдания ваши, готовит за них радость вечную. «Здесь Он». О новые страдальцы, страсотерпцы и мученики! Молю вас и увещаю, не изнемогайте в терпении, но благодарите Христа своего. Он же придет по воскресении Своем в гости к вам; и не только в гости, но даже в неразлучное пребывание с вами, ибо о каждом из вас говорится в Евангелии: «Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим» (Ин 14: 23). В вас Христос и есть, и будет, а вы скажите: Аминь.

* Печатается по: Творения иже во святых отца нашего св. Димитрия Ростовского, С.-Пб., книгоизд-во П. П. Сойкина, сс. 274-286.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

3. Ю.

Мой путь к Богу оказался коротким, а в Церковь — длинным. Отец мой участвовал в так

называемой Финской кампании, и как только началась Великая отечественная война, 26 июня 1941 г. был отправлен на Ленинградский фронт. Все, что получила моя мама от непродолжительной совместной семейной жизни, – это двух сыновей. В день отправки отца на фронт на руках у нее остались мой полуторамесячный брат и я в возрасте четырех лет.

Не прошло и года, как письма с фронта прекратились. На запрос, посланный командиру, мы получили ответ, что отец наш тяжело ранен и отправлен в госпиталь, был указан номер госпиталя. Из госпиталя же нам сообщили, что такой не поступал. Так мы стали считаться детьми пропавшего без вести военнослужащего и получали положенное пособие.

Вот тогда-то моя верующая мама с помощью родственницы, которая стала моей крестной матерью, с большим трудом нашла странствующего бывшего священнослужителя и дома, тайно от властей, нас крестили. Так я и мой брат в раннем возрасте стали крещеными. Плохо это или хорошо? Я считаю, что хорошо. Какие бы перипетии в жизни ни происходили, в моем сознании всегда было, что я крещен, т. е. Богов. Жаль, что имени священника мы не сохранили в памяти. Но в те времена, по всей вероятности, его было и вслух-то произносить нельзя: дети бы проговорились, кто-то бы донес, а о последствиях доноса лучше и не предполагать. Но в душе сохранилась теплая благодарность. Сколько их, верных призванию, гонимых, в лишениях странствовало по Руси! Неблагодарная наша память должна восстановить их имена.

Жизнь была трудной. Матери, чтобы прокормить и одеть нас, нужно было зарабатывать на двух работах. Но как бы ни было тяжело, Божье милосердие всегда было с нами.

После окончания войны открыли церковь и мама стала водить нас на исповедь и причастие. Но другая рука – рука власти – сводила нас в октябрятские звездочки и пионерские отряды. С песней «мы – орлята, мы – счастливые ребята нашей солнечной страны!» и подобными ей мы все дальше и дальше отходили от Создателя. Как печальны сейчас эти, на первый взгляд задорные и жизнерадостные строки: «Мы идем, как следопыты, все пути для нас открыты, все дороги нам видны»!

Мы получали светское образование. Откуда нам, неподготовленным, было знать, что в этом образовании – только часть, хотя и важная, но не главная? То, что было открыто Богом и выстрадано людьми, – десять заповедей Божьих и девять заповедей блаженства, – было отнято у нас, как будто бы этого и не было. Церкви разрушены, закрыты, приспособлены под непотребные места... В нашем городе был огромный пятиглавый Преображенский храм – теперь дом культуры. Сколько пьянок, драк, других неприглядных действий совершено в нем! Святое место сделали вертепом разбойников. А рядом стоявший Троицкий собор был просто взорван. Господи, прости нас, грешных!

Я стал учителем математики и воспитателем молодежи. С уверенностью в своей правоте продолжал ложь. Во всех учебниках провозглашалось, что естествоиспытатели своими открытиями доказывали, что Бога нет. Только на склоне лет я узнал, что большинство из них были глубоко верующими людьми. Бог открывал им тайны природы, Свою силу и давал ее нам. А нам – все мало, мало. Вот вам! Кулоновы силы электричества в 1039 раз больше гравитационных. Разве сравнить их с применением катков и наклонной плоскости для построения чуда света – пирамид Хеопса? Ядерные силы еще мощнее. А термоядерная реакция – это энергия, бушующая на Солнце – она ласково греет нас, но раскаляет планеты, которые ближе к Солнцу, чем Земля, – там жизни нет! А дальше от Солнца – Марс и другие планеты, там тоже нет жизни: холодно. Мы на Земле находимся в оазисе Создателя. Никакое чудо из чудес не сравнится с чудом жизни на Земле!

Основная «трудовая деятельность» моя закончена, я пенсионер. Что я могу сказать теперь? В

основе воспитания подрастающего поколения не было краеугольного камня, вместо него – красивая ложь. Да, моральный кодекс строителя коммунизма – это красивое произведение человеческого ума и там действительно записаны моральные нормы, выработанные человечеством, – быть честным, справедливым, хорошим товарищем, другом – что еще надо? Но там нет главного: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов...» Моральный кодекс красивыми, льстивыми и лицемерными словами отрывал нас от Бога, и получался карточный домик «без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Лк 6: 49). Во главу угла в нем был поставлен человек с его первым, смертным грехом – гордостью, и воспитан он был идти по побуждению сердца человеческого. Заманчиво было сказано: всестороннее развитие личности. А предупреждение Спасителя: «Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк 7: 21, 22), – было скрыто от нас. Храмы разрушены, духовные книги сожжены и выброшены на свалку. Грех, который устроители жизни разными путями пытались удержать в клетке (а в лагерях и тюрьмах сидели миллионы – справедливо и несправедливо), при объявлении так называемой свободы в полных своих красках вырвался на волю. Божки и идолы, к которым присох человек, овладели им. Коррупция власти, разбои, насилие, убийства, бессмысленные войны, смута, вместо любви любодеяния – вот что мы получили в наследство за то, что жили без компаса, без руля и без ветрил. К такому выводу я пришел (а правильное – Бог меня привел) на основе жизненного опыта – моего и моих сверстников, родителей, прародителей.

Моя трудовая и так называемая общественная деятельность по Божьему благоволению шла довольно спокойно, как говорят, «поступательно». Учитель сельской школы, секретарь колхозной комсомольской организации, счастливая женитьба, переезд в родной город: школа, председатель профсоюзной организации, вступление в партию, секретарь партийной организации, выдвижение – инструктор райкома партии по парторганизациям учебных заведений. И непрерывная учеба. Широка дорога, просторен путь. Но куда? Оглядываясь назад, я понимаю – ничего не бывает без пользы. Бог понемногу, постепенно вразумлял меня. Я стал чаще задумываться о смысле жизни. Видел многие трагедии: самоубийства детей, жизнь опустившихся людей. Справедливости ради нужно сказать, что такие случаи в тот период по крайней мере расследовались властями, изучались и принимались какие-то, пусть и незначительные, меры. Со стороны я видел притеснения верующих, но Бог уберег меня от непосредственного участия в них. Я знал, что факты крещений, отпеваний регистрировались, и с теми, кто совершал церковные обряды, в парторганизациях проводилась «работа». Для «рядовых тружеников» это оставалось без больших последствий, но если попадались «руководящие работники», для них дальнейшее продвижение могло оказаться закрытым. Нечего удивляться, что в высших эшелонах власти оказались хотя и способные, но высокомерные, надменные люди. Они первыми и попрали те нормы, которые сами же ранее провозглашали, оказались предателями.

Было гонение и на меня. В нашем доме уважали веру родителей, и не были сняты иконы. Родители регулярно посещали церковь. Дом наш был открыт для людей, и родители, и мы с открытым сердцем и душой принимали гостей. И вот один из них пожаловался в обком партии: как это в кадры взяли человека из такой семьи? К моему счастью, а лучше сказать – по Божьему благоволению, в этом его «сочинении» был явный перебор, а жалобы тогда проверялись скрупулезно. Мой тесть, например, был назван там членом церковного совета, а он в совете не состоял. По положению жалобщика, такие вещи нужно было знать точно. Кроме того, я жил в доме тестя и мог выдвинуть условие: дайте квартиру – и в моем доме не будет икон. С квартирами же всегда было туго, а моя «партийно-производственная характеристика» была положительной, и разбор жалобы оказался для меня без видимых последствий, мне даже

официально не сообщили о ней. Но так устроил Бог, что жалобы проверял первый атеист области – мой преподаватель истории КПСС, научного коммунизма и философии марксизма-ленинизма, который очень хорошо знал и меня, и жалобщика. Честный и справедливый человек остается им и в среде несправедливости: он по-отцовски пожурил жалобщика, а меня, на всякий случай, предупредил. Я в то время еще не знал Евангелия, но как я благодарен Богу за то, что Он вразумил меня! Я никогда не подал вида, что знаю о жалобе, и продолжал приглашать, как и раньше, кляузника к семейному застолью, мы вместе пили вино, ели, веселились. Я не знал заповеди Спасителя о любви к ближнему и даже к врагу, но Он привел меня к ней.

Умер мой тесть, и его родственники обратились ко мне с просьбой отдать им принадлежавшую ему Библию – подарок их деда, сказав: «Она Вам не нужна, а для нас это семейная реликвия». Как это не нужна? Прежде чем отдать, я стал внимательно читать дореволюционный русский перевод. Очень долго я плохо понимал прочитанное. Первые, важнейшие и основополагающие страницы Книги Бытия, как и последующие, я воспринимал поверхностно – как былины и легенды, которые изучал еще в школе. Но я не отступал и продолжал читать. Слово Божье мне раскрылось, я стал прозревать и обнаружил, что в моих руках – кладезь мысли, истина, путь жизни. И тогда Библию я стал уже изучать. Бог не замедлил протянуть мне руку помощи, и в 1987 г., т. е. десять лет назад, моя двоюродная сестра неожиданно подарила мне Библию, и я шаг за шагом изучал ее несколько лет.

И вот началась «перестройка». В короткое время рушились прежние устои жизни людей. Для меня стали яснее причины происходящего. Закрылись партийные организации, а правильнее – они сами себя закрыли. Слепые вожди привели слепых в пропасть. Для всех открылись врата Церкви. Пришел в Церковь и я. (Боже, прости меня, по милосердию Твоему, что я, как трус, но и как ученики Твои, оказался малодушным за дверями Дома Твоего, когда Тебя гнали и попирали!)

Господь ведет тех, кто к Нему обратился, – я могу сказать это на своем примере. Слушая внимательно псалмы, молитвы, тексты Священного писания, я все глубже осознавал значение Дома Господня.

К сожалению, я поздно начал изучать то, что должен был знать с детства. Мне очень близки идеи воссоздания христианской семьи, христианской общины, как это было у первых христиан... «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!» Боже! Соедини нас, убежавших от Тебя и разбежавшихся друг от друга. Прости, спаси и помилуй. Благослови, Господи! Не оставь нас!

Л. К.

Насколько я знаю, все мои прародители, начиная с прапрапра-, имели крестьянские корни и были русскими православными людьми.

Мое рождение, как и рождение моих братьев, пришлось на «расстрельные» 30-е годы. Один мой дед, арестованный в 1933 году как «разлагатель колхоза», умер в тюрьме от дизентерии. Деда я никогда не видела.

Родилась я в 1939 году на Урале в г. Миассе Челябинской области. Меня не крестили, так как единственный сохранившийся храм при кладбище был закрыт. К тому же мои родители, крещеные до революции, выросли уже при советской власти и к религии относились индифферентно. Мой отец, горнослужаший (геолог, горный мастер), работал в золотодобывающей отрасли. Моя мать, пока не родились мы, четверо детей, работала

учительницей начальной школы и воспитательницей в детском саду.

В силу обстоятельств, связанных с работой отца, наша семья часто переезжала и жила в сельских местностях и на приисках на Южном Урале, где не было ни храмов, ни священников. Единственной истинно верующей христианкой в нашей семье была моя бабушка, но вера ее была скорее традиционной, чем осознанной. Бабушка была неграмотной, молилась по-своему, по-простонародному – о том, что придет в голову. Именно от нее я впервые услышала о Боге. На Рождество, Пасху, Троицу бабушка стряпала вкусные вещи. Нам, детям, это нравилось, но и только. Смысл этих праздников как-то не доходил до нашего сознания. К рассказам бабушки о рождении Христа, Его распятии и воскресении мы относились как к сказкам. Единственную в семье маленькую иконку Николая Угодника бабушка почему-то прятала и молилась на окошко.

В те времена существовало такое присловье: «Перевернуть Карлу-Марлу на пресвятую Богородицу». Это означало, что висевший днем в переднем углу портрет Карла Маркса вечером заменяли иконой Божьей Матери. В нашей семье портретов советских вождей не вешали – родители не были коммунистами, и все же они очень не одобряли, когда бабушка в их отсутствие (они были на работе) приводила в дом богомольных старушек.

На площади села до 30-х годов стоял храм, но его снесли – осталось ровное место. Однажды в село откуда-то приехал батюшка. Прибежала моя подружка (мне и ей было по семь-восемь) и позвала меня на площадь, где всех желающих батюшка собрался крестить – кропить святой водой и «мазать миром». Мне очень захотелось пойти туда, но нужен был один рубль – плата «за крещение». Рубля у меня не было, и я обратилась к моему отцу. Было воскресенье, и он был дома. «Глупости!» – сказал отец и не разрешил мне идти на площадь. Я нисколько не порицаю моего отца – таково было время.

Я расспрашивала о Боге бабушку, но в ответ слышала пугающие меня вещи о том, как наказывает Бог, и о мучениях грешников в аду. Я любила петь и танцевать, а бабушка невольно перепугала меня, рассказав о том, что слишком веселым людям в аду черти льют в глотку смолу и заставляют плясать на раскаленных гвоздях; и хоть грешников мучают черти, но в ад их посылает Бог. Или вот такой случай: в соседнем доме умерла от дифтерии трехлетняя девочка, с которой я любила играть. Старушки рассуждали, что девочку взял на небо Господь и что там она будет ангелом. Но я видела, как билась в рыданиях мать девочки, и не могла принять этой смерти «от злого боженьки».

В сельских местностях в большом ходу были различные суеверия. Дом, баня, огород, река, лес, болото были населены нечистой силой. Домовые, «суседки», лешие, русалки, черти – все это пугало мою неокрепшую детскую душу. Поэтому, когда уже учась в школе, я узнала от учительницы, что всего этого не существует и что Бога тоже нет, я успокоилась и в дальнейшем к религии относилась безразлично.

Пришло время – я стала пионеркой. Мне нравилось учиться (я была отличницей), участвовать в пионерских сборах, в школьной самодеятельности. Я верила, что моя родина – лучшая на свете, и ее ждет великое будущее, а я должна хорошо учиться, потом хорошо работать и быть достойным членом общества. Жили мы плохо, бедно. Наши родители трудились тяжело, получая при этом столь маленькую зарплату, что нашей семье, состоящей из семи человек, трудно было бы прокормиться, если бы не спасительный огород и домашний скот, забота о которых лежала целиком на бабушке, которая тянула домашнее хозяйство на своих плечах, вставая в пять часов утра, пока все еще спали. Но почему мы так жили, было понятно: недавно закончилась Великая война, а капиталисты опять грозят нам атомной бомбой. Мы должны быть готовы к защите своей Родины.

Пришло время – я стала комсомолкой. По характеру я была склонной к размышлениям и не стремилась к лидерству. Видимо, поэтому одноклассники никогда не выбирали меня комсоргом, чаще всего я была старостой класса. Ведь я была отличницей, и значит, куда-то надо было меня выбрать.

Я воспитывала себя на русской классике. Читать научилась в пять лет и всю жизнь дружила с книгой. Может быть, поэтому я стала терпимо относиться к верующим людям, считая, что вера в Бога – это личное дело каждого. Ведь многие русские писатели и ученые были глубоко верующими людьми.

В университете, где я училась, был факультатив по атеизму. Преподаватель рассказывал нам, студентам, об истории религии, о различных вероисповеданиях, о сектах. Именно рассказывал, а не клеймил и не порицал. Я впервые задумалась о личности Христа. Заодно отметила, что искусство, литература пронизаны библейскими сюжетами. Мне захотелось прочесть Библию, но ее невозможно было достать.

В те годы я вовсе не испытывала потребности верить в Бога. Я жила в гармонии сама с собой. Религию же я считала частью мировой человеческой культуры, и меня возмущало неуважительное отношение к храмам, иконам. Будучи студенткой, на педагогической практике в школе (я вела уроки химии) я отказалась вести среди школьников атеистическую пропаганду (моя наставница с педагогической кафедры рекомендовала нам, студентам, с помощью химических опытов наглядно «разоблачать поповские штучки», т. е. показывать, как плачут иконы, как на них сама собой может выступить кровь и т. п.) Помню, позднее, когда я уже работала, я однажды зашла в кинотеатр и увидела на стенде результаты атеистической пропаганды в некоей школе. Учительница с гордостью представляла работы своих учеников: перечеркнутые жирным черным крестом изображения храмов, прекрасный лик Сикстинской Мадонны с репродукции картины и какие-то богохульные стишки. Я возмутилась и написала в газету, ибо догадывалась, что учительница не сама все это придумала, а «получив установку сверху». Газета поддержала мой протест. Работы учеников немедленно сняли, а учительнице указали на недопустимость подобных методов воспитания.

Я рассказываю об этом не для того, чтобы подчеркнуть, какая я была хорошая. Моя реакция была вполне нормальной, как у всякого культурного человека. В существовании Бога я по-прежнему сомневалась. Пожалуй, я допускала, что в природе есть какие-то божественные силы. Безусловно, существуют Добро и Зло. Однако я с недоверием относилась к церкви, помня о крестовых походах, об инквизиции, о деяниях наших русских царей и князей (один Иван Грозный чего стоит!), да и просто из сказок и рассказов: «поп – толоконный лоб», анекдоты о монахах, рассказы бабушки о том, что в селе, где прошла ее молодость, батюшка был наипервейшим пьяницей. Однажды из любопытства я зашла в храм – просто хотела посмотреть на внутреннее устройство храма. Службы не было, но со всех сторон на меня зашипели старушки – не так вошла, не так встала, голова у меня не покрыта и юбка коротка (юбка была, между прочим, ниже колен).

И только живя в Москве, я почувствовала себя свободной от смущения и стала заходить в храмы послушать церковное пение. Когда умерли мои родители и другие близкие мне люди, у меня появилась потребность поставить в храме свечу и даже помолиться за души близких, но как мне, некрещеной, вести себя в храме, я не знала.

Я стала читать Библию, закон Божий, другую церковную литературу. Возникло множество вопросов, на которые самостоятельно я не могла ответить. Я вполне уверовала в земное существование Авраама, Моисея, пророков, Богородицы, Иисуса Христа, апостолов. Но мне сначала трудно было уверовать в то, что Иисус Христос не просто человек, но и Бог. Я стала

размышлять: в каждом гении (в Пушкине, например) есть искра Божия, ведь иначе трудно объяснить появление на земле гения, рожденного от обыкновенных и грешных родителей. Христос – тоже гений, но в Нем уже не просто искра Божия – от Него исходит ослепительное божественное сияние, осенившее жизнь многих поколений людей на земле. Значит, Он не просто человек и гений – Он Бог.

В последнее время меня перестало удовлетворять состояние нашего общества. Появилось ощущение всеобщей гибели. Кажется, что все мы находимся в аду, только муки претерпеваем по-разному. В моей душе – хаос и дисгармония. Я думаю, как мне жить дальше. Я чувствую потребность покаяться в своих грехах, потребность очистить свою душу, помолиться за близких мне людей. Сейчас я нахожусь в пути к Богу и к Церкви, и еще не знаю, что из этого получится.

Павел Гаврилюк: История катехизации. Часть первая. Врата Новозаветной церкви. Окончание

Миссионерство и катехизация

Содержание апостольского катехизиса

Как уже отмечалось, большинство книг, вошедших в состав новозаветного канона, писалось, в частности, и с катехизическими целями. Апостол Иоанн Богослов так суммирует задачу Евангелиста: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин 20: 31). Однако содержание апостольского катехизиса вовсе не исчерпывалось тем учением, которое позднее вошло в канон Нового завета. Так, автор Второго послания к Тимофею советует: «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения (...), для обличения, для исправления, для наставления (...) в праведности» (2 Тим 3: 16). Следует отметить, что слова «всё Писание» в этом тексте не относятся к новозаветной части Библии, так как книги, вошедшие впоследствии в список новозаветных, не могли в апостольский век называться «Писанием» наравне с Торой и Пророками. Не мог же автор назвать собственное письмо богодухновенным Писанием! Речь идет, следовательно, о книгах Торы, Пророков, Псалмов, а также некоторых других. (В Новом завете имеются аллюзии на 35 из 39 впоследствии канонизированных книг Ветхого завета, а также на 15 из 17 неканонических и псевдоэпиграфических книг. Эти цифры, разумеется, не дают возможности судить об относительной авторитетности каждого из источников. Выражение «Тора и Пророки» наиболее часто употребляется как синоним слову Писание. См. Мф 5: 17, 7: 12, 11: 13, 22: 40; Лк 24: 44; Ин 1: 45; Деян 24: 14; Ср. также «Тора и Пророки» как то, что читается в синагоге: Деян 13: 15. Если 2 Тим действительно написано в конце первого века, то нет ничего невозможного в том, что «Писание» включает также и часть переписки апостола Павла).

Обратим также внимание на то, что автор понимает богодухновенность Писания прагматически. Писание вдохновлено Богом и, следовательно, пригодно для «дидакалии и пайдеи», то есть, по синодальному переводу, для «научения и наставления». И действительно, Тора была для еврея первого века в первую очередь законодательством, изложением заповедей Бога относительно каждого, даже самого незначительного момента жизни. Имея в виду Пророков, апостол Павел также замечает, что Писания были написаны с целью наставления (Рим 15: 4). Если, таким образом, всё Писание можно считать пригодным для катехизации, то в этом случае выделение суммы апостольского учения есть задача на первый взгляд либо

ненужная, либо невозможная. С одной стороны, апостольский катехизис реконструировать не нужно, потому что им и так является Библия. С другой же стороны, титаническая попытка выжать апостольский катехизис из всей Библии также химерична, как и желание выпить море. Подобные возражения, впрочем, рассыпаются в прах, если мы еще раз вспомним то, что апостолы никогда не читали Библии целиком по той причине, что ее тогда не было. Они не могли, да и не нужно им было читать Евангелия, потому что у них был Сам Христос, за Которым они ходили несколько лет. У них была живая память о Нем, о том, чему Он учил, о том, как Он творил чудеса. Особенно яркими в памяти были обстоятельства последней недели Его земной жизни. Надо полагать, что уже во время Его пребывания на земле были записаны многие Его высказывания, поучения и притчи. Апостолы приняли Его толкование Торы, толкование «власть имеющего», а не то, которое давали книжники и фарисеи. Апостолы читали Пророков с верой в то, что их предсказания исполнились, что их слова о пришествии Мессии указывают не на будущее, а на настоящее. Исходя из сказанного, было бы неверно просто отождествить Библию или какую-либо ее часть с апостольским катехизисом. Также легко показать и то, что далеко не все части Писания были одинаково «полезны для наставления». Например, книга Юдифи, очевидно, была менее важна в катехизисе, чем, скажем, книга Исход, или книга пророка Исаии. Также понятно, что изучение Торы не могло занимать такое же место у желавших креститься из язычников, которое оно занимало у христиан из иудеев. Таким образом, для того, чтобы составить представление об общем характере апостольского катехизиса, вовсе не требуется выпивать море всего Священного писания. Для того, чтобы выделить в первую очередь бесспорные элементы древнейшего катехизиса, нужно обратиться к тем текстам Деяний и Посланий апостолов, которые можно с достоверностью отнести к традиционному учению. Под традиционным учением, в противоположность представлениям индивидуальных учителей церкви, я понимаю в данном случае не те идеи, которые были подробно развиты впоследствии и стали частью священного предания, но те места в проповедях и посланиях апостолов, которые уже в их время были звеньями устной общецерковной традиции. Так, например, догмат о божественности Святого Духа является неотъемлемой и прочно установленной частью Священного Предания. Однако несмотря на то, что апостольская церковь изобиловала дарами Святого Духа, строго говоря, сложившегося учения о Святом Духе в Новом завете мы не находим. Ведь потребовалось пройти времени, чтобы харизматический и литургический опыт Церкви был осмыслен и приобрел характер традиционного учения. Главная трудность в поиске общецерковной традиции во времена апостолов, то есть в середине и конце первого века, состоит в том, что рассматриваемый период относится ко времени рождения первой традиции. В связи с этим в современной библеистике часто высказывалась мысль, что у апостольской церкви вовсе не было единого катехизиса. Единого богословия Нового завета нет, а вместо него следует говорить о трех главных богословских позициях: синоптиков (то есть Марка, Матфея и Луки), апостолов Павла и Иоанна Богослова. Такова, например, позиция авторитетного немецкого исследователя прошлого поколения Рудольфа Бульманна. Некоторые исследователи предлагают и более мелкие дробления. Для нас принципиальным вопросом является то, можно ли выделить в апостольском благовествовании элементы единства, сохраняя при этом различие богословских трактовок. Достаточно отметить тот факт, что такие попытки не без успеха делались учеными в прошлом. Так, например, английский историк и богослов Чарльз Додд выделил общие черты апостольской проповеди в книге *Apostolic Preaching* (Апостольская проповедь). Додд задался в первую очередь вопросом о том, каковы были основные элементы апостольской керигмы, то есть проповеди Христа, обращенной к нехристианам. Немецкий историк Альфред Сиберг (Alfred Seeberg) посвятил монографию разбору традиционного учения апостольской церкви. (A. Seeberg. *Der Katechismus der Urchristenheit* (München: Chr. Kaiser Verlag, 1966). Фундаментальным для Сиберга является разделение древнего катехизиса на моральную и вероисповедную части. Этическое учение, по Сибергу, предваряло изучение основ веры и сводилось в древней церкви к превозношению добродетелей и изобличению

пороков, списки которых приводятся в посланиях. Сиберг несомненно прав в том, что принятие исторического свидетельства о Христе требовало подготовки сердца и потому действительно предполагало выбор между путем спасения и путем погибели, путем добродетели и путем порока. Христианин переставал быть рабом греха и становился рабом праведности (Рим 6: 17); избавлялся от власти тьмы и входил в Царствие Сына (Кол 1: 13). Учение о двух путях, пути праведных и пути нечестивых, имеющее параллели в Ветхом завете (Притч 4: 11-19), было во втором веке развито более систематически в Учении двенадцати апостолов, Послании Варнавы и других. (Этот вопрос будет разбираться подробно во второй части: «Чудом сохранившиеся фрески: приготовление ко крещению по свидетельствам отцов второго века»). От катехуменов требовалось отложить всякое зло, противостоять искушениям дьявола, бодрствовать и непрестанно молиться, а также подчиняться пастырям и учителям церкви⁴. (Р. Carrington показал, что четыре эти темы проходят через моральные увещевания Посланий к колоссянам, ефесянам, 1 Петра и Иакова. (См. Primitive Christian Catechism (Cambridge: University Press, 1940), сс. 31-65). Следует отметить, что исполнение заповедей и учение о Христе были в христианстве связаны более органически, чем это предполагает Сиберг, строго отграничивая христианскую мораль от древнейшего исторического предания о Христе. Ведь люди, как тогда, так и теперь, подчиняли себя моральным требованиям христианства именно потому, что требования эти были частью их новой жизни с Богом. Жизнь «во Христе» была совершенно новым основанием этики. Главным мотивом для соблюдения заповедей было стремление «угодить Господу» (Кол 3: 20) и подражать Христу. Святость жизни мыслилась именно как *imitatio Christi*, то есть подражание Христу. Решение жить по заповедям принималось по вере во Христа, пострадавшего и воскресшего, из благодарности Богу за ту вольную жертву, которую Он принес за спасение человечества. Этическое учение иудаизма выступало в христианском катехизисе в совершенно новом свете потому, что мотивация всякого поступка была иной: важен не авторитет Закона, но личный пример Христа. Поэтому едва ли оправдано строгое деление на вступительную моральную и последующую вероучительную части катехизиса. По этой же причине было бы неверно, вслед за некоторыми исследователями (как это делает, например, Р. Carrington), проводить строгое различие между керигмой, или проповедью перед широкой аудиторией, и катехизацией, сводя последнюю к моральным увещеваниям. Ведь центральные и часто повторяющиеся элементы керигмы как раз и были материалом первых катехизисов. Перед нами стоит задача выделить традиционный остов апостольского учения. Задача эта тем более сложна, что ранняя церковь не знала единой вероисповедной формулы, подобной Символам веры, принятым на первых Вселенских соборах, которую можно было бы положить в основу катехизиса. Крещальные формулы также отличались большим разнообразием: от харизматических возгласов «Авва, Отче!» (Гал 4: 6, Рим 8: 15), «Иисус — Господь» (1 Кор 12: 3), «Иисус — Сын Божий» (1 Ин 4: 15, ср. Деян 8: 37), «Господь мой и Бог мой!» (Ин 20: 28) до более развернутых, как, например: «Иисус Христос пришел во плоти» (1 Ин 4: 2, ср. 1 Тим 3: 16), «Иисус — Господь, от семени Давида, воскрес из мертвых» (ср. Рим 10: 9, 2 Тим 2: 8) и многих других, о которых речь пойдет ниже. Ввиду такого разнообразия, реконструировать катехизис, предполагая, что значительной частью его является комментарий на Символ веры, как это было принято в последующей церковной практике, нельзя. Ниже перечислены отличительные черты, которые могут указывать на материал традиционный в противоположность мнению индивидуальных богословов: (1) общие и часто повторяемые идеи апостольской проповеди и переписки; (2) слова, которые предваряются ссылками на уже существующую традицию, как, например, у апостола Павла: «я первоначально преподал вам то, что и сам принял...» (1 Кор 15: 3); (3) материал, содержащий следующие ключевые слова, а также их производные: евангелион(благовествование), керигма (содержание проповеди), ... (традиция, предание), ... (исповедание), дидахи, дидаскалия, ... (учение, наставление), ... (путь — в узком смысле христианского пути), ... (вера — в узком смысле вероучения);(4) формулы, которые можно считать краткими исповеданиями веры; (5) фрагменты, которые по стилистическим соображениям можно отнести к древне-христианским

гимнам и молитвам. Наш отбор материала, относящегося к общецерковной традиции, будет руководствоваться, но не исчерпываться приведенными выше соображениями. Как уже отмечалось в разделе об этапах катехизации, характер обучения существенно зависел от того, кто принимал христианство: иудей или язычник. В связи с этим уместно говорить о вступительной части катехизиса для язычников и об общей части, относящейся как к ним, так и к евреям (F. X. Murphy совершенно правильно делает различие между двумя катехизисами, обращенными к языческой и иудейской аудиториям. См. его статью *Catechesis. New Catholic Encyclopedia* (New-York: McGraw-Hill Book Company, 1967), 3:208). Язычникам требовалось открыть для себя целый мир, в котором отношения с Богом приобретали совершенно новый характер. Отношения эти определялись как завет, то есть как союз Бога с человечеством в лице избранного Им народа, Израиля. Язычникам требовалось сделать своей всю величественную и трагическую картину истории спасения, начиная от сотворения мира, чрез главные события Торы и Пророческих книг, до явления Иисуса. Язычники узнавали во вступительной части катехизиса о том, что Бог, в отличие от безжизненных идолов, является Творцом всего мира (ср. Деян 14: 15; 17: 24), что Он принимает деятельное участие в судьбе человека и в истории. Язычникам предлагалось стать частью этой истории, равно как и частью Нового Израиля, Церкви. Следовательно, вступительной частью катехизиса для язычников, которая евреями была уже пройдена в синагогах, было изучение Торы и Пророков. Приход Христа только тогда обретал всю свою важность и значение, когда рассматривался в контексте пророчеств и мессианских чаяний, связанных, в частности, с домом царя Давида. Не следует представлять себе дело так, как будто бы большинство людей имели у себя дома свитки Торы и Пророков и учились по книгам. Многие из древних христиан не учились по книгам уже хотя бы потому, что читать не умели. Но и далеко не все из тех, кто умел читать по-гречески или на иврите, могли позволить себе приобретение коллекции свитков Торы и Пророков, которое стоило немалые деньги. Устное наставление занимало в древней катехизации центральную роль. Заучивание больших кусков текста, чаще всего Торы, наизусть было широко распространенной практикой в раввинистических школах. Древнейшие христиане, с одной стороны, унаследовали эту практику и взяли ее за основу, а с другой стороны, подвергли ее значительному пересмотру в свете явления в мир Мессии. Одно из изменений касалось того, что писания Пророков приобрели в глазах христиан значение в некоторых случаях даже более важное, чем Тора. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в Новом завете прямые цитаты из всех пяти книг Торы не превосходят по численности цитат из одного только пророка Исаии и Псалмов. Для раввинов же Тора была абсолютным фундаментом и отправной точкой всякого авторитетного мнения (Не случайно рабби Акиба основывал свои предсказания мессианства Бар-Кохбы на тексте из Второзакония, а не пророков). Раввины толковали пророков с сознанием того, что предсказания о Мессии указывают в неопределенное будущее. Христианские же учителя читали пророков с верою в то, что Мессия пришел и пророчества исполнились. В этом была огромная разница, которая привела впоследствии к окончательному расхождению исторических путей христианства и иудаизма. Другим существенным отличием христианского катехизиса от раввинистической традиции было то, что Тора рассматривалась христианами прежде всего не как законодательство, но как повествование о спасительных делах Божьих. Тора для христиан была в первую очередь историей спасения, а не законом. Христиане верили в то, что спасение человечества в широком историческом плане есть продолжающееся дело Божие, к которому должны стать причастны все народы, что Израиль старый должен уступить место Израилю новому, Церкви. Явление Сына Божия имеет в истории спасения значение поворотное: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (Евр 1: 1). Каковы же были бесспорные элементы апостольского предания о Христе, которые можно с достоверностью отнести к соборной памяти Церкви? По учению апостолов события в жизни Мессии, от начала и до конца, от рождения до воскресения, происходили согласно пророчествам. Детальное толкование и

заучивание наизусть больших цитат из пророков было частью древнейшего катехизиса. Иисус родился от семени Давидова, согласно предсказаниям, связанным с восстановлением царской династии, идущей от дома Давида. Иисус творил чудеса, изгонял бесов и отпускал грехи. Он призывал народ к покаянию и учил о приближении Царствия Божия. Он избрал учеников, которым заповедал продолжать Свое дело, а также дал власть творить чудеса, пользуясь силой Своего имени, изгонять бесов и отпускать грехи. По сложным причинам у Него произошел конфликт с властями, который закончился тем, что Он, будучи невинным, был несправедливо осужден на смерть и распят при Понтии Пилате. Христос, по древнейшему свидетельству первых учеников, умер не просто смертью пророка или мученика, отверженного за Свои убеждения, но умер «за нас», или, что то же самое, «за грехи наши» (Мк 14: 24; Мф 26: 28; Лк 22: 19-20; Рим 5: 6,8; 1 Кор 15: 3; 2 Кор 5: 14-15; Гал 1: 4, 2: 20; Тит 2: 14; Евр 7: 27; Ин 11: 50-52, 18: 14; 1 Ин 2: 2; 1 Пет 2: 21, 3: 18). Смерть Иисуса, таким образом, является не только результатом судебной ошибки, но, что более важно, имеет прямое отношение к нашему спасению. По признанию апостола Павла: «Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор 15: 3-4). Обратим внимание на то, что Павел в данном случае ссылается на традицию, которая была им самим принята от апостолов. Кроме этого, он дважды прибавляет слова «по Писанию», означающие, что смерть, погребение и воскресение Мессии произошли в полном согласии с предсказаниями пророков. Смерть и воскресение Христа на третий день в апостольской проповеди присутствовали постоянно и неразрывно. Помимо этого чрезвычайно ценной была память о том, как Иисус являлся апостолам по воскресении (Деян 10: 41; 1 Кор 15: 5-8). По свидетельству древнейших гимнов и согласно пророчествам, воскресив Иисуса, Бог прославил Его, вознеся Его на небеса и посадив по правую руку от Себя (Лк 21: 27, 22: 69; Деян 7:56; Флп 2: 9; Евр 1: 3; 1 Тим. 3: 16). Тот факт, что Бог воскресил Мессию, являлся, в понимании апостолов, залогом того, что наступит время, когда Он воскресит в теле и всех мертвых (1 Фес 4: 14-15). В этот день, который настанет внезапно, но сроки которого неизвестны, Мессия явится судить мир. Прямое упоминание о том, что учение о «воскресении мертвых и о суде вечном» входило в древнейший катехизис, есть в Послании к евреям (Евр 6: 2. См. также Деян 24: 25, Рим 2: 16; 2 Фес 1: 9). Таковы были главные и бесспорные элементы апостольского учения о Христе, с момента Его земного рождения до Его суда над миром. Об этом материале с уверенностью можно сказать, что он был содержанием катехизиса «везде, во всякой церкви» (1 Кор 4: 17). К древнейшей традиции, которая, впрочем, только впоследствии получила повсеместное распространение, можно отнести и историю о том, что Иисус родился чудесным образом от девы. Знал ли об этой традиции апостол, Павел установить на основании имеющихся у нас сведений невозможно. Также принадлежит апостольскому поколению и часто встречающееся упоминание о совершенной безгрешности Иисуса (Кор 5: 21; 1 Ин 3: 5; Евр 7: 28, 9: 14). Следует сказать несколько слов о том, насколько распространенным и бесспорным в апостольской церкви было представление о существовании Сына Божия до Его рождения во плоти. Ведь, с одной стороны, Евангелие от Марка не содержит прямого упоминания о предсуществовании. Будучи рассмотрено в отдельности, это Евангелие вполне выдерживает адопционистскую интерпретацию, по которой Иисус стал Сыном Божиим во время Своего земного служения, либо приняв дар Святого Духа в крещении, либо стяжав этот титул праведностью жизни. Евангелия от Матфея и от Луки также ничего определенного не говорят о предвечном бытии Сына, но скорее делают акцент на земных родословных Христа. Таким образом, синоптические Евангелия не содержат свидетельств об этом важнейшем вопросе. С другой же стороны, гимн, помещенный в прологе Евангелия от Иоанна, поет о том, что Слово, бывшее с Богом перед сотворением мира, Само было Богом, а также соучастником творения (Ин 1: 1-3). В том же Евангелии Иисус открывает иудеям: «прежде чем был Авраам, Я есмь» (Ин 8: 58). Помимо свидетельства четвертого Евангелия бесспорно также и то, что апостол Павел знал о предсуществовании. В Первом послании к коринфянам Павел с одобрением цитирует слова

древнейшего Символа веры: «У Нас один Бог Отец, из Которого всё, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, чрез Которого все ..., и мы Им» (1 Кор 8: 6) (Я перевожу ... как «чрез Которого всё», вместо туманного варианта синодального перевода «Которым всё»...). Очевидно, что Тот, чрез Которого всё произошло, не может последовать чему-либо, так как в этом случае многие вещи были бы сотворены и без Него. Мы также имеем свидетельство двух древнейших гимнов. Первый из них был в церковном употреблении уже в пятидесятые годы первого века. В нём говорится о том, что Христос «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу» (Флп 2: 6). Второй гимн написан не позднее первого поколения после апостолов. Гимн прославляет небесное рождение Сына, а также Его соучастие в творении мира: Сын, «Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое... всё Им и для Него создано; и Он есть прежде всего и всё Им стоит» (Кол 1: 15-17. Вопрос об авторстве и датировке Послания к колоссянам является спорным. Мнение традиции о том, что письмо принадлежит Павлу, небезосновательно). Предсуществование Сына утверждает также и автор Послания к евреям: «Бог... в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (Евр 1: 2). Учитывая молчание синоптиков, можно сделать вывод о том, что традиция, утверждающая предсуществование Сына, была не повсеместной, но тем не менее широко распространенной в апостольский век. Только к середине второго века она стала достоянием всей церкви. При этом помимо верований, которые не были достоянием всеобщей традиции, имелся также и широкий круг вопросов, по которым апостольская традиция не высказывалась определенно. Так, например, у первых учеников не было никакого единого учения об искуплении, то есть не был однозначно решен вопрос, в каком смысле смерть Христа спасительна? Вместо этого было предложено несколько образов, самыми распространенными из которых были страдающий слуга Господень из пятьдесят третьей главы пророка Исаии и пасхальный агнец из двенадцатой главы Исхода. Другой пример: апостолы несомненно проповедовали будущее воскресение мертвых в теле для окончательного суда Божьего. Однако что представляло из себя это тело и как оно соотносилось с телом, носимым при жизни, оставалось неопределенным. Также очевидно и то, что первый век был наполнен эсхатологическими ожиданиями, то есть предчувствиями того, что Христос скоро вернется на землю. Возвращение Иисуса, которое во втором веке стали называть вторым пришествием, прямо связывалось с воскресением мертвых, с судом над всеми людьми и окончательным утверждением воли Бога на земле, о чём свидетельствует эсхатологический призыв древнейшей христианской молитвы: Отец!.. да придет Царство Твое! (Лк 11: 2), да исполнится воля Твоя и на земле, как на небе (Мф 6: 9)! Однако никакого единого учения о том, когда вернется Христос, а также об обстоятельствах Его возвращения, у апостолов не было (Мк 13: 32; Деян 1: 7). Разумеется, проблема эта волновала многих и потому в древней церкви, как и в последующих поколениях, не было недостатка в пророчествах и видениях о конце. Ни одно из них, впрочем, не могло претендовать на исключительную авторитетность, о чём красноречиво свидетельствует тот факт, что вопрос о том, включать или не включать Апокалипсис Иоанна в канон Нового завета, жарко обсуждался вплоть до конца четвертого века. Важнейшей частью древнейшего катехизиса было, таким образом, изучение пророчеств о Мессии, а также познание Бога, Творца мира, Который был глубочайшим образом вовлечен в историю Израиля, а чрез него и в историю спасения всего рода человеческого. Не менее важной, чем знание о Боге и Его Мессии, была та новая жизнь, которая стала возможной после прихода Мессии. Жизнь с Богом с самого начала была неразрывно связана с общиной учеников, с собранием верующих. Даже в своих глубоко личных проявлениях, мистических и пророческих, жизнь с Богом была общим делом и не мыслилась первыми христианами в отрыве от Церкви. Вступление в Церковь предварялось крещением, учение о котором было частью древнего катехизиса. В Послании к евреям мы читаем о том, что началом слова Христова (...) и его основанием (...) является, в частности, «учение о крещении (...) и о возложении рук» (Евр 6: 2). Предположение о том, что автор имеет в виду по крайней мере два крещения, Иоанна и

Иисуса, вполне вероятно, хотя и не поддерживается большинством современных библеистов (За это предположение высказывается, например, Hugh Montefiore. См. A Commentary on the Epistle to the Hebrews (London: Adam & Charles Black, 1964), с. 106. Большинство исследователей придерживаются того мнения, что слово baptism в отличие от bptisma указывает в этом тексте, как и в других местах Нового завета, на ритуальные очистительные омовения. Объяснения древних, что в данном случае речь идет о тройном погружении (Тертуллиан), или о крещении водой, кровью мученичества и желанием (Августин), являются анахронизмами). Напомним, что крещение во имя Иисуса состояло, помимо очищения от грехов, в принятии дара Святого Духа. Различное понимание крещения могло повредить единству веры. Древнейшая вероисповедная формула гласит: «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми и через всех, и во всех» (Еф 4:5). Единство крещения было залогом единства верующих (1 Кор 12: 13). По этой причине когда Прискилла и Акила обнаружили Аполлоса проповедующим только крещение Иоанна, то при первой же возможности отвели его в сторону (Синодальный перевод передает ... как «приняли его», что в данном случае несколько неточно) и деликатно поправили его ошибку. Надо полагать, что некоторое время христиане Александрии (откуда был родом Аполлос) и Ефеса действительно знали только крещение Иоанна. Лука передает следующий разговор между Павлом и христианами Ефеса, которых незадолго до этого крестил Аполлос: Павел. Приняли ли вы Святого Духа, уверовав? Ефесяне. Мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Павел. Во что же вы крестились? Ефесяне. Во Иоанново крещение (Деян 19: 2-3). После этого Павел разъяснил им правильное учение и возложил на них руки, что сопровождалось сошествием Святого Духа. Как видим, возложение рук, о котором упоминается в процитированном выше отрывке из Послания к евреям, было неразрывно связано с поданием харизматического дара. Ясно, что учение о возложении рук, о котором автор послания упоминает как о части катехизации в его церкви, подразумевало и некоторое представление о действии Святого Духа. Чрезвычайно важным для нас является вопрос о том, можно ли говорить о сформировавшемся апостольском катехизисе о Святом Духе в том же смысле, в котором до этого мы говорили о главных и бесспорных элементах учения о Христе? Несомненно, что древняя церковь изобиловала дарами Святого Духа, что апостольская община не раз утешалась радостью Святого Духа, который помогал ей в гонениях и прочих испытаниях, что апостолы жили постоянным сознанием присутствия Святого Духа. Однако должно было пройти время, чтобы из этого опыта возникло учение, а ведь именно о нём у нас речь. Ведь также несомненно и то, что ефесские христиане крестились, ничего не зная о Святом Духе. Отметим также и тот факт, что за исключением крещальной формулы, которая приводится у Матфея: «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», апостольский век не знает других тринитарных правил веры. В правилах веры, цитируемых Иустином в середине второго, а также Тертуллианом в начале третьего века, Святой Дух либо не упоминается вовсе (Иустин. Диалог с Трифоном Иудеем, 63. 1, 85. 2, 105. 1, 126. 1, 132. 1; Первая Апология, 61), либо о нём говорится только в христологическом члене (Тертуллиан, Против Праксея, 2; Ириней. Против Ересей, 1. 10. 1). Этим вовсе не отрицается тот факт, что в отдельных церквях и во времена апостолов могли иметься весьма развитые представления о Святом Духе. Так, например, христиане Коринфа просили апостола Павла составить им руководство о том, как распознавать дары Святого Духа (1 Кор 12-14). Однако сам Павел отличает свои советы в данном вопросе от того благовествования, которое составляет бесспорную часть апостольской традиции (1 Кор 15). Можно заключить, таким образом, что начальная стадия катехизации содержала только общие указания о действии и плодах Святого Духа в Церкви. Являлось ли учение о Церкви частью древнего катехизиса? Само собой разумеется, что принимавший Христа одновременно становился членом общины верующих с ее молитвенным и литургическим строем, который в этот период был очень пластичным и только формировался под большим влиянием как богослужения синагоги, так и Иерусалимского храма. Несомненно, что трапеза Господня, на которой вкушались Тело и Кровь Христовы, являлась с самого начала центром литургической жизни и частью наиболее

древней традиции (1 Кор 11: 23). События Тайной вечери были бережно сохранены в памяти Церкви с большой точностью и подробностями. Рассказ о них, равно как и о других событиях Страстной седмицы, бесспорно был частью катехизиса. Более глубокий вопрос — как в точности следует понимать слова Христа о том, что хлеб и вино пасхального седера являются Его Телом и Кровью, станет предметом многочисленных споров в последующие века. Присоединиться к Церкви означало стать частью общества ожидающих Царствия и готовящихся к приходу Мессии. Это значило иметь общую цель — спасение. У апостола Павла имеется весьма развитое учение о Церкви как о мистическом Теле Христовом. Но едва ли можно предполагать, что в апостольский век это учение было общеизвестно и что оно было частью катехизиса. Несмотря на то, что Церковь с самого начала мыслилась иерархически, это была совершенно новая, неведомая миру иерархия, в которой Первый, то есть Христос, сделался служителем (диаконос) всем (Рим 15: 8), в которой апостолы, будучи учителями других, одновременно у всех находились в услужении, в которой всякий «церковный чин» был призванием и даром Святого Духа. Подробнее вопрос о распределении обязанностей в апостольских общинах будет обсуждаться в следующем разделе. Содержание учения о Церкви составлял не столько вопрос об иерархии, сколько весь тот комплекс новых отношений, в которые вступали верующие между собою и окружающим миром. В связи с многосторонностью этих отношений не было, да и не могло быть катехизиса, который описывал бы все аспекты жизни с Богом. Иными словами, апостольское христианство, в отличие от иудаизма, не имело своей Галахи, своих канонов и законов на все случаи жизни. Приобщение к жизни христианской общины состояло в покаянии, в крещении, в делах любви и взаимопомощи, в совместном чтении и изучении Писания, в евхаристическом и молитвенном общении, в общих трапезах, а также в пении гимнов. Сердцем «моральной части» катехизиса был призыв подражать Христу. Бог в Ветхом завете повелевал: «Будьте святы, как и Я свят» (Лев. 19: 2; ср. Мф 5: 48; 1 Фес 4: 7, 1 Пет 1: 16, 1 Ин 3: 3), но не мог сказать: подражайте Мне, как дети (ср. Еф 5: 1). Первым принципом жизни во Христе, как я уже упоминал, было следование примеру Его земной жизни во всём, и в первую очередь в любви. В любви-благодарности Богу, любви-служении, любви-сострадании, любви-милосердии, любви-прощении, любви-бескорыстии, любви-благотворительности и любви-жертве. Не случайно исполняющих заповедь любви апостол Павел даже назвал новым словом: ... богонаученные (1 Фес 4: 9). Таково, в общих чертах, было содержание апостольского катехизиса. **Первые катехизаторы** Кто были первые катехизаторы? Ответ напрашивается сам собой: те ученики, которым Господь повелел: «Идите, научите все народы...» (Мф 28: 19-20). Подобно тому как Христос был послан Богом, Его ученики были прежде всего апостолами, Божьими посланниками (Евр 3: 1, Ин 20: 21). Синоптические Евангелия повествуют о том, как Иисус вначале призывает двенадцать учеников, наделяет их властью творить чудеса, исцелять больных, изгонять бесов, прощать грехи, и затем посылает их проповедовать покаяние и приближение Царствия. Апостолам следовало довольствоваться только жизненно-необходимым и целиком полагаться на гостеприимство людей, в домах которых они будут приняты. Они должны быть готовы к испытаниям и гонениям, к тому, что слова их могут встретить ненависть среди людей. В отличие от других бродячих учителей, они не должны взимать плату за обучение. В противоположность волхвам (Деян 8: 9) и прорицателям (Деян 16: 16), апостолы не должны принимать вознаграждение за те чудеса, которые они творят волею Бога. Миссионерский дух был отличительной чертой апостольской Церкви. Как я уже отмечал, в иудаизме первого века нашей эры странствующие проповедники были явлением достаточно редким. Иудаизм тесным образом был переплетен со всем бытом евреев, с праздниками, а также с национальным самосознанием и памятью, и поэтому, по мнению иудейской иерархии, не нуждался в миссионерской деятельности. Что же касается язычников, то те из них, кто были заинтересованы, могли беспрепятственно посещать синагоги, хотя специальных усилий, чтобы сделать их участниками завета, не совершалось. Напротив, христианская Церковь с самого начала должна была сделать важнейший выбор: остаться мессианской сектой внутри

иудаизма или принести национальную обособленность в жертву ради проповеди Евангелия всем людям. Поворотное решение, открывшее врата Церкви для язычников, как я уже упоминал, было принято на Апостольском соборе, хотя вопрос о сохранении той или иной иудейской практики дебатировался на протяжении нескольких последующих веков (Вспомним хотя бы диспут о дате празднования Пасхи во втором веке. Малоазиатские христиане следовали традиции, по которой Пасха отмечалась вместе с иудейской, то есть четырнадцатого нисана, в то время как остальные христиане Римской империи отмечали Пасху в первое воскресенье после четырнадцатого нисана — практика, которая впоследствии стала повсеместной). Быстрорастущей Церкви необходимы были новые учителя. Главными авторитетами в Иерусалимской общине были ближайшие последователи Христа, которых однако не следует полностью отождествлять с двенадцатью учениками, призванными Иисусом во время Его земного служения. Число двенадцать, которое ученики считали необходимым восполнить после смерти Иуды, следует более рассматривать как символическое (Деян 1: 21). В понимании Луки Церковь, как Новый Израиль, должна была обладать тем же количеством авторитетных учителей, сколько было колен в Израиле историческом. О символичности цифры 12 свидетельствует и обещание Иисуса, что апостолы воссядут на престолах и будут судить двенадцать колен Израилевых (Мф 19: 28, Лк 22: 30. Ср. Откр 7: 5-8, 12: 1, 21: 12-14, 21: 21, 21: 2). Точно также и семьдесят (По другим авторитетным манускриптам число посланных было 72, а не 70) учеников, которых Иисус, по сообщению Луки, посылает на проповедь, соответствуют семидесяти судьям Израиля, избранных Моисеем (Лк 10: 1-17). Подобно тому как семьдесят судей должны были стать учителями Закона, семьдесят учеников были посланы для проповеди Евангелия. Надо полагать, что круг учеников был гораздо шире, чем двенадцать или даже семьдесят. Так, из Деяний мы узнаём, что число учеников еще до Пятидесятницы было «около ста двадцати» (Деян 1: 16). Вместе с тем, из числа этих последователей были выбраны только двое на том основании, что они сопровождали апостолов «во всё время, когда пребывал и обращался с (ними) Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от (них)», и «были вместе с (ними) свидетелями воскресения Его» (Деян 1: 21-22). По другому свидетельству Деяний, для того, чтобы быть апостолом, требовалось быть призванным Самим Христом, а также быть свидетелем Его воскресения из мертвых (Деян 10: 41-42). Особенно остро вопрос об апостольском авторитете был поставлен в случае Павла, который не только не принадлежал к кругу учеников, ходивших за Христом, но в прошлом был гонителем Церкви (1 Кор 15: 9). Защищая свое апостольское призвание, Павел ссылается на то, что он был избран «от утробы матери» «не человеками и не чрез человеков, но Иисусом Христом и Богом Отцом» и что Евангелие, проповедуемое им, получено не «от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал 1: 15,11-12). О том, что Павел не был самозванцем, свидетельствовало не только то, что Иисус лично открылся ему, но также и плоды его миссионерской деятельности (1 Кор 9: 1-5, 15: 10). Мы ничего не знаем о том, получали ли двенадцать апостолов наставление в Торе до того, как были призваны Христом. По свидетельству Иоанна, двое из них перешли к Иисусу, предварительно быв наставлены Иоанном Крестителем (Ин 1: 37). Надо полагать, учитывая их бедное происхождение, что никакого специального обучения они не получили, за исключением тех проповедей, которые слышали в синагогах. Для Двенадцати единственными учителями Торы и Пророков были Христос и Святой Дух, подаваемый Им (Мф 10: 20). В отличие от Двенадцати, Павел, по его собственному признанию, был в прошлом учеником фарисея Гамалиила Старшего (Деян 22: 3). Гамалиил, в свою очередь, был членом Синедриона, внуком знаменитого Гилеля, и пользовался в последующей еврейской традиции неоспоримым авторитетом (Трактат Мишны «Сота» 9.15 отмечает, что со смертью Гамалиила «слава Торы прекратилась»). Деяния сообщают о Гамалииле, что он был законоучителем, «уважаемым всем народом» (Деян 5: 34). Следовательно, Павел получил наилучшее в еврейской среде образование и обладал «большой ученостью», которую он использовал, отстаивая Христово дело (Деян 26: 24). Некоторые ученые предполагают, что автор Евангелия от Матфея, который бесспорно был незаурядным

знатоком Закона и толкователем Пророков, мог считать себя «книжником, наученным ради Царства Небесного» (ср. Мф 13:52) (Теория о том, что автор Мф получил раввинистическое образование, является не более чем гипотезой. Подробнее об этом смотри О. L. Core. Matthew—A Scribe Trained for the Kingdom of Heaven (CBQ Monographs 5), Washington: CBQ, 1976, с. 10). Об образовании других учителей апостольского времени нам известно только то, что они были научены либо самими апостолами, либо их учениками. Так, например, из Деяний мы узнаём, что иудей Аполлос был мужем ученым, сведущим в Писаниях. Аполлос прошел катехизацию в Пути Господнем (...) по всей вероятности, у себя в Александрии. К сожалению, истоки египетского христианства, а также возникновение Александрийской огласительной школы, получившей немалую известность во втором и последующем веках, покрыты мраком неизвестности. Традиция, приписывающая основание Александрийской церкви евангелисту Марку, является поздней и основывается на кратком упоминании этого факта Евсевием Кесарийским (Евсевий Кесарийский. Церковная история, 2.16. Мураториев канон упоминает о подложном письме апостола Павла к александрийцам). В подавляющем большинстве случаев мы ничего не знаем о том, как именно новые ученики становились учителями. Остается предполагать, что ими становились христиане, призванные к этому служению Богом, которых апостолы знали лично и на которых они могли положиться в своей работе. Возложение рук первоначально не имело определенного ритуального значения при распределении церковных обязанностей. В апостольский век оно могло означать просто благословение и подачу Святого Духа при крещении (Деян 8: 14-19, 19: 6). По мере того, как Церковь росла, в ней появились различные служения, каждое из которых было не должностью или определенным церковным чином, но в первую очередь особым даром Святого Духа. Со временем возложение рук стало означать, помимо благословения и дара Святого Духа, также и передачу власти для осуществления какого-либо церковного служения (Деян 6: 3-6, 1 Тим. 4: 14, 2 Тим 1: 6). Так, например, рукоположением были поставлены семь служителей, задачей которых была хозяйственная организация Церкви. Апостолы же от этой обязанности освобождались для того, чтобы полностью посвятить себя молитве и «служению слова», то есть научению других (Деян 6: 2-4). Хотя наиболее авторитетными учителями оставались апостолы, роль катехизаторов могли выполнять не только они. Позднее мы встречаем в Деяниях различие пророков и учителей, которое едва ли можно отнести к двум отдельным группам людей (Деян 13: 1). Павел проводит еще более тонкие различия между апостолами, пророками, учителями и разнообразными чудотворцами (1 Кор 12: 28). Существует ли между этими «чинами» иерархия? На первый взгляд, сам апостол утверждает, что Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, учителей, и т. д. Сравнивая дар языков или так называемую глоссоластию с даром пророчества, Павел замечает, что последний предпочтительнее первого: тот, кто говорит на непонятном языке, наставляет только себя, тогда как пророчествующий катехизирует и себя, и всю церковь (1 Кор 14: 2-19). В другом списке духовных даров апостолство отсутствует, тогда как пророчество стоит на первом месте, а за ним следуют служение, учительство и многое другое (Рим 12: 6-8). Очевидно, что так как дело идет в первую очередь о духовных дарованиях, а не о должностях и титулах, то один человек, подобно Павлу, мог совмещать в себе апостола, пророка и учителя. Из вышесказанного следует очень простой вывод о том, что в древней церкви мог учить всякий христианин, которого Святой Дух призвал к этому служению. С этим выводом совершенно не согласуется весьма распространенное и по сей день убеждение, что женщина ни в коем случае не может в Церкви выполнять роль учителя. Мнение это подтверждается якобы авторитетом Священного писания. Чаще всего в этой связи приводят восклицание Павла «жены ваши в церквях да молчат!» (1 Кор 14: 34-35), а также совет автора Первого послания к Тимофею: «учить жене не позволяю» (1 Тим 2: 12). Однако прежде, чем устанавливать на этих фразах философию церковного Домостроя, следует более внимательно рассмотреть непосредственный контекст, в котором они находятся в Писании. Следует вникнуть в ситуацию в тех церквях, к которым послания обращены, а также в доводы самих авторов. Напомним, что Павел адресует свое послание

церкви в Коринфе, которая изобилует духовными дарами. На собраниях общины вместо общей трапезы, общей молитвы, чтения Писаний и проповеди получается балаган. Некоторые приходят на общую трапезу раньше других и всё съедают, обижая своих братьев и сестер (1 Кор 11: 21). Вместо благодарственных молитв, которые должны понимать все, раздаются невнятные возгласы на совершенно незнакомом языке (1 Кор 14: 16). Во время объяснения Писаний, вместо того, чтобы говорить по очереди, каждый желает вставить свое слово и все пророчествуют наперебой. В результате из-за шума те, кто не удостоились никаких даров, не получают решительно никакой духовной пользы из таких богослужений. В особенности превратное впечатление складывается у «незнающих и неверующих», ибо они, вполне естественно, принимают это своеобразное проявление благочестия за коллективное сумасшествие (1 Кор 14: 23). Павел предлагает внести некоторый порядок. Он настаивает на том, что за общей трапезой следует соблюдать приличие. Благодарственные молитвы должны произноситься на языке, понятном всем, а не быть одним «благобиением воздухов». Особенно важно то, чтобы люди молились не одним только духом, но и умом (1 Кор 14: 14-15). Что же касается проповедей, то необходимо ограничить число пророчествующих в одно и то же время. Павел предлагает компромиссный вариант: пусть одновременно говорят двое, ну максимум трое (1 Кор 14: 27). Также желательно говорить по очереди, а не всем вместе. Если кому-то приходит внезапное откровение, в то время как пророчествует другой, то следует подождать, пока он закончит (1 Кор 14: 30). К сожалению, пророчества часто бывают так туманны, а истолкования неудовлетворительны, что у многих верующих, включая женщин, возникают вопросы, которые они спешат разрешить прямо во время богослужения. Вот и получается, что к и без того нестройному хору пророков, псалмопевцев и толкователей присоединяется еще и четвертый хор требующих (вполне оправданно) объяснения всему происходящему. Эту-то последнюю трудность, возникшую исключительно в атмосфере Коринфской церкви, Павел пытается решить ссылкой на то, что согласно Торе, жёны должны находиться в подчинении у мужей (Быт 3: 16). Ясно, что следующий из этого категорический запрет: «и вообще, жёны пусть молчат, а то и без того шума много!» мог относиться только к замужней женщине, у которой была возможность выяснить более сложные вопросы веры у мужа. А что было делать тем матронам, у которых мужья были несведущи, или язычники, или их не было вовсе? Ясно, что на этих женщин подобный запрет распространяться не мог. Следует учесть и то, что в одиннадцатой главе того же послания Павел пишет о женщинах, которые «молятся и пророчествуют в церкви», несколько их за это не порицая (1 Кор 11: 5). Действительно, в Деяниях мы встречаем упоминание о четырёх дочерях Филиппа благовестника, которые были пророчицами (Деян 21: 9). Отметим также и существование в апостольской церкви диаконисс (Рим 16: 1-2). Обратимся теперь ко второму тексту, о котором шла речь выше: «Жена да учится в безмолвии со всякой покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (1 Тим 2: 11-12). В данном случае автор отказывает замужним женщинам в возможности как учить, так и просто разговаривать во время богослужения. Его предостережения вызваны тем, что в церкви появилось немало лжеучителей, охотными слушательницами которых стали прежде всего женщины (ср. 2 Тим 3: 6-7, ср. 4: 3-4). «Бесовское учение», насколько его можно восстановить по намекам, имеющимся в пастырских посланиях, состоит в неумеренно ригористическом соблюдении законов ритуальной чистоты и «запрещении вступать в брак», то есть проповеди целибата как единственно верного пути для христианина (1 Тим 4: 3, ср. 5: 14, Тит 1: 15). Женщины усугубляют это положение вещей тем, что украшают ложное учение собственными домыслами (1 Тим 4: 7, ср. 1: 4) и трезвонят о нём повсюду (1 Тим 5: 13). Отметим, что мужчинам также не рекомендуется пустословить (2 Тим 2: 16). Очевидно, что в пустых спорах, которые порождают одни пороки и распри, мужчины участвуют наравне с женщинами (1 Тим 6: 4). С другой же стороны, автор увещевает стариц, то есть пожилых женщин, обладавших немалым авторитетом в семье и в церкви, быть калодидаскалами, то есть учителями добра (Тит 2: 3). Вероятно также и то, что в этой церкви были женщины, исполнявшие обязанности диаконов (1 Тим 3: 11). Сам автор, таким образом,

вовсе не рассматривает свой запрет по поводу молчания женщин как абсолютный. Если доводы эти покажутся недостаточными, приведем еще один яркий пример, в котором женщине принадлежит в новозаветной церкви весьма авторитетная роль учителя. Вспомним, как упоминавшийся нами ранее Аполлос, несмотря на всё его блестящее образование и внутреннее горение, нуждался в наставлении, которое и было ему преподано Прискиллой и ее мужем Акилой. Тот необычный факт, что имя Прискиллы (или Приски) фигурирует перед именем мужа в наиболее авторитетных манускриптах (Эту деталь отмечает св. Иоанн Златоуст в своей проповеди на текст Рим 16: 3 «Приветствуйте Прискиллу и Акилу». См. PG 51.191. Толкуя 2 Тим 2: 12 святитель, со ссылкой на 1 Кор 7: 13-16 отмечает, что жена может спасти неверующего мужа, постоянно уча его и говоря с ним о вере. Синодальный перевод следует за более поздней традицией, в которой имена были переставлены местами (Деян 18: 18, 26), а также, по таинственной причине, добавляет «и Прискилла» к имени Акилы в Деян 18: 21, несмотря на то, что в оригинале этих слов нет. В 1 Кор 16: 19 последовательность сохранена верно: «Акила и Приска с домашней церковью») указывает на то, что Прискилла пользовалась, видимо, большим весом и уважением, будучи попечительницей домашней церкви (Рим 16: 3-4; 2 Тим 4: 19). Таким образом, широко распространенное мнение о том, что Новый завет запрещает женщинам быть учителями в церкви, основано на превратном толковании 1 Кор 14: 34-35 и 1 Тим 2: 12. В заключение остается сказать несколько слов о катехизической роли тех, кого в апостольской церкви называли пресвитерами и епископами. В первую очередь отметим, что о четком различии церковных чинов в первом веке христианской эры говорить нельзя. Так, например, пресвитеры из Деян 20: 17 отождествляются Лукою с епископами из Деян 20: 28, то есть «блюстителями» в синодальном переводе. Сам Христос называется епископ, Блюстителем душ наших (1 Пет 2: 25). Также и слово диакон в нетехническом значении «служитель», апостол Павел может прилагать и к себе (1 Кор 3: 5, 2 Кор 3: 6), и ко Христу (Рим 15: 8). Тем не менее можно говорить о том, что различие между епископами и диаконами намечается уже в пастырских посланиях. В сравнении с епископами и пресвитерами диаконы обладали в церкви ролью менее авторитетной. Тогда как первым была вверена проповедь благой вести и наставление в вере, вторые больше времени посвящали вопросам, относящимся к церковному быту. Новый завет особо подчеркивает тот факт, что для того, чтобы епископ мог быть блюстителем и охранителем апостольской традиции, он должен быть способным учителем (1 Тим 3: 2) (Синодальный перевод передает прилагательное ... малопонятным и устаревшим «учителен») «чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (Тит 1: 9). В связи с этим автор увещевает Тимофея постоянно заниматься «чтением, наставлением и учением», ибо победить лжеучителей можно не закрывая им рот, но только словом убеждения (1 Тим 4: 13). Послание Иакова также напоминает, что следует прежде всего делами и непорочной жизнью доказать свое учительское призвание (Иак 3: 1-2, 13-18). Человек, наделенный авторитетом церковного учителя, должен пользоваться им бескорыстно, как даром Божиим, главной целью своею имея спасение свое и всех верующих (1 Кор 9: 12б, 14; 1 Пет 5: 2, 1 Тим. 4: 16). Катехизация в христианской церкви, в отличие от обучения у большинства раввинов и эллинистических философов, была бесплатной. Это, однако, ничуть не обесценивало труд катехизаторов, которые пользовались доверием, сыновней любовью и поддержкой катехуменов (ср. Гал 6: 6).

* Окончание первой части. Начало см. «Православная община», № 44, сс. 30-52.

: К событиям в Екатеринбурге

Церковная жизнь

Как сообщили средства массовой информации (Максим Шевченко. В Екатеринбурге сжигают

книги русских богословов, Независимая газета, 29.05.98., с.1; Максим Шевченко. Подтвердился факт сожжения книг в Екатеринбурге, «НГ-религии», №6(18), июнь 1998г.; Andrey Zolotov. Conservative Bishop Burns Books, The Moscow Times, NO1466, 3.06.98., сс.1-2.), 5 мая сего года по распоряжению епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона из библиотеки и у студентов епархиального Духовного училища были изъяты книги известных православных богословов XX века протопресвитеров Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа, Николая Афанасьева и протоиерея Александра Меня, и сожжены во дворе училища. После этого трем священникам епархии было предложено проклясть «ереси» вышеупомянутых авторов, закрепив это присягой перед Крестом и Евангелием. Двое из них это сделали, а один, о. Олег Вохмянин, отказался, вследствие чего был запрещен в служении. Мы публикуем соответствующий, вряд ли имеющий какое-либо каноническое основание, указ.

Русская Православная Церковь

Московский Патриархат

Указ

Епископа Екатеринбургского и Верхотурского

620026, г.Екатеринбург, ул.Розы Люксембург, 57 Тел. факс(3432)-22-46-97, 22-10-16

«6» Мая 1998 г

Иерею Олегу Вохмянину

Целесообразности церковной ради за нарушение Присяги священнической, данной перед Престолом Господним, гласящей «учение веры буду соблюдать и другим преподавать по руководству Святыя Православныя Церкви и Святых Богоносных Отец», за упорство в заблуждении и приверженность новоявленным учениям, отрицающим предания святых отцев и не имеющим одобрения всей полноты Православной Церкви, за недвусмысленно высказанное перед лицом Правящего Архиерея и членов Духовной Консистории упорное нежелание способствовать развенчанию опасных и еретических заблуждений, Вы с 5 мая 1998 года запрещаетесь в священнослужении пожизненно, без права рукоблагословения и ношения Креста, рясы и подрясника.

+Никонъ

Епископ Екатеринбургский и Верхотурский

: Новые известия из Томска

Церковная жизнь

После выхода в свет 43-го номера нашего журнала в адрес редакции поступило следующее заявление Епархиального совета Томской епархии: 04.05.98 г.г. Томск

Заявление*

*Материалы, печатающиеся под звездочкой, присланы в редакцию Епархиальным советом.

Остальные документы получены из разных источников

Ознакомившись с публикацией «Тревожащие события из Томска» В. Лыткина и послесловием Н. Кашеева в номере 43 журнала «Православная община», Епархиальный совет счел необходимым довести до сведения редакционной коллегии следующее.

Глубоко прискорбно, что уважаемое православное издание публикует столь одностороннюю и лживую информацию, наносящую новые и новые раны Святой Церкви в это сложное для всех время, подрывает церковное единство, вносит смущение и соблазн в души читателей, формирует негативное отношение к иерархам Русской Православной Церкви. Будучи печатным органом Свято-Филаретовской школы, созданным для распространения опыта православной педагогики, крайне странным выглядит поверхностное освещение внутренней жизни Томской епархии. Епархиальный совет направляет членам редакционной коллегии копии документов, объективно отражающих ход развития описываемых событий и настоятельно рекомендует принести со страниц журнала подобающие извинения Епископу и духовенству епархии, в противном случае Епархиальный совет оставляет за собой право обратиться к Святейшему Патриарху Алексию с ходатайством о наложении на издателей церковного прещения. Вместе с тем Епархиальный совет вынес рекомендательное решение запретить распространение журнала «Православная община» на территории Томской епархии.

Протоиерей Богдан Бида, протоиерей Олег Безруких, протоиерей Николай Яськов, священноинок иерей Сергей Гимбатов, иерей Евгений Воронков, иерей Александр Атаманов, иерей Михаил Максименко, священноинок Варфоломей Егоров, священноинок Иоанн Свистелин, протодиакон Владимир Марков Копия Заявления направляется Управляющему делами Московской Патриархии Архиепископу Солнечногорскому Сергию.

В ответ на это заявление редакция «Православной общины» напоминает, что вышеупомянутые материалы являются перепечаткой из томских и новосибирских СМИ. Сообщать же своим читателям, в абсолютном большинстве людям церковным, о том, что происходит в нашей церкви, причем «не в углу» (См. например, Вячеслав Гришин. Томск: скверная история, «Русская мысль» № 4208, 5-11.02.98 г.) редакция считает своим долгом и прилагает все силы, чтобы информация была объективной. Поэтому, как напечатано на 2-ой странице каждого выпуска нашего журнала, «мнение редакции может не совпадать с суждениями авторов», что недвусмысленно было подчеркнуто и в предисловии к публикации в № 43 (см. с. 93). Редакция выражает искреннее сожаление, если авторы публикаций невольно допустили какие-либо неточности или искажения фактов. Со своей стороны мы готовы принести извинения, если кого-то эти публикации несправедливо затронули. Тем не менее, члены редколлегии подчеркивают, что всегда решительно выступали и выступают против всякой внешней цензуры церковной печати. Поэтому «рекомендательное решение» Епархиального совета запретить распространение журнала «Православная община» на территории Томской епархии и угрозу церковных прещений воспринимают как попытку давления на них. Это вынуждает нас публиковать теперь и те документы, которые раньше не были предназначены для печати. Мы считаем, что в случаях столь острых конфликтов, как тот, который имел место в Томске и сразу приобрел отнюдь не внутрицерковный характер, необходимо, ради его скорейшего преодоления, не молчать о происходящем и не освещать события односторонне, но дать возможность высказаться обеим сторонам. Поэтому редакция публикует основные документы, полученные из Томска, и отражающие разные, вплоть до противоположных, позиции участников «томского дела». Выводы же о реальности, которая за этими документами стоит, предоставляем сделать читателю.

Его Преосвященству Преосвященнейшему Аркадию епископу Томскому и Асиновскому

Объяснительная

Почтительно объясняю Вашему Преосвященству, что поводом к разговору с Вами со стороны моего тестя, Вильгельма Генриховича Фаста, были следующие, смутившие меня обстоятельства. Когда я пришел к Вам, чтобы благословиться на поездку в Сергиев Посад для сдачи очередной сессии в МДА, Вы оказали мне много внимания и ласки. Сначала поругав, Вы неожиданно стали обнимать меня, и потребовали чтобы я поцеловал своего архиерея в уста. Затем крепко схватили за нос, и прижимая к себе гладили волосы, разглядывали и целовали меня в лоб. При этом присутствовал иеромонах Иннокентий и два семинариста, как я помню. Такой ласки мне не оказывал даже мой родной отец и я был несколько смущен. Естественно, рассказал это в семейном кругу.

Никаких обвинений по этому поводу я Вам не предъявлял и не предъявляю. Мой тесть сам решил поговорить с Вами, а я в это время отсутствовал в Томске. Ваш смиренный послушник, *диакон Роман Штаудингер* 18.12.97

[Написано от руки ниже:] Я готов свидетельствовать, что способ общения Владыки Аркадия ввел меня в смущение.

р. б. Даниил Крапчунов 24.12.97 г. [Подпись]

Его Преосвященству Преосвященнейшему Аркадию епископу Томскому и Асинскому раба Божия Даниила Крапчунова

Объяснительная записка*

24 декабря 1997 г. иерей Александр (Классен) просил меня прийти к нему домой. Он показал мне различные письма, копии указов и объяснительных записок, связанных с Вашим Преосвященством. После беседы о. Александр просил меня подписаться под некоторыми из писем, от чего я мягко отказался, так как не совсем был согласен в их содержании. Затем о. Александр просил написать отдельную записку, от чего я также отказался. Тогда о. Александр попросил сделать приписку под копией объяснительной записки дьякона Романа (Штаудингера), так как оригинал ее, по словам отца Александра, был порван, и она не имеет силы. Мне было предложено несколько вариантов приписки, но я написал следующий текст «Я готов свидетельствовать, что образ общения епископа Аркадия ввел меня в смущение», так как он отражал реальное положение вещей. Сейчас я сожалею о том, что сделал эту приписку и, раскаиваясь, прошу у Вас прощения.

15.01.98 г. Многогрешный Даниил [Подпись]

Его Преосвященству Преосвященнейшему Аркадию епископу Томскому и Асиновскому

Смиренно прошу у Вашего Преосвященства искреннего прощения за то, что причинил Вам обиду. Из-за своего малолетства и неопытности я, действительно, не знаю как себя правильно вести перед Вами. От слов же первой своей объяснительной отречься, к сожалению, не могу, так как описал все происшедшее как помню. И если нужно подтвердить, то готов встать пред Святым Крестом и Святым Евангелием.

Смиренный послушник, диакон Роман 18.12.97 г. [Подпись]

18.12.97 г. № 200

Указ

Настоящим, за оскорбление и грязную клевету в адрес Правящего Епископа, диакон Роман Штаудингер запрещается в священнослужении. Вход в алтарь храма строго запрещен. Сладость церковную вкушать как мирянину.

Епископ Томский и Асиновский Аркадий

04.01.98 г. № 09

Указ

Настоящим, за нарушение 31, 39 и 55 Апостольских Правил иерей Александр Классен запрещается в священнослужении до полного покаяния. Сладость церковную вкушать как мирянину.

Епископ Томский и Асиновский Аркадий

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию копии членам Священного Синода Русской Православной Церкви

Ваше Святейшество! Во время Вашего посещения города Томска я удостоился благодатной встречи и краткой теплой беседы с Вами, Вашего благословения. Чрезвычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к Вам. Считаю своим долгом рассказать о непростой ситуации, возникшей в городе Томске с приездом Владыки Аркадия. Мой личный опыт общения с ним позволяет мне без преувеличения сказать, что православным и неправославным людям города Томска, города славного своим интеллектуальным потенциалом, приходится иметь дело с весьма грубым епископом, не способным нормально общаться с людьми. Я — отец троих детей и все они пошли по пути служения Церкви: мой сын — священник и два моих зятя — один священник, другой диакон. После того как Преосвященный Аркадий позволил себе неэтичное, на мой взгляд, поведение по отношению к моему зятю — молодому диакону, я связался с Владыкой по телефону с желанием получить аудиенцию у него, чтобы как-то объясниться. Разговора не поучилось — в ответ я услышал брань (за жизнь мою впервые в мой адрес было сказано: «Я не разговариваю с подонками»). Поведение Владыки — вызывающее и это проявилось не только по отношению ко мне. Священники же, по видимости, и за людей не считаются — с ними можно поступать как угодно: кричать, унижать, переводить с места на место, выдворять из епархии, не сообразуясь с обстоятельствами. Для Владыки допустимы выражения: зачуханный, вонючий, тухомет, поганый, шизофренические бредни. Отсутствует отеческая, пастырская любовь ко вверенным Владыке чадам. Господствует психический террор. Почтительно прошу объяснить мне — существует ли управа на такого правящего архиерея в нашей Церкви, или действия его должны оставаться совершенно бесконтрольными? Ведь возникает парадоксальная ситуация: если епископ кричит — должно считать, что это он просто громко говорит; ругается — считай это требовательностью, а любое возражение священника епископу рассматривается как дерзость, непочтительность и прочее. Зная, что в Церкви не принято обращаться в гражданские суды, я обращаюсь к Вам, Ваше Святейшество. Хоть Владыка Аркадий и епископ, полагаю однако, что и епископу не позволено грубить и унижать человеческое достоинство. Это не украшает лицо Церкви и для многих является соблазном.

Ваш смиренный богомолец В. Фаст*19.12.97 г.

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ
ИУправляющему делами Московской Патриархии, архиепископу Солнечногорскому Сергию

Заявление духовенства Томской епархии*

Принято на общем собрании 11 марта 1998 года Мы, священнослужители Томской епархии, глубоко возмущены антицерковными действиями и поступками запрещенных клириков священника Александра Классена и диакона Романа Штаудингера, которые целенаправленно подрывают ложью и клеветой авторитет возрождающегося на Томской земле Православия, позоря честь и достоинство священного сана. Серьезное беспокойство вызывает и их нежелание осознать губительность своего пути, пренебрежение многократными увещаниями и Епископа, и собратьев, что свидетельствует о глубоком духовном кризисе. Вся деятельность Правящего Епископа, целью которой является оздоровление и улучшение епархиальной жизни, вызывает у нас полную поддержку и понимание, о чем мы письменно свидетельствуем. Беспрецедентные действия о. Александра Классена и диакона Романа Штаудингера направлены на смену Епископа, основываются на лжи, личностных амбициях и заслуживают более строгих мер прещения.

[Около сорока подписей]

Его Преосвященству, Преосвященнейшему АРКАДИЮ, епископу Томскому и Асиновскому настоятеля церкви преподобного Сергия Радонежского г. Томска иерея Евгения Воронкова

Рапорт*

Ваше Преосвященство, после подписания решения епархиального Совета, членом которого я являюсь, и призыва иерею Александру Классену и диакону Роману Штаудингеру остановиться, покаяться в своих неправдах, ошибках и недопустимом для клириков поведении, ко мне домой действительно приходили диакон Роман и его родственник иерей Михаил Фаст с письмом-опровержением. В беседе со мной они оспаривали справедливость предъявляемых к ним обвинений; требовали отчета за мое участие в деле решения сложившейся конфликтной ситуации; говорили что все, кто участвует своими подписями в деле обличения о. Александра и д. Романа — являются лжесвидетелями, распинателями Христа и правды; что мы теперь не можем достойно служить Литургию; на основании святых Отцев Церкви (преп. Симеона, Нового богослова), учили поступать вопреки рекомендациям личного, епархиального духовников и мнения духовенства Епархии по вопросу о. Александра и о. Романа. На мой вопрос: «Какое отношение к данному вопросу имеет о. Михаил?», последовал ответ: «Мы все (видимо, кто с ними солидарен, родственники) за одно дело». Как я понял — за обличение и устранение непонравившегося епископа. Склонность вмешиваться в чисто епископские дела, обнаруживать недостатки в других, развивать их своим воображением до неузнаваемости, с выносом всего этого в средства массовой информации, нежелание своевременно прислушаться к советам и мнениям авторитетных священников томской Церкви — все это наносит раны пастырям и пастве, дает пищу хулителям Церкви, производит недоумения и удручающее впечатление на людей, сочувствующих Православию. 24.03.98 г. иерей Е. Воронков

22.04.98 г. № 179-у

Указ

(В № 44 «Православной общины» в разделе «Церковная жизнь» сообщалось, что запрещение с дьякона Романа Штаудингера и священника Александра Классена было снято патриархом Алексием. Редакция приносит извинения за допущенную неточность).

Определением Нашим, по ходатайству Высокопреосвященного Сергия, Архиепископа

Солнечногорского, Управляющего делами Московской Патриархии, запрещение в священнослужении с иерея Александра Классена снимается. Настоящим иерей Александр Классен отчисляется из клира Томской епархии (без права служения в дальнейшем на ее канонической территории) для продолжения священнослужения в любой другой епархии Русской Православной Церкви согласно поданного прошения. О чем и выдан настоящий Указ. Епископ Томский и Асиновский Аркадий

22.04.98 г. № 180-у

Указ

Определением Нашим, по ходатайству Высокопреосвященного Сергия, Архиепископа Солнечногорского, Управляющего делами Московской Патриархии, запрещение в священнослужении с диакона Романа Штаудингера снимается. Настоящим диакон Роман Штаудингер отчисляется из клира Томской епархии (без права служения в дальнейшем на ее канонической территории) для продолжения священнослужения в любой другой епархии Русской Православной Церкви согласно поданного прошения. О чем и выдан настоящий Указ. Епископ Томский и Асиновский Аркадий

2 - В № 44 «Православной общины» в разделе «Церковная жизнь» сообщалось, что запрещение с дьякона Романа Штаудингера и священника Александра Классена было снято патриархом Алексием. Редакция приносит извинения за допущенную неточность.

: В продолжение «дела храма Успения в Печатниках». Заявление Пресс-службы Православного просветительско-благотворительного братства «Сретение»

Церковная жизнь

Пресс-служба Православного просветительско-благотворительного братства «Сретение»

Заявление

Газета «Радонеж» провоцирует новые гонения

В газете «Радонеж» № 7 (72) апрель 1998 г. (гл. ред. Е. Никифоров) в разделе «Новости» была опубликована заметка «Крестил ли Кочетков в Великую субботу?» в которой, ссылаясь на «информированные источники», редакция газеты заявляет, что свящ. Георгий Кочетков «совершил в помещении ВПШ (!) крещение очередного выпуска так называемого «Огласительного училища, за что, согласно церковным канонам, в случае подтверждения сообщения, он должен быть незамедлительно извержен из сана», называя при этом о.Георгия почему-то «бывшим священником». Также в материале говорится, что «по сообщению очевидцев» «около двухсот членов общины Кочеткова, включая «новокрещеных», во главе с о. Георгием, причащались в храме Христа Спасителя за пасхальной Литургией».

В связи с этим братство «Сретение» и руководство Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы вынуждены заявить, что вся информация, содержащаяся в данном материале газеты «Радонеж», касающаяся лично свящ. Георгия Кочеткова, общины храма Успения в Печатниках и Свято-Филаретовской школы является клеветнической и полностью не соответствует действительности.

Такая акция газеты не может быть расценена иначе как анонимный навет и провокация, направленная на разжигание внутрицерковного конфликта и новых гонений.

В великую субботу 18 апреля с.г. свящ. Георгий Кочетков не крестил, а в Пасхальную ночь 19 апреля с.г. не приступал к Св. Чаше, как и в любое другое время, прошедшее с 13 октября 1997 г., что и было предписано Московской патриархией.

Никто не может обвинять свящ. Георгия Кочеткова в нарушении канонов и церковной дисциплины, что относится и к другим двенадцати братьям и сестрам, разделяющим вместе с ним тяжесть незаслуженных прещений.

Пресс-служба братства «Сретение»

Ректорат Свято-Филаретовской

высшей православно-христианской школы

Николай Бердяев: Церковная смута и свобода совести

Церковная жизнь

Духу Православия чужд клерикализм. Это отрицательное явление более развилось на католической почве. Но мы сейчас присутствуем при рождении русских клерикальных настроений и клерикальной идеологии. Наша православная молодежь, иногда даже в лучшей своей части, болеет этой болезнью. У молодежи это есть детская болезнь русского христианского ренессанса, увлечение реакцией против долгого периода отпадения от православной церкви. У стариков, у поколения дореволюционного, это есть скорее старческий склероз, совершенная неспособность к творчеству и свободе.

Последний архиерейский собор в Карловцах, вступивший на путь церковного раскола, разгромивший митрополитов, почти осудивший христианское движение молодежи, выделивший из себя яд злобных подозрений, пожелавший заразить здоровые души своей безумной мнительностью, наносит страшный удар клерикальным настроениям и заставляет задуматься над основными вопросами церковного самосознания. В этом положительная сторона этого несчастного собора. Иногда через зло достигается добро. Промысел Божий пользуется и злом для целей добра. Гнойный нарыв вскрылся. И это хорошо. Авторитету русских епископов Югославии и Болгарии, практиковавшему все эти года духовное запугивание, нанесен страшный удар. И это испытание нужно выстрадать тем, которые подвержены были иллюзиям клерикализма.

В известной части русской молодежи, религиозно горячей и искренней, но не продумавшей до конца и не осознавшей еще основ Православия, была тенденция считать каждого епископа непогрешимым и видеть в нем что-то вроде папы. В поколении, захваченном реакцией против

разрушительной стихии революции, есть потребность прислониться к незыблемой скале, потребность в твердом авторитете, есть боязнь свободы духа, свободы выбора. Но такого рода настроенность должна привести к трагическим конфликтам для совести.

Только в католичестве до конца продумана концепция внешнего непогрешимого иерархического авторитета и сделаны из нее все выводы. В православии эта концепция всегда может быть лишь половинчатой и противоречивой. Если с одним папой можно прожить жизнь, то с двадцатью пятью папами, друг с другом спорящими и друг друга отрицающими, можно легко попасть в сумасшедший дом. В действительности православие отличается от католичества не тем, что в нем двадцать пять пап вместо одного, а тем, что в нем нет ни одного папы. И это нужно сознать до конца.

Православное сознание не знает непогрешимого авторитета епископов. Внутренне непогрешимым авторитетом обладает лишь вся Церковь, лишь церковная соборность, и носителем ее является весь церковный народ всех христианских поколений, начиная с апостолов. В окружном послании патриархов Востока 1848 г. говорится: «Непогрешимость почиет единственно во вселенскости Церкви, объединенной взаимной любовью, и неизменяемость догмата, равно как и чистота обряда, вверена охране не одной иерархии, но всего народа церковного, который есть тело Христово». Носителем и хранителем христианской истины является весь церковный народ, а не одна иерархия. И нет никаких формально-юридических гарантий для выражения внутреннего авторитета Церкви. Один православный может быть более прав, чем преобладающее большинство епископов. Было время, когда св. Афанасий Великий, который был тогда диаконом, т. е. лицом иерархически незначительным, был носителем истины православия против всего почти епископата Востока, склонившегося к арианству. Клерикалы того времени, поклонники внешнего иерархического авторитета должны были быть против св. Афанасия Великого и за епископов-ариан. Для православного сознания вполне допустимо, что светский писатель А. С. Хомяков более выражал дух православия, чем некоторые митрополиты, подверженные влиянию школьного богословия, католического и протестантского.

В православии возможна была большая свобода религиозной мысли. Великое преимущество православия в том и заключается, что оно не знает внешних гарантий, что оно не мыслит Церкви по образу царства этого мира, по аналогии с государством, требующим формально-правовых условий, что оно верит в непосредственное действие Самого Духа Святого. Вопрос, который сейчас затмевен и который должен быть поставлен во всей остроте, есть вопрос о том, признает ли православие свободу совести, как первооснову духовной жизни. Тютчев написал когда-то по поводу папы Пия IX: «их загубило роковое слово — свобода совести есть бред». Эти слова, столь близкие нашим славянофилам, имеют смысл и оправдание лишь в том случае, если православие само твердо признает, что свобода совести есть не бред, а величайшая ценность христианства. Но мы живем в эпоху страха перед свободой совести, робости, нежелания взять на себя бремя свободы, бремя ответственности.

Современные клерикальные настроения представляют собой католический уклон в понимании Церкви и церковного авторитета. И этот католический уклон особенно силен у тех, которые считают себя фанатическими и исключительными православными, ненавидят католичество и неспособны понять его положительные стороны. Сейчас происходит реакция не только против русской антирелигиозной мысли, что есть великое благо, но и против русской религиозной мысли XIX века, что есть уже неблагодарность и недолжный разрыв преемственности. Русская религиозная, православная мысль была необычайно свобододлюбива, она вынашивала идею свободного духа, свободы совести и готовила творческую духовную реформу, духовное возрождение, которое сорвано было силами давно начавшейся атеистической революции и

неотрывными от нее силами мертвящей реакции, угашающей дух. А сейчас творческое и возрождающее движение в церкви затруднено и парализовано ложью живоцерковников и неправдой церковного реформаторства в советской России.

Проблема свободы совести представляется мне основной в христианском сознании и ставить ее нужно с как можно большей ясностью и радикализмом. Свободе всегда принадлежит примат над авторитетом. Даже в католичестве искание незыблемого авторитета, обладающего внешне уловимыми признаками, в конце концов фиктивно и основано на иллюзии. Непогрешимый авторитет папы предполагает его признание и удостоверение свободной совестью верующего католика. Папский авторитет не есть внешняя предметная реальность, не есть реальность природно-материального порядка, подобного реальности насилующего нас камня или куска дерева, извне на нас ударяющего, это есть реальность духовного порядка. Но папский авторитет становится духовной реальностью лишь вследствие акта веры, который есть акт свободы, вследствие признания религиозного субъекта.

Особенность господствующего католического сознания в том, что оно хочет очень скоро остановить действие свободы совести, что оно не признает ее перманентного действия. Православное же сознание в принципе не признает этой остановки свободы совести, этого перенесения ее на высший церковный орган — свобода совести действует непрерывно, через нее осуществляется сама соборная церковная жизнь. Жизнь Церкви есть единство любви в свободе. В сущности все духовно значительное, и в мире католическом тоже, предполагало свободу совести, творчество свободного духа, а не действие внешнего формального авторитета.

Свобода совести в православии совсем не означает протестантского индивидуализма, она изнутри, в глубине соединена с соборностью. Реформация была свято права в своем утверждении свободы совести, но в дальнейшем встала на ложный путь индивидуализма. Свобода не есть уединение души, противопоставление ее всякой другой душе и всему миру. В стихии свободы, свободы христианской, таинственно соединяется индивидуально-неповторимое с универсально-всеобщим. Но свобода никогда не может быть прекращена и пресечена, никогда не может быть переложена на другого и другое, она может быть лишь просветлена.

Против моей свободной совести я никогда и ничего не приму, не приму и Самого Бога, ибо Бог не может быть насилием надо мной. И мое смирение перед высшим может быть лишь просветлением и преображением моей свободной совести изнутри, лишь таинственным приобщением моим к высшей реальности.

Даже вселенский собор, высший орган православия, не обладает формальным авторитетом. Вселенский собор не обладает формальными и юридическими признаками, чувственно уловимыми, он не имеет законнической природы. Из собора тоже не надлежит делать идола и абсолютизировать его. Собор может оказаться разбойничьим, имея все обличье законности. Подлинно вселенский собор есть тот, в котором реально действует Дух Святой. И подлинность, духоносность вселенского собора обличается и удостоверяется свободной совестью церковного народа. Дух Святой действует в церковном народе, в церковной соборности и устанавливает различие истины от лжи, подлинности от подделки.

Порядок бытия церковного, как бытия духовного, тем отличается, что в нем нет внешних гарантий, нет правовых и материально уловимых признаков подлинности. Все решается духовной жизнью, духовным опытом. Дух Святой действует не так, как действуют природные силы и силы социальные. Тут нет никаких аналогий. Слишком большая установка такой аналогии в церковной жизни есть соблазн, есть уподобление Церкви миру сему.

Иерархический строй церкви, исторически неизбежный, выработка канонов — явление вторичного, а не первичного порядка. Первична лишь сама духовная жизнь и то, что в ней узреваются. Ею держится Церковь в своей святости. Утверждение примата внешнего иерархического авторитета всегда есть самообман и иллюзия. Окончательно подчиняются внешнему иерархическому авторитету лишь те, внутренние убеждения которых с ним оказываются тождественными или сходными. Никто еще никогда не подчинился внешнему авторитету, если совесть его решительно против того восставала, или подчинился лишь в порядке чисто внешней дисциплины.

Это нужно сказать и про католиков. Внешний авторитет сам по себе никогда и никого ни в чем не мог убедить. Убеждение всегда приходит изнутри и всегда предполагает взаимодействие свободы совести и Духа Божьего. Клерикализм убедителен лишь для клерикалов по убеждению, для тех, которые сами дорожат более всего клерикальным строем жизни, которые хотят, сами хотят торжества клерикального направления, клерикальной партии. Защитники авторитета и противники свободы обыкновенно для себя признают полную и неограниченную свободу, но не хотят ее признать для других. Это — самые несмирные люди, наиболее своевольные.

Это подтверждается на примере правоклерикального направления в эмиграции. Крайние и иногда фанатические сторонники линии архиерейского синода в Карловцах против митрополита Евлогия представляют крайнюю правую монархическую группу, которая выбирает высший церковный орган и митрополитов не на основании церковно-канонических соображений, а на основании своих политических симпатий, своих черно-реакционных вождельний. Если бы архиерейский синод и архиерейский собор обнаружил вдруг более левое и свободололюбивое церковное направление, если бы он порвал с правым монархическим течением, то нынешние его сторонники отступили бы от него и начали бы отрицать его церковность и его авторитетность. Таковы ведь и коммунисты, которые для себя признают полноту свободы, но не дают дышать свободно другим.

Все эти крайние правые монархисты в эмиграции вполне признают для себя свободу совести и свободу выбора и полагают авторитет церкви, где им хочется и нравится, наделяя авторитетом тех митрополитов и епископов, которые потакают их инстинктам и сочувствуют им. Я не раз слышал от русских в Берлине, что они не признают авторитета митрополита, юрисдикции которого они подчинены, потому что им не нравится его направление. Голоса Церкви, который осудил бы их вождельния и политические симпатии, эти люди никогда бы не послушались и не признали бы его церковным. Ведь они никогда не желали слушать патриарха Тихона, т. е. верховный орган православной русской церкви, не слушали его и епископы, которым не нравилось направление патриарха. Само образование архиерейского синода было нарушением воли патриарха, было самочинным актом.

Все эти своевольные люди правого лагеря никогда не признавали свободы церкви и всегда отстаивали насилие государства над церковью, вернее, не государства, а своего политического направления, своих интересов. Первый карловацкий собор, осужденный патриархом, весь прошел под знаком засилья правых монархических организаций над церковью. При чем же тут иерархический церковный авторитет! Его не признают, когда он не нравится.

Сейчас в правой эмиграции признается церковный авторитет там, где одобряются и поощряются реакционно-реставраторские политические вождельния, где есть одержимость духом обскурантизма и злобной манией «жидо-масонства». С канонами никто не церемонится и ими лишь лицемерно и лживо прикрываются. Совершенно ясно, что с канонической точки зрения правда на стороне митрополита Евлогия, но право-клерикальное направление признает, что церковный авторитет принадлежит архиерейскому синоду, потому что он выражает их дух и их стремления. Правоклерикальное направление и состоит из тех людей, которые хотят

засилья церкви своей политикой, монархической государственностью. Оно тоже признает примат свободы над авторитетом, но только собственной свободы. Оно проецирует свою свободу или свое своеволие в органе, который им нравится и им подходит. И эта ложь должна быть изобличена и изобличается самой жизнью.

Карловатский епископат есть известная партия, известное течение, а не голос Церкви. Притязания этого течения загранично-эмигрантской православной церкви на автокефалию и на возглавление всей русской православной церкви жалки и смехотворны. Эмигрантская иерархия в значительной своей части (не вся, конечно) есть иерархия, покинувшая свою паству, и потому она не может иметь большого нравственного авторитета для всего русского православного мира. Ни один епископ или священник в эмиграции не имеет нравственного права судить епископов и священников, обреченных на мученическую жизнь в России. А есть такие, которые с презрением и осуждением говорят о патриархе Тихоне, о митрополите Вениамине. Это — безбожное и отвратительное явление. Неизвестно, как вел бы себя в советской России презирающий и осуждающий, не примкнул ли бы он к живой церкви, как сделали многие бывшие черносотенники, так как и раньше занимались прислужничеством к начальству и доносами. А мы уже знаем, что и патриарх Тихон, и митрополит Вениамин были, хотя и по разному, мучениками.

Мы вступили в длительную эпоху церковных смут. Для того, кто знает историю церкви, ничего небывалого в этом нет. Но мы, русские, привыкли к длительному периоду церковного покоя и устойчивости. Православные люди жили в устойчивом быту, в крепкой сращенности церкви и государства. В XIX веке в русском мире происходили бурные движения, которые и привели к кризису и катастрофе, но церковь находилась по видимости в состоянии могильного покоя и бездвижности. Быть может катастрофа и произошла от этой бездвижности церкви. Монархия охраняла покой церкви, но вместе с тем мешала в ней и всякому творческому движению, не допускала даже собора.

Многие православные люди думали, что этот покой и бездвижность будут вечны. Но для взора более пронизательного видно было, что не все было так благополучно и спокойно в Православной церкви. Происходили внутренние процессы, раскрывались внутренние противоречия, которые не выявлялись лишь потому, что церковь находилась в рабстве у государства. Преобладающий стиль императорской церкви был стиль мертвого и мертвящего застоя и бездвижности. Не было церковных смут и борьбы, потому что было мало творческой жизни, или она была лишь в меньшинстве, которое бессильно было себя выразить. Когда в церкви первых веков были смуты, в ней была и бурная творческая жизнь. Церковные смуты могут быть обратной стороной бурной внутренней жизни, религиозной напряженности, внутренних борений духа.

Мы вступаем в такую эпоху, очень трудную, мучительную, ответственную, но радующую возникновением творческого движения. Православный душевный уклад должен будет переделаться. Новый стиль возникает в православии. И нужно душу свою вооружить для бурной эпохи смут. К старому покою и устойчивости возврата нет и быть не должно. Нельзя снять с себя бремя свободы выбора, нельзя опереться на вне нас находящуюся незыблемую скалу. Скала в глубине нашего духа.

Мы присутствуем в истории православной церкви при окончании и ликвидации не только петровского синодального периода, но и всего константиновского периода в истории христианства и при начале новой эпохи в христианстве. Церковь по-новому должна будет определить свое отношение к миру и совершающимся в мире процессам. Она должна быть свободна и независима от государства, от царства кесаря, от мирских стихий и вместе с тем более благожелательно отнестись к положительным и творческим процессам в мире,

благословить движение мира ко Христу и христианству, хотя бы еще неосознанные, иначе встретить блудного сына, возвращающегося к Отцу, чем это делалось до сих пор.

В эпоху исторического кризиса и перелома, крушения старого мира и рождения нового мира церковная иерархия не сразу и не вся сознает размеры событий, не сразу и не вся понимает церковный, религиозный смысл происходящего. Часть иерархии остается целиком в старом и вожделеет реставрации старой, спокойной, бездвижной жизни, она нечувствительна к историческому часу, слепа к тому, что происходит в мире, с нелюбовью и недоброжелательством смотрит на трагедию человечества, полна фарисейской самоправедности и замкнутости. Другая часть иерархии начинает чувствовать совершившийся перелом, но недостаточно еще сознает его, третья часть уже более сознает его. Такое разное чувство и сознание происходящего порождает борьбу внутри самой иерархии и церковную смуту. Как и всегда, к идейным мотивам примешиваются мотивы классовые и личные, классовая борьба и личное соревнование.

Епископы карловатские, карловатский синод и преобладающая часть собора, представляют течение в иерархии, целиком принадлежащее разлагающемуся прошлому, отмирающей эпохе в православии. Они ничего не видят и не понимают в происходящем, они духовно слепы и озлоблены на трагедию, происходящую в мире и человечестве, они – современные книжники и фарисеи, для них Суббота выше человека. Последний Карловатский собор и его проклятие всякому творческому в христианстве движению есть последние судороги ликвидирующегося церковного периода, монофизитского по духу, т. е. отрицающего человека, и цезарепапистского по плоти, т. е. обоготворяющего на земле кесаря. Это течение должно анафематствовать все, что происходит в человечестве и в мире, оно одержимо злобной мнительностью и подозрительностью, всюду видит лишь нарастание зла, так как хочет лишь старой жизни и ненавидит всякую новую жизнь.

Оно привязано не к вечному в церкви, а к тленному, преходящему в ней. Оно мешает восходам молодой жизни в православии. За этим течением не только нет духовной правды, но нет и канонической правды. Правое синодальное течение в эмиграции формально схоже с левым синодальным течением в советской России. Свобода церкви не блюдетсся ни там, ни здесь. Правда духовная и правда каноническая целиком на стороне той части иерархии, которая блюдет свободу церкви, которая ставит церковь над мирскими стихиями и политическими страстями, которая ощутила размеры совершившегося исторического переворота и невозможность возврата к старому. Эта часть иерархии за границей представлена митрополитом Евлогием. И дело тут не в личных взглядах митрополита Евлогия, а в том, что он является орудием Высшей Воли, Божьего Промысла в трудный и мучительный переходный период в существовании Православной церкви за границей. Таков был и патриарх Тихон для всей России. В этом ясно дана нам помощь Божия.

Патриарх и митрополит не могут быть выразителями каких-либо крайних течений в церковной жизни и редко им принадлежит инициатива бурных движений. Их миссия — поддерживать церковное равновесие в период смут и волнений. Но в этой своей миссии они не должны мешать нарождающимся творческим движениям, они могут их благословлять, вводя их в основное русло церковной жизни.

Равновесие церковной жизни, ее единство не может быть поддержано через компромисс с разлагающейся частью иерархии, проклиная творческую жизнь и мешающей церкви войти в новую эпоху. Это разлагающееся течение обречено на отмирание. Церковное развитие находится по ту сторону его мертвящей политики, угнетающей дух. Я думаю, что раскол раньше или позже неизбежен. От него православная Церковь не перестанет существовать и не потеряет своего единства. Важно единство в истине, а не компромисс истины с ложью. И страх

перед тем, что реакционно-реставраторское течение окончательно отколется и отомрет, есть не религиозно-церковный, а политический страх, так как это будет смертельным ударом для всего правого монархического течения. Но этот удар должен быть нанесен, ибо это течение мешает выздоровлению России и русского народа, мешает народжению лучшей жизни.

Крайняя правая партия в православии держится за церковный национализм, за уединение и изоляцию православия в христианском мире, она не понимает духа вселенскости. Нам, вероятно, придется пережить новый раскол старообрядчества и староверия, но в самом дурном смысле слова. В старом расколе была вся народная правда, которой не будет в новом расколе. Этот раскол возможен и в самой России, и в эмиграции. И к этому следует быть духовно готовыми. Это требует мужества и решимости.

Наша эпоха в церковной жизни ставит очень трудную и сложную духовную проблему. Что значит, если епископ, известный своей аскетической жизнью, подлинный монах, исполнявший заветы святых отцов, известный своей духовностью, оказывается духовно-слепым, а не зрячим, если он не способен к различению духов, если повсюду в мире и человечестве видит лишь зло и тьму и обречен распространять вокруг себя проклятие и мрак? Это очень тревожный вопрос, требующий вдумчивого к себе отношения. По-видимому, аскетика сама по себе не ведет к высшим духовным достижениям и не вырабатывает духовной зрячести, она может даже иссушить и ожесточить сердце. Дьявол тоже аскет. Необходим другой элемент в духовном пути, без которого аскетика лишается преображающего и просветляющего смысла. Аскетика без любви бесплодна и мертва. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если я имею дар пророческий, и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, все переносит» (1 Кор 13: 1-7).

Епископы, собравшиеся на архиерейский собор в Карловцах, не исполнили заветов апостола Павла. В словах и делах их нет любви, есть глубокое недоброжелательство, нелюбовь к человеку и к Божьему творению. Они не «долготерпят», не «милосердствуют», они «превозносятся», «раздражаются», «мыслят зло», они ничего не «покрывают», ни на что не «надеются», ничего не «переносят». Аскет монах может исполнить заповедь любви к Богу, но если он не исполняет заповеди любви к ближнему, не любит человека и Божьего творения, если видит в человеке лишь зло, то сама его любовь к Богу искажается и извращается, то он — «медь звенящая или кимвал звучащий».

Аскетически-монашеское недоброжелательство, нелюбовь, подозрительность к человеческому миру, ко всякому движению в мире есть извращение христианской веры. Христианство есть религия любви к Богу и любви к человеку. Одна любовь к Богу без любви к человеку есть извращение любви к Богу. Одна любовь к человеку без любви к Богу (гуманизм) есть извращение любви к человеку. Тайна христианства есть тайна Богочеловечества. Монах-аскет, в котором сердце иссушилось и охладилось, который любит Бога, но с нелюбовью относится к человеку и миру, есть практический, жизненный монофизит, он не исповедует религии Богочеловечества. Он виновник народжения в мире безбожного гуманизма.

В православии был этот монофизитский уклон, и теперь мы изживаем его злые плоды. Мы присутствуем при последних судорожных движениях монофизитского, враждебного человеку православия или, вернее, лже-православия. Этот дух обречен на гибель, он злобствует против человека и прокликает всякое движение жизни. Этот вопрос остро ставится в нашей

церковной смуте. Ныне происходит борьба за христианство, как религию Богочеловечества, соединяющую в себе полноту любви к Богу и человеку. Аскетика без любви мертва, она делает слепым, а не зрячим, делает человека скопцом. Эта истина должна быть выстрадана в нынешней смуте. Тот, кто исключительно заботится о спасении своей души и кто холоден и жесток к ближнему, тот губит свою душу. В епископах, вынесших свои резолюции на карловатском соборе, нет признаков христианской любви, они творят дело нелюбовное, враждебное человеку. Они — монофизиты в духовно-моральном смысле слова, сколько бы они ни исповедовали безупречные церковно-догматические формулы. В этом метафизической смысл событий.

В наши дни много говорят об оцерковлении жизни. Это есть лозунг христианского движения русской молодежи. Лозунг, бесспорно, истинный, но требующий уяснения и раскрытия своего содержания, так как в него можно вложить очень разнообразное содержание.

Оцерковление жизни можно понимать в духе ложного иерократизма и клерикализма, в духе старой византийской теократической идеи, исторически разложившейся и не восстановимой. Некоторые и понимают оцерковление, как подчинение всех сторон жизни иерократическому началу, прямому водительству иерархов. Это есть скорее католическое, чем православное понимание оцерковления, католическая теократическая идея, от которой и многие католики освобождаются. Непонятно, откуда взялась у известной части нашей молодежи та идея, что церковная иерархия обладает своего рода непогрешимостью и особыми харизмами знания и учительства. В сущности, такого рода учения в Православной церкви нет, хотя бы отдельные иерархи и держались его. Оно в корне противоречит началу соборности, которое лежит в основе Православной церкви. Соборность Церкви, которая не может иметь никакого формально-юридического выражения, непримирима с утверждением непогрешимого авторитета епископата и исключительными харизматическими привилегиями его в учении и учительстве.

Дух дышит, где хочет. Для православного сознания Церковь не есть общество неравное. Священство имеет прежде всего литургическое значение, и в этом оно непогрешимо и не зависит от свойств и дарований человеческих. Но христианскую истину раскрывает и хранит весь церковный народ, и в нем могут являться люди с особого рода индивидуальными дарами учения.

Священству принадлежит водительство в духовном пути спасения душ, но не в пути творчества, которое есть призвание человеческое. Да и старчество, столь характерное для православия, свидетельствует о том, что даже духовные дары водительства душ не связаны прямо с иерархическим чином. Ибо старец есть человек, наделенный индивидуальными харизмами, угадываемыми народом, человек духоносный, а не определенный иерархический чин. Старцы сплошь и рядом преследовались епископами.

Бесспорно, епископу принадлежит дисциплинарная власть в своей епархии, без которой невозможно управление Церковью. Но это не означает ни непогрешимого авторитета, ни особого дара учительства. Епископат возглавляет иерархический строй церкви, поддерживает церковное единство, охраняет православную традицию. Но ему не принадлежит господство над всей творческой жизнью человека и народа, над его познанием, над его общественным строительством, ему не принадлежит творческая инициатива в духовной жизни. Даже католичество признает, что внутренне священство принадлежит всем христианам, и что в известном смысле все христиане священники. Только во внешнем плане католичество в крайней форме утверждает иерархическое начало⁵. Тем более потенциальное всеобщее священство признает православие. Это согласно с учением апостолов и многих учителей церкви. Между тем как иерократизм есть уклон и извращение, нежелание признать, что Дух

Святой действует во всем христианском человечестве, что Христос пребывает в Своем народе. Это есть соблазн Великого Инквизитора, отречение от свободы духа и снятие бремени свободы выбора, возложение ответственности на немногих и снятие ее с совести всех христиан. И несправедливо винить в этом одних католиков.

Оцерковление жизни можно понимать в диаметрально противоположном смысле, видеть в нем именно возложение большей ответственности на весь церковный народ, на всех христиан, более сильное действие духовной свободы. Может и должно быть осознано, как потенциально церковное, и то, что не имеет официального, формально-юридического штампа церковности.

Оцерковление жизни есть процесс незримый, не бросающийся резко в глаза. Царство Божие приходит незаметно, в глубине человеческих сердец. Народы устали от условной лжи внешней церковности, символически освящавшей жизнь без реального ее преобразования и улучшения. И подлинное оцерковление жизни означает не только процессы, которые формально подчинены церковной иерархии и подвергаются условно-символическому освящению, но прежде всего те процессы, в которых реально изменяется и преобразуется жизнь в духе Христовом, осуществляется правда Христова. Эти процессы внешне могут оставаться свободными и могут казаться автономными, но внутренне в них может действовать Дух Христов. Очень хорошо говорит Бухарев, один из самых замечательных русских богословов, о «снисхождении Христовом на землю», об усвоении себе Христа в каждом акте нашей жизни.

Оцерковление жизни есть реальная, онтологически-реальная христианизация жизни, внесение Христова света, Христовой правды, Христовой любви и свободы во все сферы жизни и творчества. Этот процесс требует духовной свободы, он не может быть результатом действия внешнего авторитета или принуждения.

Оцерковление жизни не есть только процесс сакраментальный, процесс освящения жизни, но есть также процесс пророческий, процесс творческий, преобразующий жизнь, изменяющий ее, а не только освящающий. Поэтому он не может протекать под исключительным господством иерократического начала, в нем действует христианская свобода.

Ошибочно и произвольно утверждение, что благодать действует в авторитете и не действует в свободе. Указывают на то, что свобода совершила много бесчинств в мире, что она бывала темной и безблагодатной. Но ведь и авторитет совершал немало бесчинств, и он умножал тьму и злобу в мире. Гарантий нет ни в авторитете, ни в свободе, ибо и за авторитетом может скрываться злая свобода, своеволие и произвол. Но и свобода может быть просветленной и благодатной, и через свободу действует Дух Божий.

Где Дух Божий, там и свобода. И без свободы неосуществимо дело Божье в мире. Свободная совесть в человеке замутнена первородным грехом, но не уничтожена. Иначе стерт был бы в человеке образ и подобие Божье, и он не мог бы воспринять никакого откровения, для него невозможна была бы религиозная жизнь. Христовым же искуплением возрождена и просветлена человеческая свобода изнутри и утверждена в человеке свободная совесть, как непосредственное действие в нем Христова света.

Бесстрашное утверждение свободы духа, свободы совести имеет особенно значение в нашу критическую эпоху, в эпоху церковных смут и религиозных бурь. Свобода сурова и требует силы духа. Но эта суровость и сила сейчас нужна. Именно в нашу эпоху невозможно исключительно опереться на внешний авторитет, на скалу, возвышающуюся вне нас, а не в нас. Мы должны до конца пережить это чувство отсутствия внешних гарантий и внешней незыблемости, осознать его, чтобы в нас самих открылась незыблемая твердыня.

И это менее всего значит, что Бог покинул нас. Действие Духа Святого быть может сильнее, чем когда-либо. Промыслительное значение имеет колебание всех внешних авторитетов, крушение всех иллюзий. Это послано нам, как испытание нашей христианской свободы, нашей внутренней твердыни. Ни одному православному христианину не дано будет уклониться от свободы выбора, от совершения акта свободной совести. От этого нельзя будет трусливо уклониться и спрятаться в безопасное место. Самой высшей иерархии в эпоху смут и борьбы понадобится свободная совесть христиан, свобода их выбора. Богу нужна свободная совесть человека, свободная решимость человека, свободная любовь его. В этом смысл миротворения. Отрицание свободы совести, как верховного начала и первоосновы религиозной жизни, есть отрицание смысла мира, есть рабье богопротивление, есть соблазн и срыв. Пафос свободы совести не есть пафос формального и индифферентного либерализма, он относится к самому содержанию христианской веры.

Я все время говорил не о той свободе, которую я требую от Бога, а о той свободе, которую Бог требует от меня. Церковные смуты, которые происходят сейчас внутри России и в эмиграции, ставят требование твердости, крепости и силы в свободе, требования мощи свободы в нас. Без духа свободы нельзя победить соблазн коммунизма и нечего ему противопоставить.

Бремя и тяжесть свободы, подвиг свободы нам не дано будет с себя сбросить. Мы в известном смысле, как это ни парадоксально звучит, принуждаемся к свободе самим трагическим ходом мировых событий. И сознание наше должно стоять на высоте исторических свершений. Печальные события, свершившиеся на архиерейском соборе, имеют свою положительную сторону — они освобождают от иллюзий и соблазнов, они отрицательным путем напоминают христианам о их первородстве и о их высшем призвании. Заподозрение христианского движения русской молодежи, самого ценного, что сейчас есть в эмиграции, научает молодежь тому, что вне свободы духа невозможно христианское возрождение. И сейчас яснее, чем когда-либо, что Православная церковь держится не внешним авторитетом, не внешним организационным единством, а внутренней свободой духа, свободой Христовой, свободой и благодатью, действием Духа Святого на свободу человека.

: Церковь вступает в новую эпоху. К публикации статьи Николая Бердяева

Церковная жизнь

Статья Николая Бердяева, предлагаемая вниманию читателя, по времени написания (1926 г.) подходит больше для раздела «История церкви», но тем не менее мы решились опубликовать ее именно в разделе «Церковная жизнь», поскольку духовная ситуация, в которой оказалась русская эмиграция в 20–30 гг., настолько похожа на ту, в которой мы пребываем сегодня, что в происходившем тогда в этой сравнительно небольшой части русского общества, как в капле воды можно увидеть проблемы, которые сегодня волнуют уже всю Россию, с которыми нам выпало жить и которые нам предстоит решать.

Что же происходило тогда? Опомнившаяся после трагедии 1917 г. русская молодежь потянулась к православию, причем это происходило не только в среде эмиграции, вдруг вспомнившей о своих «корнях», — современники отмечали, что и в московских храмах появились люди, которых раньше там было не встретить. Но, опять-таки по обе стороны границы, эта молодежь, наряду с несколько запоздавшим участием в здоровом возрождении Православия, заболела и своими «детскими болезнями», впрочем, найдя для них «благодатную»

почву и в настроениях той части духовенства, которая уже не могла помыслить себе бытие церкви без опоры на сильную государственную власть, к которой она так привыкла за долгий константиновский период церковной истории. В России это вылилось в духовное разделение между быстро появившимися общинами и братствами, подобными братству еп. Арсения (Жадановского) и общинам о. Алексия и о. Сергия Мечевых в Москве или архим. Спиридона (Кислякова) в Киеве, и обновленческой церковью, опиравшийся на коммунистический режим, а в эмиграции — в разделение между христианским движением русской молодежи, объединившимся вокруг митрополита Евлогия и близкого к нему духовенства, сохранившими верность патриарху, с одной стороны, и тем направлением в среде русской эмиграции, которое, наоборот, не захотело представить будущее Русской церкви без восстановления привычного государственного строя, и выразителем чего стал Карловацкий синод, с другой.

Николай Бердяев показывает, что за внешней противоположностью карловацкого и обновленческого синодов скрывается глубинная духовная связь, и сегодня, когда фундаменталистские «православные» силы оказываются уже не просто в глубоком и невидимом родстве с марксистами и обновленцами, но в прямом союзе с коммуно-патриотами и прямо используют обновленческие методы борьбы с несогласными, понимаешь, что автор, сам прошедший в молодости через увлечение марксизмом, знал, о чем говорил.

Церковь вступает в новую эпоху своей жизни, — пророчески утверждает он, — «бурную эпоху смут», когда надежного внешнего авторитета просто нет, когда уже «нельзя снять с себя бремя свободы выбора, нельзя опереться на вне нас находящуюся незыблемую скалу», — каковую возможность предоставляла предыдущая эпоха, — теперь «скала в глубине нашего духа». Опирайтесь же на то, на что церковь привыкла опираться раньше, больше нельзя, невозможно, губительно.

Наша эпоха открывает в церковной жизни новые измерения, Бог требует от нас новых усилий и новой свободы. Горизонты ответственности христианина расширились, а путь стал более узким. Бердяев показывает, как нежелание признать этот простой факт и боязнь свободы приводят к страшной духовной слепоте, когда, например, человек, свято уверенный в том, что привержен православным аскетическим принципам послушания и следования авторитету и традиции, даже не замечает того, что на деле впадает в дьявольское своеволие, ввергающее в грех настоящего предательства своей церкви и своего народа, многих и многих людей.

Сегодня, когда новое поколение русской молодежи возвращается в православие, перед ней встают все те же вопросы и соблазны, о которых пишет Бердяев. Это и отношение к государственной власти, и отношение к иерархии, авторитету и традиции в церкви, и роль и служение самой иерархии в эту непростую эпоху, и требование воцерковления жизни, и проблема того, что понимать под этим воцерковлением, и отношение к наследию русской религиозной мысли (только теперь уже не девятнадцатого, а двадцатого века, т. е. в том числе и к самому Бердяеву), и многое другое.

Мы надеемся, что публикация этой статьи Н. Бердяева, который уже тогда, в 1926 г., предупреждал, что наступающая эпоха смут будет долгой и непростой, поможет читателю яснее осознать ту духовную ситуацию, в которой мы все находимся, и облечься в «мужество, твердость, крепость и силу в свободе» и во все «всеоружие Божие, дабы могли мы оказать сопротивление в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф 6: 13).

: О приеме в Свято-Филаретовскую

ВЫСШУЮ ШКОЛУ

Церковная жизнь

В Свято-Филаретовскую школу принимаются православные христиане не моложе 21 года, имеющие образование не ниже полного среднего, прошедшие цикл катехизации для взрослых, регулярно причащающиеся и представляющие цель своего прихода в Школу.

Для поступления в Школу абитуриенты должны представить в Приемную комиссию следующие документы:

- 1) прошение на имя ректора
- 2) письменную рекомендацию, подтверждающую прохождение оглашения (желательно от священника)
- 3) копию аттестата о полном среднем или диплома о среднем-специальном (высшем) образовании
- 4) две фотографии
- 5) письменную работу «Мой путь к Богу и в Церковь» объемом от трех до пяти страниц (только для лиц, не прошедших катехизацию в Огласительном училище при МВФХШ).

На основании представленных документов Приемная комиссия выносит решение о допуске абитуриентов к вступительным испытаниям. Вступительные испытания в Свято-Филаретовскую школу состоят из письменного экзамена, устной проверки знаний по утвержденной программе и собеседования.

Письменный экзамен состоит из изложения предложенного отрывка из Евангелия и письменной проповеди на тему данного отрывка.

Устную проверку знаний и собеседование Приемная комиссия проводит с каждым абитуриентом индивидуально.

ПРОГРАММА ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОЙ ШКОЛЫ

I. Абитуриенты должны знать содержание и свободно ориентироваться в следующих книгах:

Новый Завет (полностью) Ветхий Завет: Пятикнижие (полностью), Сирах, Премудрость Соломона, Притчи, Псалтирь, Пророки (одна книга «больших» и три «малых» пророков). «Всенощное бдение. Литургия» (знать основные особенности богослужений: вечерни, утрени, литургии). Православный молитвослов (со знанием наизусть молитв: начальные – «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный», «Святой Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидите поклонимся»; утренние – «От сна восстав», «Боже, очисти мя грешного»; Ангелу-хранителю; вечерние – «Боже вечный», «Вседержителю, Слово Отчее», «Благаго Царя благая Мати», Ангелу-хранителю; Божией Матери – «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе», «Милосердия двери», «Не имама иныя помощи»; Символ веры, молитву преп.Ефрема Сирина, молитвы перед святым причастием, заповеди Моисеевы, заповеди блаженств, тропари двенадцатых праздников, тропарь своему святому, псалмы 50 и 90). Катехизисы свт. Филарета Московского или еп. Александра (Семенова-Тян-Шанского) – со знанием наизусть не менее 30 цитат из Священного Писания по-русски (а для желающих и по

церковно-славянски) из Катехизиса свт.Филарета. Церковный календарь на текущий год (свободно ориентироваться, знать основные праздники, посты и их смысл).

II. Абитуриенты должны также прочитать следующие книги:

Беседа преп.Серафима Саровского с Мотовиловым Прот.А.Шмеман. «За жизнь мира» Прот.А.Шмеман. «Исторический путь православия» Митр.Сурожский Антоний. «О встрече» Архиеп. Финляндский Павел «Как мы веруем» Свт.Феофан Затворник «Путь ко спасению» и выделить главное в них.

III. Для собеседования необходимо прочитать статью матери Марии (Скобцовой) «Типы религиозной жизни», Вестник РХД, № 176.

Приемная комиссия работает с 1-го мая по 10-ое сентября с 10.00 до 18.00 по адресу: Москва, ул.Покровка, 29-38

тел./факс - (095) 923-0380

почтовый адрес - Москва, 125475, а/я 255

Владимир Завитневич: О восстановлении соборности в русской церкви

История церкви

Уже давно у нас, в обществе и печати, раздаются жалобы на ненормальное состояние нашей церкви. Если люди, примыкающие по своему умственно-нравственному складу к сектантству рационалистических толков, нападают на самые начала нашей церкви, то лица, убежденные в абсолютном достоинстве этих начал, жалуются на то, что положенные в основание православной церкви святы, вполне отвечающие духу учения Христова начала лишены возможности проявиться вовне и показать свою жизненную силу вследствие утвердившегося в церкви, как общественном организме, мертвого формализма. Главной причиной последнего обстоятельства обыкновенно признается ненормальное отношение церкви к государству, которое своею чрезмерною опекою делает свободное проявление церковного начала невозможным. Последняя мысль требует серьезного, вдумчивого отношения к себе.

В противоположность государству, которое зиждется на формально-юридической основе, церковь есть институт по преимуществу нравственный. Государство ставит своею задачей охранение посредством внешних мероприятий прав личности от вредного посягательства на них извне; церковь, путем чисто нравственного воздействия на внутреннюю жизнь человека, на его ум, на его волю, на его сердце, имеет целью пересоздать внутренний мир его души по закону любви, которая есть первая и наибольшая заповедь Христова. Сообразно с этим, государство самым убедительным аргументом в системе своих мероприятий признает внешнюю принудительную силу; основной стихией церковной жизни является свобода. Личность, искренно вступающая в церковь, заблаговременно отрекается от своего эгоизма и выражает готовность добровольно подчиниться водительству Духа Божия, живущего в единстве человеческих убеждений, в единстве человеческих совестей. Единство церкви не исключает возможности разногласия мнений; но оно не допускает вражды из-за этого несогласия. Иисус Христос, определяя признаки истинных последователей Своих, сказал: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13: 35).

Если обычные человеческие средства для примирения разногласия мнений оказываются недействительными, то у церкви есть еще одно могущественное средство; это молитва к Святому Духу, да вразумит Он неразумных. Но если бы человеческое сердце до того одебелело, что сделалось недоступным и этому воздействию, то это показало бы, что человек перестал быть христианином и фактически вышел из церковного состава, и церкви ничего не оставалось бы, как формально признать то, что фактически уже совершилось. Таков смысл церковной анафемы. Ясно, что в церкви нет и быть не может места для насилия, по той простой причине, что насильственные мероприятия своим действием не могут проникать в ту область, которой владеет церковь. В области внутренней жизни духа насилем можно создать лицемерие, ложь, обман, но нельзя создать честного, искреннего убеждения. Вот почему применение в религиозной сфере насильственных мероприятий — это несомненный признак того, что чистота христианского сознания стала мутиться и церковное начало стало уступать место началу государственному. Цель высших идеальных стремлений церкви в отношении к государству заключается в том, чтобы ассимилировать его по своим законам, пропитать его своим духом, т. е. формально-юридические отношения его членов заменить отношениями нравственными. Пока церковь этого не достигла, она, по возможности, должна держаться в стороне от государства, строжайше соблюдая чистоту своих нравственных основ.

Проникновение церкви государственным началом есть смерть для церкви. Как только нравственные отношения членов церкви заменяются отношениями формально-юридическими, а для поддержания церковного единства начинают употребляться внешние, насильственные мероприятия, то это несомненный признак того, что начало церковности стало иссякать в общине и, чувствуя ослабление своих собственных сил, она открыла недра свои для проникновения туда начала государственного. Такая община нуждается во внутреннем самоочищении, и если она этого не сделает, то Дух Христов оставит ее, она станет обычным человеческим обществом, и нравственно-воспитательное воздействие ее на государство сделается невозможным. Что в недра нашей церкви проникло начало государственное, это уже давно создано. Тем не менее истинный смысл этого явления едва ли создается у нас со всей ясностью, во всей полноте его объема. Дело в том, что корень рассматриваемого зла заключается не столько в форме установившихся отношений церкви и государства, как это обыкновенно полагают, сколько во всем строе нашей государственно-общественной жизни, который вообще характеризуется чрезмерным развитием государственного начала за счет начала личного и общественного. Было время, когда созидание государства было у нас делом первой и безусловной необходимости, и тогда русский народ с полным самоотвержением приносил в жертву этому делу все свои материальные средства, почти все свои духовные силы и даже самое дорогое свое сокровище — свободу. И это было необходимо: без этих великих жертв не возникла бы русская земля. Но время это прошло; государство организовалось, окрепло, и никакая опасность ему не угрожает, а поэтому теперь пора нам понять, что цель и смысл государства заключается не в самом государственном механизме, а в свободном развитии под его охраной личности, организованной на началах разумной общественности. Думать иначе — это то же, что цель и смысл жизни какой-нибудь улитки полагать в покрывающей ее мертвой скорлупе, а не в развивающемся под ее прикрытием живом организме. Одну из характерных особенностей нашего времени составляет то, что личность, прежде сильно задавленная, теперь неудержимо стремится к развитию и проявлению. А развивающаяся личность неизбежно требует признания своих прав, не тех прав, которые предоставляются ей запоздалой в своей регламентации формой закона, а тех прав, которые определяются безотносительным достоинством самой личности. Остановить последнюю в ее поступательном движении никто не в силах; думать иначе, это значит не знать ни истории, ни человеческой души. Вы можете временно остановить внешнее проявление личности, но этим достигнете лишь того, что заставите ее, так сказать, замкнуться внутри себя, где она, окрепнув и получив в борьбе с препятствиями упругость и страстность, проявит себя при случае там и так, где и как вы не ожидали. Да и что за охота брать на себя столь неблагоприятную задачу —

боротся с тем, что очевидно берет под свое покровительство история? Переживаемая нами государственная смута служит блестящей иллюстрацией этой мысли. Для всякого вдумчивого наблюдателя до очевидности ясно, что причина ее заключается не в ослаблении государственного начала, а наоборот, в чрезмерном развитии этого начала и в запоздании с его стороны уступок в пользу законных требований начал личного и общественного. К сожалению, понимание этой, казалось бы, столь очевидной истины нам слишком туго дается. Вследствие чрезмерного развития у нас государственного начала с его формально-юридической основой, общественное начало с его нравственной основой у нас совершенно задавлено. Внутренне-изолированная, связанная лишь внешнею формой, лишенная благотворного воздействия общности, личность в своей внутренней жизни предоставлена произволу своего личного эгоизма и вследствие этого, если можно так выразиться, нравственно засохла и духовно омертвела; а из мертвых частей нельзя составить живого целого. Здесь главный источник мертвенности нашей церкви. Ревнивое отношение правительства к своим правам и вытекающая отсюда, граничащая иногда с полным деспотизмом опека над личностью, приучили нас к формальному отношению к своим обязанностям и к заботам лишь о том, чтобы быть чистыми пред формой закона. Проявление при таких условиях частной инициативы крайне затруднительно, а в делах серьезной важности даже совершенно невозможно. А где не уважается и даже преследуется частная инициатива, там нет места и для общественной самодеятельности, там неизбежно воцарится все мертвящий формализм, на который у нас столько жалуются. Тот же формализм, с каким относятся к делу наши гражданские чиновники, наблюдается и в служении пастырей церкви, которым нет дела до того, что происходит в душе их пасомых, исполняли бы они только возлагаемые на них церковным правительством обязанности и повинности. В наше время можно быть не только злейшим еретиком, но и полным атеистом, и в то же время считаться примерным членом церкви; ибо для нас дороги не убеждения человека, а его внешнее отношение к форме закона. Загоняя в церковь людей силою, мы не считаем нужным заглядывать во внутренний мир их души, и хорошо, пожалуй, делаем, иначе мы ужаснулись бы при виде того, из каких членов состоит это нами насильственно созданное «тело Христово». Поступая так, мы даже не догадываемся, что совершаем преступление против самого духа христианства, что мы просто кощунствуем над святыней церкви. Неудивительно после этого, что всякая свежая мысль, всякое живое движение души, хотя бы они исходили из самого чистого источника, нас пугают; ибо мы не знаем, под какой параграф регламента или устава их подвести; а это нам необходимо знать хотя бы, например, на случай отписки, которой от нас может потребовать высшее начальство. Мы считаем себя православными христианами, но потребуйте от нас положительного определения нашего православия (критиковать других мы прекрасно умеем) и увидите, что даже наши специалисты в области богословской науки разойдутся во мнениях по самым основным вопросам учения нашей церкви. И этому не нужно удивляться: сознательное единогласие в области науки достигается лишь путем свободного обмена мыслей; а разве возможен свободный обмен богословской мысли там, где часто даже не умеют делать различия между книгами, имеющими церковно-символическое значение, и учеными диссертациями, представляющими лишь опыт искания истины частным лицом и поэтому требующими, с одной стороны, полной свободы исследования, с другой стороны, полного уважения и терпимости ко всякому мнению, если, конечно, оно явилось плодом добросовестной ученой работы. В области веры всякое недомыслие должно быть не скрываемо, а разъясняемо, ибо здесь дело касается спасения души, которая не может быть оставлена на произвол судьбы, раз ее заблуждение обнаружено; а силою внешней дисциплины убеждения переменить нельзя. Вот почему бороться с заблуждениями в области веры нужно не цензурою, а наукою. Пастыри церкви, которые относятся к делу иначе, — не добрые пастыри, а наемники: они заперли свое стадо в душный сарай и думают лишь о том, чтобы оно численностью было цело, а что их овцы томятся от голода и жажды, до этого им нет никакого дела. Такой порядок вещей возможен лишь в омертвелом общественном организме, и наша церковь, насколько она есть человеческое

общество, действительно омертвела от того, что мы уморили лежащее в ее основании начало соборности. Свою церковь мы признаем соборною. Соборная она не потому только, что ее учение раскрыто и утверждено вселенскими соборами, а и потому, что начало соборности лежит в самой основе всего ее жизненного строя. Самые вселенские соборы потому и получили в церкви такое решающее значение, что они были проявлением начала соборности. Соборное же начало по своему существу есть начало хоровое, начало общинное, т. е. начало свободного общения людей в интересах живого обмена мыслей и чувств, с целью умственно-нравственного воспитания личности. Рассматриваемое с этой точки зрения соборное начало в жизни церкви есть то же, что движение крови в живом организме; оно есть жизнь церкви, биение ее пульса. Уморив соборное начало, мы атрофировали самый источник ее жизни; живой организм церкви мы поразили в самое его сердце, мы остановили биение его пульса. Как ни односторонне католическое начало папизма, но оно в католической церкви живо, и последняя обнаруживает ту живучесть, которая не раз соблазняла таких членов нашей церкви, как, например, князь Гагарин, Чаадаев, Владимир Соловьев, Боборыкин и др. Наша же церковь, несмотря на всю широту лежащего в ее основании начала, мертва, ибо это начало не функционирует: мы засушили, мы уморили его. Текущий ручей тотчас же останавливается, как только живой ключ, доставляющий ему воду, перестает бить. Так точно и жизнь нашей церкви остановилась потому, что самый источник этой жизни атрофирован. Есть, конечно, люди, которые вполне довольны настоящим положением дел, ничего лучшего они не только не хотят, но и представить себе не могут. И это не только совершенно естественно, но и неизбежно, — иначе на чем же держался бы весь нынешний строй нашей жизни? Но горе тому обществу, где смерть считается жизнью, где мертвый труп не умеют отличить от живого тела! И если мы не сознаем своего основного греха и не покаемся в нем, то горе нас несомненно постигнет. Есть люди, которые указывают даже источник, из которого они ждут беды. Наше общество, истомленное царящую кругом мертвенностью, сделалось до болезненности отзывчивым на все то, что проявляет хоть некоторый проблеск жизни. Неудивительно поэтому, что после последнего старообрядческого московского собора слышались речи, которые раньше могли бы показаться дикими, но которые теперь выслушиваются с большим интересом. Теперь, между прочим, нетрудно встретиться и с вопросом о том, кому принадлежит будущее в истории: официальной ли церкви или расколу? В догматах, говорят, разницы между ними нет; обрядовая же разница, во-первых, не важна, во-вторых, беспристрастная историческая наука в последнее время по обрядовым вопросам высказывается в таком направлении, что трудно сказать, кто тут прав и кто виноват. А между тем проявление соборного начала в старообрядчестве, несомненно показывая его живучесть, свидетельствует в то же время о его верности духу вселенской церкви, чего нельзя сказать о церкви официальной. Итак, у нас, говорят, есть теперь две церкви, одинаково претендующие на православие: одна официальная, затянута в блестящий мундир, украшенная лентами, орденами, наделенная правами и привилегиями и проявляющая свою веру на официальных молебнах в царские дни, и другая церковь, наряженная в серый зипун, гонимая и преследуемая, но полная живой, искренней веры и верная началу вселенского православия. Которой из них принадлежит будущее, — решить, говорят, нетрудно: мертвая будет погребена, а живая будет жить и развиваться. Трудно сказать, чего больше в этих речах: злой ли иронии, или зловещего пророчества? Ответ на этот вопрос даст, конечно, история. А теперь пока невольно хочется спросить: ужели же люди, в руках которых находится судьба нашей церкви, всего этого не понимают? Ужели же им не больно, ужели им не стыдно? Итак, чтобы пробудить дремлющие силы церкви, необходимо прежде всего вызвать к жизни лежащее в основании ее начало соборности, которое, проходя снизу вверх, должно проникать всю ее организацию. Простейшей единицей, той первичной клеточкой, из которой должно вырасти все здание церковного организма, должен по-прежнему остаться приход, оживленный путем возбуждения среди его членов более тесного единения на почве сознания единства интересов не только внешних, каковы, например, заботы о благоустройении храма, но и внутренних, каковы заботы о религиозно-нравственном

просвещении. Душою прихода, его естественным средоточием, должен быть, конечно, священник. Ввиду того, что применение в глухой провинции желанной системы выбора прихожанами священников при настоящих условиях встретит серьезные затруднения, пока оставить нынешнюю систему назначения, не устраняя, впрочем, права прихожан рекомендовать на священнические места своих излюбленных кандидатов. Чтобы деятельность священника была целесообразною, вполне отвечающею его высокому назначению, необходимо, во-первых, поднять его умственную и особенно нравственную правоспособность, во-вторых, освободить его от теперешней экономической зависимости от прихожан. Первого можно достигнуть путем одухотворения системы воспитания в духовных школах, второго — путем замены ныне практикуемого способа вознаграждения за труды определенным жалованием, средства для чего могут быть взяты из того же источника. В виду сильного роста нравственной личности, прежняя система вознаграждения, вследствие многих отрицательных ее сторон, должна быть признана безусловно вредною. Церковные приходы соединяются в более сложные церковно-общественные единицы, границы которых однако же не должны выходить за пределы уезда. Во главе каждой такой единицы стоит епископ. Значительный объем нынешних епархий, обременение епархиальных архиереев массой дел, часто не имеющих ничего общего с их святительским служением, отдаляет архипастырей от их паствы и часто сводит совершенно на нет их воздействие на последнюю. Последнему обстоятельству много способствует и внешняя обстановка епархиальных архиереев, которые скорее напоминают высших сановников в государстве, чем смиренных служителей алтаря и любвеобильных пастырей стада Христова. Перемещение епархиальных архиереев из губернии в уезд, ближе к пастве и в более скромную обстановку, при сокращении подведомственного им круга дел, сильно ослабит многие отрицательные стороны их нынешнего служения и сделает их деятельность более плодотворною. Но чтобы эта деятельность была действительно такою, уездные архиерейские кафедры необходимо замещать не юношами из монашеского духовенства, которые сами нуждаются в воспитании, а людьми духовно зрелыми, лучше всего из местного духовенства, независимо от того, в состоянии ли они принять монашество (как, например, вдовы священники) или нет. Польза от такой постановки дела до того очевидна, что останавливаться на ее мотивировке было бы совершенно излишне. Уездные епископии соединяются в губернские или областные архиепископии или митрополии, которые в конце концов объединяются во всероссийском патриархате. Все архиерейские кафедры, начиная с уездных епископий, оканчивая столичной патриархией, замещаются не по назначению, а по свободному избранию. Все намеченные церковные округа являются естественными районами для созывания троякого рода соборов: уездных, губернских и столичных или общерусских поместных. На этих соборах, которые должны быть посвящены рассмотрению самых разнообразных вопросов церковного благоустройства, будет рассматриваться и тут же решаться много таких дел, которыми теперь завалены канцелярии консисторий и Св. Синода. Так нанесен будет решительный удар той церковной бюрократии, от которой теперь наша церковь страдает не меньше, чем государство.

Печатается по: «Церковный Вестник», 7 апреля 1905 г. (№ 14). *Настоящая записка прочитана была в частном собрании ревнителей просвещения в духе Православной церкви в Киеве. После обмена мнений собрание признало свое единомыслие с автором во всех основных положениях записки и выразило желание, чтобы текст ее предан был гласности путем напечатания в одном из периодических изданий.*

: О составе церковного собора. Вторая

Записка группы столичных священников

История церкви

Вопрос о восстановлении канонической свободы православной церкви в России естественно связан с вопросом о составе будущего церковного собора, чрез который должно совершиться это восстановление. Мы имеем в виду ответить на естественно возникший у многих вопрос: какого же собора, по составу его членов, надобно желать для дела канонического устройства нашей церковной жизни? Отвечаем: такого собора, который непременно мыслится в понятии о церкви Христовой и который не раз собирался в древнейшие времена жизни церкви, — собора всецерковного. Церковь, по учению апостола Павла, «есть тело Христово» (Еф 1: 22-23). «Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим 12: 4-5). В теле все члены так обусловлены один другим, что ни один, без вреда для всего тела, не может сказать другому: «ты мне не нужен»; напротив, «члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения» (1 Кор 12: 20-23). Так и в церкви Божией не может быть ни мертвых членов, ни ненужных и излишних для домостроительства церковного, «ибо дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу» (1 Кор 12: 4-7). Поэтому все церковное «тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф 4: 16). Сообразно такому учению о церкви, устроилась в век апостольский и церковная жизнь с церковным управлением. Деяния апостольские свидетельствуют, что апостолы обсуждали пред всем «множеством» свои предположения и осуществляли их при молитве и при содействии всей церкви. В собрании «человеков около ста двадцати», вероятно, всей тогдашней церкви, после общей молитвы, «поставили двоих», из коих по жребию был «сопричислен к одиннадцати апостолам» св. Матфей (Деян гл. 1). Избрание семи диаконов произошло при участии всего общества иерусалимской церкви: «и угодно было это предложение всему собранию, и избрали Стефана»... (Деян гл. 6). На апостольском соборе апостолы и пресвитеры «со всею церковию рассудили» и, «избравши из среды себя мужей», отправили их в Антиохию с посланием от имени всего собора: «Апостолы и пресвитеры и братия находящимся в Антиохии»... (Деян 15: 22-23). Апостол Павел укоряет коринфян, что они сами не извергли из среды своей кровосмесника, и наставляет их объявить ему приговор в общем собрании верующих (1 Кор гл. 5); по прошествии же некоторого времени «просить» тех же коринфян «оказать ему любовь», «простить его и утешить», без его — апостола — присутствия, прибавляя: «кого вы в чем прощаете, того и я» (2 Кор гл. 2). В следующее за апостольским время церковь продолжала жить такою же соборною жизнью. Св. Игнатий Богоносец хорошо это выразил в послании к Ефесянам: «Составляйте из себя вы все до одного хор, чтобы согласно, настроенные в единомыслии, дружно начавши песнь Богу, вы единогласно пели ее Отцу чрез Иисуса Христа... Полезно вам быть в невозмутимом единении между собою, чтобы всегда быть и в союзе с Богом» (гл. 4). И когда это единение нарушалось, например, появлением какой-либо ереси, то верующие, без различия их церковных полномочий, собирались на соборы и судили о ней. Так, например, во II в., при появлении ереси Монтана, «верующие начали часто и во многих местах Азии собираться и, исследовав новое учение, объявили его нечестивым и отвергли, как еретическое; тогда преданные ему отлучены были от церкви и лишены общения с нею» (Евсевий, Церк. ист., V, 16). Не подлежит сомнению, что на соборах этих непременно членами являлись епископы окружных церквей; однако, не они одни, но и клирики и миряне тех же церквей должны подразумеваться под общим наименованием «верующих». И эти-то «верующие», совокупно со своими епископами,

производили исследование нового учения, осудили его, как еретическое, и извергли его проповедников и последователей. От III в. имеем многочисленные свидетельства св. Киприана Карфагенского. Так, он писал пресвитерам и диаконам: «С самого начала епископства моего я положил за правило ничего не делать по одному моему усмотрению, без совета вашего и без согласия народа». По его словам, «смиренномудрие, и учение, и самая жизнь наша требуют, чтобы предстоятели, собравшись с клиром, в присутствии народа, которому также за веру его и страх должна быть воздана честь, могли распорядиться во всем по общему соглашению». Когда возник вопрос о падших, он писал разным лицам, что этот важный вопрос необходимо разрешить по окончании гонения, «при совещании со всеми епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и... в присутствии мирян». Такой порядок ведения церковного дела вполне соответствовал воззрениям и установившемуся обычаю римской церкви, которая отвечала Киприану: «В столь важном деле мы согласны с тем, что и ты утверждал, именно, что прежде нужно дождаться мира церкви, а потом уже, составив общий совет с епископами, пресвитерами, диаконами, исповедниками и твердыми в вере мирянами, рассудить о деле падших» (Киприан, Творения, р. пер., 2-е изд., т. 1, стр. 175, 133, 165, 217, 221). Не иным был и обычай восточной церкви. Так, по поводу ереси антиохийского епископа Павла Самосатского неоднократно собирались в Антиохии соборы, на которых участвовали местные и прибывшие из Палестины и Малой Азии епископы с пресвитерами и диаконами. «Все они, — по свидетельству историка Евсевия, — в разные времена и часто сходились в одно место, и в каждом заседании рассматривали отдельный вопрос». В последнем соборе, постановившем приговор и низложившем еретика-епископа, также участвовали, как видно из надписания приводимого Евсевием послания собора, «епископы, пресвитеры и диаконы... и церкви Божии». Главным деятелем на этом соборе явился пресвитер Малхион, «муж ученейший». «Он-то, — рассказывает Евсевий, — вступил с Павлом в прение, которое, как записали его скорописцы, сохранилось донныне, и один из всех умел обнаружить мысли этого скрытного и обманчивого человека». Епископы, пресвитеры и диаконы и церкви Божии, от имени которых составлено и отправлено окружное послание, все совокупно объявляют в послании: «Мы принуждены были отлучить этого неуступчивого противника Богу, и вместо его, по Божию, как мы уверены, усмотрению, епископом кафолической церкви поставили другого» (Евсевий, Церк. ист., VII, 28, 29, 30). С изменением внешнего положения церкви с IV в. внутренний ее строй, характер жизни и управления остался соборным, соответственно учению и практике св. апостолов. «Церковь, — по словам св. Амвросия Медиоланского, — есть некая форма справедливости, общее право всех. Сообща она молится, сообща трудится, сообща испытывается» (О должностях, I, гл. 29). «Не можешь сказать, — пишет св. Иоанн Златоуст в своем толковании на 1 Кор 12: 12, — что один какой-нибудь член составляет тело сам по себе, а другой — нет; в этом отношении они все равны и все одно тело»... «Быть или не быть в составе тела зависит не от положения в том или другом месте, — это производит только различие в месте, — но от слития или раздела; быть или не быть телом зависит от соединения с ним или не соединения» (Творения, пер. Спб. д. акад., 1904 г., т. X, с. 297, 299). «В церкви нет ни высокомерия начальствующих, ни раболепства подчиненных», — говорит этот великий отец в беседе 18 на 2 посл. к Коринфянам, — «в церкви должно жить как в одном доме... Тогда бы и меньший мог приносить пользу большему... И ныне, если один не говорит полезного, то пусть другой встает и говорит. Хотя бы он был и меньший, но если предлагает что-нибудь полезное, предпочти его мнению; хотя бы он был даже последний, не оставь без внимания» (т. X, с. 633, 634). Великий ревнитель благочиния церковного, горячо обличавший в письмах свои всякие отступления от него, св. Исидор Пелусиот с глубокою скорбью порицает то печальное явление, что в церковную среду, по выражению восьмого канона III Вселенского собора, «вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирской, и утрачивается помалу, неприметно, та свобода, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков». «Крайне дивлюсь, — говорит он в одном из писем, — почему иные из древних право самоуправства обращали в отеческую попечительность; ныне же некоторые из

нововводителей и пастырское сердолобие превратили в самоуправное самозаконие, думая, что не начальство, отчету подлежащее, вверено им, но дана в удел самодержавная власть» (Творения, рус. пер., III, 305). Церковное сознание высказывалось всегда отрицательно по отношению к подобным понятиям «нововводителей». Как все управление церкви, так и всякое в частности церковное дело почиталось общественным и потому близким для каждого члена церкви, какое бы положение в отношении других он ни занимал. Так, св. Афанасий Великий даже разбор дела по жалобе на епископа считает предметом ведения собравшегося народа и призвавших власть от Духа Святого. «Если бы и действительно, — пишет он, — имела силу какая-нибудь на меня жалоба, то ни ариану, ни кому-либо из держащихся арианских мудрований, но — по церковным правилам и по слову Павлову — собравшемуся народу и тем, которые приняли власть от Духа, с силою Господа нашего Иисуса Христа (1 Кор 5: 4), подлежало законно все исследовать и произвести в присутствии изъявляющих свое требование мирян и клириков» (Окружное послание. Творения Афанасия Великого, р. пер., изд. 2, ч. 1, стр. 279). Соборный строй жизни церковной, тесное общение с клиром и народом, близкое участие всех во всех делах церкви опирались на освященное апостольским преданием избирательное начало: предстоятели церквей — епископы, как и весь вообще клир, были избранниками церковных общин. «Все множество жителей, все принадлежащие ко вселенской церкви, — читаем мы об избрании св. Афанасия Великого во епископа, — собравшись вместе и единодушно, как бы во едином теле вопияли, зывали, требуя во епископа церкви Афанасия» (Защитительное слово против ариан. Творения Афанасия Великого, р. пер., изд. 2, ч. 1, стр. 295). По смерти константинопольского епископа Нектария, «после многократных совещаний согласились (верующие той церкви) вызвать из Антиохии пресвитера Иоанна... И царь Аркадий, по общему определению всех, то есть клира и народа, призвал его» (Сократ, Церк. ист., кн. VI, гл. 2). Поистине таковые епископы были в полном смысле слова предстоятелями, выразителями веросознания и жизни их пасомых, «устаи церкви». И не смотря на это естественное представительство церквей в лице их избранников-епископов, на соборы для рассуждения о церковных нуждах собирались не одни лишь предстоятели-епископы, но и пресвитеры, диаконы и миряне. Так, в IV в. на соборе Эльвирском 309 г. было 19 епископов, 26 заседавших с епископами пресвитеров, диаконы и множество народа. На Константинопольском соборе 394 г. епископы присутствовали «со всем священным чином». В V в. римские соборы 461, 465 и 487 г. состояли из епископов, пресвитеров и диаконов. Постановление Римского собора 490 г. подписали от своего имени 67 пресвитеров и 6 диаконов. В VI в. Константинопольский собор 536 г. при патриархе Мине имел в составе своем и весь клир столицы. И на Вселенских соборах встречаем пресвитеров, диаконов и мирян. Например, на Первом вселенском соборе, кроме 318 «отцов», присутствовало очень много лиц, явившихся для рассуждений о вере. Определения Второго вселенского собора подписаны, кроме 150 епископов, пятью пресвитерами, — не в качестве представителей епископов, а от своего имени: «Флавиан и Елпидий, пресвитеры антиохийские, Тиранн, пресвитер аморийский, Авксанон, пресвитер апамейский, Елладий, пресвитер комманский». Такое участие в соборных заседаниях пресвитеров, диаконов и мирян, никем никогда в древней церкви не оспариваемое и не отвергаемое, признавалось, следовательно, их правом, как членов церкви. Указанным представлением о составе собора, как полного осуществления и выражения внутреннего единства церкви, православие отличает себя от крайностей римского католицизма, сведшего церковь к жизнедеятельности епископата, и протестантства, оказавшегося вынужденным отвергнуть иерархическое начало. Как народ без епископов, так и епископы без народа не составляют церкви: «У нас, — гласит послание восточных патриархов папе Пию IX, — ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело церкви, т. е. самый народ». И в нашей русской церкви по временам собирались поместные соборы. О многих из них сохранились важные сведения, на основании коих мы приходим к заключению, что и на русских соборах, как на древних, присутствовали вместе с епископами низшее духовенство и миряне. Подобно областным

соборам древней церкви, они занимались вообще церковным благоустройством, избирали и рукополагали первосвященников-митрополитов, судили их и епископов, исправляли распоряжения отдельных архиереев, решали вопросы о вере, благочестии и церковном управлении, прекращали местные религиозные волнения, производимые еретиками. В последний раз поместный собор был созван в русской церкви в последней четверти XVII столетия. Когда в наши дни пронеслась весть о созвании церковного собора у нас на Руси, сердца истинных чад нашей церкви наполнились великою радостью; отовсюду — от духовенства и мирян — были высказаны горячие пожелания такого собора. Но в то же время со всех сторон слышались то вопросы, то недоумения, то прямо опасения относительно того, из кого же этот русский церковный собор должен состоять: из одних ли епископов, или из епископов, пресвитеров и мирян? Кто на нем будет рассуждать о делах русской церкви? Уже приведенные выше исторические справки дают нам право утверждать, что и на ожидаемом русском поместном соборе, кроме неперемных членов его — всех епархиальных архиереев, должны непременно присутствовать и выборные от духовенства и мирян. Двухсотлетнее же отсутствие у нас соборов и современное положение нашей высшей иерархии в отношении к пастве такое участие на соборах низшего духовенства и мирян делают неизбежною необходимостью. Для того, чтобы соборное решение имело обязательное значение для всей церкви русской, нужно, чтобы заседающие и решающие на соборе были выразителями церковного сознания, устами верующих, как то было в древней церкви. Одни же наши русские епископы таковыми в настоящее время не являются. Они, прежде всего, не избранники их епархиальных общин. При том они и не знают, в большей их части, не только своей паствы, но даже и духовенства своего, — за своею частою сменою и кратковременностию пребывания на епархиях, за обширностию своих епархий и многочисленностию пасомых. Не имея тесной связи с своею паствою, нередко не виданный двумя третями мирян и доброй половиною духовенства, такой епископ и сам не дерзнет говорить от лица своей паствы, как он должен говорить на соборе, и не будет признан за выразителя голоса своей паствы от нее самой, в случае ее несогласия с решением собора. Поэтому, чтобы избежать очень естественного при таких условиях и очень опасного церковного раскола, необходимо, чтобы на соборе присутствовали избранные от духовенства его представители и избранники от народа — известные своею ревностию о благе церкви миряне. Отсутствие на соборе белого духовенства и мирян опасно и с другой стороны. В наши дни заметен очень сильный интерес к вопросам церкви у большого количества мирян, прежде часто совершенно безразличных к ней. И дать возможность этому интересу, этой, скажем даже, ревности о церкви выразиться в суждениях церковных чрез своих представителей на соборе — значит приблизить их к духовенству и церкви, объединиться всем в единое стадо Христово для полной церковной жизни. Не допустить же их до собора — значит у одних погасить этот священный огонь ревности, у других вызвать недоверие к архипастырям и к самой церкви, а третьих совершенно оттолкнуть от нее. На основании всех этих данных мы приходим к твердому убеждению, что дело обновления русской церковной жизни и восстановления канонической свободы в управлении ее может быть достигнуто только на всецерковных соборах. Вопрос о том, как именно произвести выборы представителей от белого духовенства и от мирян на первый собор всей русской церкви, нелегко разрешим, в виду отсутствия канонического устройства епархиального управления. Правильное и обстоятельное выяснение этого вопроса представляется возможным только путем всестороннего обсуждения его заинтересованными и сведущими людьми. И намечая здесь основные черты организации первого собора, мы имеем скорее цель привлечь в печати внимание к этому важному практическому вопросу, чем дать собственно опыт разрешения его. Следующие положения должны быть, по нашему мнению, основными при обсуждении вопроса о производстве первых выборов на всецерковный собор. 1. Собор уже в самом порядке выборов должен служить к сплочению разъединенных ныне составных частей церковного общества — духовенства и мирян, обеспечивая тем себе доверие всех и возбуждая общий интерес к предстоящей соборной работе. Не считая, поэтому, правильной мысль, что первый

собор, по встречающимся для совершенной организации его затруднениям, может состоять и из одних только епископов, мы полагаем, что он-то, прежде всего, и должен обладать характером всецерковного представительства. Равным образом, мы признаем ошибочным допущение отдельных по чинам церковным выборов: особо от духовенства и особо от мирян. Единство церкви требует совместности выборов. 2. Выборы в церковный собор не могут быть произведены чрез гражданские выборные установления, например, земские собрания, городские думы, как не имеющие должных для этого связей с церковью и отношения к церковным задачам. Эти выборы должны производиться посредством церковных же учреждений с характером представительства. 3. Не следует прибегать к созданию нарочитых новых учреждений для первых выборов на собор, что было бы сопряжено с громадными затруднениями и только отвлекало бы внимание от главной цели, ради которой была бы предпринята трудная работа нового насаждения на мало подготовленной почве. Можно воспользоваться — хотя бы и несовершенными — существующими установлениями церковными для организации выборов, допустив необходимые изменения в этих установлениях, направленные специально к тому, чтобы достигнуть возможно лучшего представительства общецерковного сознания. 4. В наличном строе епархиальной жизни имеется установление с характером представительства, именно — епархиальный съезд духовенства, и это установление удобно применить к цели епархиальных выборов на собор. Предшествующую степень его составляет окружной или благочиннический съезд всего клира входящих в состав благочиния приходов для выбора депутата на епархиальный съезд. Этот епархиальный съезд духовенства следует обратить в общепархиальное собрание представителей духовенства и мирян епархии, предварительно обратив и благочиннический съезд в общецерковное учреждение. 5. Самое избрание членов всероссийского церковного собора могло бы быть произведено следующим образом. В каждом отдельном приходе на общеприходском собрании, непременно в храме, прихожане сами, не стесняемые в своей свободе, избирают из своей среды не менее двух представителей для благочиннического или окружного собрания. Клир каждой церкви на этом окружном собрании присутствует в полном своем составе, причем все члены клира — с равным голосом. В окружном собрании выбираются совместно клиром и мирянами не менее как два депутата от духовенства и два от мирян на общепархиальное собрание. На этом собрании также совместно духовными и светскими депутатами избираются на собор всей церкви не менее двух членов из лиц духовенства и столько же из мирян. 6. Собор восполняется выборными представителями придворного и военного духовенства, которые являются членами собора вместе со стоящими во главе того и другого протопресвитерами; в состав собора входят также выборные представители от духовных академий, например, в количестве двух от каждой. Можно быть уверенным, что ради большей плодотворности своих трудов собор восполнит себя сам, пригласив в свой состав по общему решению выдающихся подвижников веры, представителей богословского знания, науки, литературы, выдающихся общественных деятелей, — из тех, кто не войдет в состав собора по выборам. 7. Как самый собор, так и общепархиальные и окружные собрания, происходят под условием полной свободы. Посему, будучи открываемы первый — первенствующим иерархом русской церкви, вторые — епархиальными архиереями, третьи — благочинными, они затем сами выбирают себе председателей и устанавливают порядок ведения дел. Общепархиальные и окружные собрания, кроме выборов, обсуждают свои нужды и свои желанья в виду общей церковной реформы. Им принадлежит право приглашать по общему решению в свой состав лиц, выдающихся в церковной жизни епархии или округа. Членов собора — представителей от духовенства и мирян епархии общепархиальное собрание избирает не только из лиц, вошедших в состав этого собрания по выборам, но свободно из всего духовенства и мирян епархии.

Ирина Заиканова: Предисловие к публикации

История церкви

Из многочисленных публикаций прессы 1905 года, посвященных вопросу церковной реформы (заметим, что это словосочетание произносилось в те времена с гораздо большей свободой, чем теперь), следовало, что возможность ее осуществления стояла в прямой зависимости от состава предполагавшегося собора. Публикуемая ниже вторая записка 32-х столичных священников увидела свет спустя всего два месяца после первой (см. «Православная община», № 42, сс. 90–95). За это время в прессе появилось более 170 статей, посвященных теме собора, поэтому можно с полным основанием говорить о свершившемся в прессе «публицистическом соборе», в котором, учитывая высокий уровень свободы слова и интереса населения к вопросам жизни церкви, смогли высказаться и иерархи, и представители клира, и миряне. Нет худа без добра — нам никогда бы не узнать, на каком высоком уровне находилось профессиональное и мирянское богословие, если бы не взрыв, вызванный первым обращением 32-х священников. В отличие от этого неформального, предполагавшийся собор, как это к тому времени определилось в церковных верхах, должен был состоять только из одних епархиальных архиереев. И приводимая ниже статья излагает взгляды 32-х священников на то, каким должен быть состав собора, хотя заставило их написать ее четкое представление о том, каким он не должен быть. Одним из сложившихся решений «публицистического собора» было признание того, что если предстоящий собор будет собором епископов, то он в лучшем случае закончится избранием патриарха. Причем и это было проблематично, поскольку даже в среде епископата было размежевание по этому вопросу. О том, чем это грозило, писал, в частности, проф. Н. Никольский: «При новом порядке (имеется в виду порядок, установленный окрепшей благодаря введению патриаршества «партии монашествующих») можно предвидеть, что задачей богословской науки будет не разыскание истины, а служение аскетизму, что белое духовенство будет превращаться постепенно в поповство XVII века, невежественное и безгласное, и что общество еще более будет отделяться от церкви... Свобода нужна церкви — это бесспорно». Не правда ли, нарисованная проф. Никольским картина и чаянья, увы, нам слишком знакомы. И в этом нет ничего удивительного, поскольку практически все решения Собора, кроме одного, именно, введения патриаршества, на деле так и остались на успевшей уже пожелтеть бумаге. К вопросу состава собора очень близко примыкала идея выборности и выборного начала в православии. Напомнив церкви о выборном начале, как характерной особенности не только апостольской и раннехристианской церкви, но и российской церкви, белое духовенство в лице 32-х священников утвердило альтернативу, «второй путь», по которому могла бы пойти наша церковь — путь оживления ее организма, вливания в него новых, молодых сил. Этот путь лежал через возвращение ей духа общинности. Во втором обращении 32-х священников мы читаем, что собор, включающий и слышащий, наряду с епископами, пресвитеров и мирян, есть «неизбежная необходимость». И надо сказать, что церковь начала века признала это, и собрав собор на основе выборности, и приняв решения, большинство из которых было сформулировано 32-мя священниками. Остается только пожалеть, что произошло это слишком поздно и ушло вместе с начавшейся почти одновременно с Собором революцией. Еще один урок дают нам 32 священника. Они предупреждают, что иерархия, не являющаяся «выразителем голоса своей паствы», может стать причиной «очень опасного» раскола. Как это узнаваемо и верно! Надо однако признать, что этот раскол в скрытой, латентной форме жил в нашей церкви скорее всего с тех времен, когда церковные соборы перестали быть церковными в самом изначальном значении этого слова, а это приводит нас к очень убедительной тавтологии — когда соборы перестали быть

соборными. Этот раскол жил в нашей церкви весьма реально и переходил из одного ее органа в другой, как постоянно действующая болезнь — «паралич», по диагнозу Достоевского. Это определение, которое, наверное, сотни раз было повторено в публикациях по поводу предполагавшихся реформ церкви, выражало жизненную потенцию тогдашней, по нашим понятиям довольно благополучной, церкви. Уроки истории, и в особенности церковной, — очень дорогостоящее богатство. Мы знаем, как опыт живой части нашей церкви, наше богословское достояние, был использован Католической церковью на Втором ватиканском соборе. Опыт жизни церкви, который суммирован в послании 32-х священников и в статье проф. В. Завитневича, публикуемой в настоящем сборнике, где он напоминает, что «основной стихией церковной жизни является свобода», и поэтому восстановление соборности невозможно без обретения и другого основания церковной жизни — личности, без признания ее, личности, «безотносительного достоинства», — этот опыт не может быть забыт и должен послужить еще нашей современной церкви.

Сергей Аверинцев: Богословие в контексте культуры. Лекция на начало учебного года в Свято-Филаретовской высшей школе, 14 сентября 1997 г.

Христианское образование и воспитание

Дорогие друзья, поздравляю вас всех с началом учебного года и с церковным новолетием. В заглавии моей лекции есть два существительных: богословие и культура. О богословии говорить страшно, поэтому я, как человек робкий, начну с того, о чем говорить менее страшно, — о культуре.

Если мы попробуем узнать из того, что говорят вокруг нас касательно суждений Отцов Церкви о культуре, о культурной традиции, о культурных формах, которые в те времена были языческим наследием, то если мы еще не читали как следует самих Отцов, нам придется пережить странное недоумение. Наши современники, более того, наши единомыслители, в зависимости от образа своих мыслей, в зависимости от своих мнений уверяют нас либо в том, что представители христианской мысли патристической поры сурово анафематствовали языческое культурное наследие и подали нам пример полной замкнутости, закрытости, словно бы входящей в христианскую аскезу, либо, если они придерживаются иного, прогрессистского, либерального образа мыслей, мы услышим от них, напротив, заверение, будто Отцы просто без всяких проблем приняли языческую античную культурную традицию, без всякого разрыва переработав ее внутри себя в культуру христианскую.

Когда же мы читаем самих Отцов Церкви, ситуация оказывается поразительно сложной, более сложной, чем это представлено не только у только что помянутых идеологически ориентированных, идеологически ангажированных церковных публицистов, но, пожалуй, и у академических специалистов по патристике во всем мире. Специалисты часто любят классифицировать Отцов Церкви, распределяя их по различным направлениям: было направление, более негативно относившееся к античной культуре, — скажем, сириец Татиан (вообще говоря, для восточных народов, для сирийцев и еще более для коптов, довольно естественным образом характерен особый скепсис, касающийся греческой культуры, греческой цивилизации, которая была им во времена завоеваний Александра Великого

навязана – обычный комплекс борьбы с культурным колониализмом, но это особый вопрос). Другие, как Иустин Мученик, видели в греческой духовной культуре еще языческого времени некое педагогическое подведение к христианству и даже нечто сравнимое по этой роли уготовления с Ветхим Заветом. Когда же мы читаем сами тексты, ситуация оказывается, как сказано, сложнее. Мы находим очень выразительные места как будто бы противоположного значения (по крайней мере при сведении на плоскость) – у одних и тех же авторов. Мы встречаем подчас драматические коллизии: блаженный Иероним, удалившись в пустыню, оставив не только все достояние, но и столичную жизнь ради пустыни, взял с собой книги, и в том числе настолько легкомысленного автора, как комедиограф Плавт. Затем некоторая как бы двойная жизнь, которую он вел в пустыне, привела к грозному видению. В этом видении, пришедшем к нему, когда он и физически был болен, он услышал очень страшные слова: *Ciceronianus es, non Christianus* – ты не ученик Христов, ты ученик Цицерона. Несомненно, после этого видения Бл. Иероним осуществил какие-то аскетические усилия для того, чтобы иерархия ценностей внутри его сознания стала иной. Одного он не сделал и после этого видения – он не отказался от чтения античных авторов (он сам рассказал в одном письме об этом видении, но и после этого у него встречаются античные цитаты). Даже при этом крайнем случае он не понял видения как однозначного приказа выбросить из головы, а также из скромного хранилища свитков в той пещере, где он жил в пустыне, – тексты античных авторов. Ибо, с одной стороны, христианин, оставаясь христианином, стараясь быть верным обету своего крещения, естественным образом не может позволить себе рассматривать культуру и религию как две шизофренически разделенные сферы жизни и уж подавно не может рассматривать свою веру как часть культуры, относящуюся к культуре как к целому, – скажем, как это представляется во всех историях культуры: знаете, большая глава «История культуры такой-то эпохи», и там будут разделы – религия, философия, литература, искусство и прочие пункты по списку. Христианин, не переставая быть христианином, не может перестать считать для себя обязательным слово: «Оставь все и иди за Мной...» С другой стороны, человек, живущий с людьми, хотя бы монах, живущий с монахами, иеромонах, проповедующий в церкви, не имеет выбора: отказываться ему от культуры или нет. До тех пор пока человек живет с людьми и действует среди людей, возможности в этом отношении таковы: он может иметь хорошую культуру, культуру похуже, а может выбрать и соответственно иметь совсем дурную культуру, но отсутствия культуры, «нулевого варианта», своего собственного пространства, своей комнаты, «отмытой» от культуры, он не может иметь. Мы в бытовом разговоре употребляем слова вроде «отсутствие культуры», «бескультурье», «некультурность» и т. д., но на самом деле это всего лишь бытовые выражения, которые означают совсем не то, что они означают словесно, этимологически. Это никогда не отсутствие культуры, а порой, скажем, очень плохая культура, порой еще более плохая культура, и т. д. Человек не может, не давая обета молчания, выйти из пространства языка (и еще вопрос, может ли он это сделать, дав обет молчания, – ведь и к Богу он обращается, хотя и стараясь выйти за слова молитвы, но все-таки повторяя про себя эти слова).

Еще одно короткое замечание о слове «культура». Хотя словосочетание *cultura mentis* – возделывание ума – употреблялось еще у классических римских авторов античной поры, например у того же Цицерона, однако словосочетание это в продолжение античности, средневековья, Возрождения, раннего нового времени сохраняло статус метафоры. Это была метафора, не термин, и притом надо было нормально говорить не «культура», а именно «*cultura mentis*» – возделывание ума (одна из столь обычных для нашего языка агрономических метафор, не правда ли – слово «семинар» или «семинария», как известно, значит «рассада»).

Возделывание ума... Только в XIX веке в немецком языке, первоначально именно в немецком языке, укореняется употребление слова «культура» в терминологическом значении. В европейских языках слово это входит со скрипом. По-английски, на хорошем старом английском

языке, для того, чтобы обозначить человека, обладающего не просто знаниями, а в лучшем смысле этого слова культурой – в мирском смысле слова «духовной» культурой, полагается говорить, что он – civilized. Вы знаете, у немцев Шпенглер установил другой порядок, нынче хорошо известный и у нас: что-то живое, органическое и творческое называется культурой, а цивилизация – это как раз что-то внешнее, нетворческое, неорганическое и мертвое. Но если думать об этимологии слов, а также об их истории в других языках, не в немецком, то худо-бедно цивилизация восходит к слову civis – гражданин. Цивилизация – это то, что дает людям прилично друг с другом жить как согражданам, в состоянии коллегиальной, разделенной друг с другом свободы, – это не так плохо. Во французском языке, правда, прилагательное culturel вообще не засвидетельствовано до двадцатых годов нашего века – так поздно французы стали говорить «culturel». И любопытно, что человек, настолько глубоко связанный с немецкой культурой, как наш поэт-символист Вячеслав Иванов, не любил слова «культура» и высказывал одобрение сопротивлению романских народов к установлению этого слова. Так или иначе, для наших современников слово «культура» перестало быть метафорой и стало термином и концептом, еще раз повторяю, концептом поздним, ассоциируемым, не правда ли, с общими курсами истории культуры, в контексте которых культура оказывается как бы совместным складом или, скажем, музеем, куда складывается, сносится вся сумма созданного или лучшее (но всякий отбор сомнителен) из написанного писателями и живописцами, что-то из музыки, философии, – ну, и религии и т. д. Кстати говоря, тот же Вячеслав Иванов, символист, человек, как поэты обычно бывают, отнюдь не отец церкви, человек, которого столько корили за эстетство, очень энергично высказывался за то, чтобы в нашем сознании оставалась достаточно четкой внеположность веры культуре, ее трансцендентность. Естественно, верующий человек иначе не может. Но вот что сделалось со словом «культура». Вы знаете, у древних греков, людей, столь творческих именно в области культуры, нашему слову «культура» соответствовало совсем другое слово – пайдейя. А пайдейя – это для каждого грека совершенно прозрачное слово со значением «воспитание». Разумеется, культура, как греки ее понимали, – это не воспитание в наивном морализаторском и наивном утилитаристском смысле слова, это не обучение элементарному благонравию. Но так или иначе, смысл, в котором культура есть воспитание, должен выясняться мыслью каждой эпохи, он должен обсуждаться, он должен быть предметом спора, но эта связь никоим образом не должна быть потеряна. Ужасно, когда культура делается простой суммой того, что называется искусством, того, что называется литературой и т. д.; а в наше время, когда, как всем известно, перестало быть понятно, в чем идентичность того же искусства, той же литературы и т. д., когда, давным-давно можно выставить любой предмет – и это будет инсталляция, это будет искусство, и когда как будто бы именно невоспитанное поведение (отнюдь не в благонравно-бюргерском, а в любом смысле) оценивается как культура, как культурное творчество, культурная деятельность, культурная активность – это особенно сложно.

Я никоим образом не намерен, заламывая руки, публично гневаться на время, в которое мы живем, но проблематичность того статуса, к которому пришло понятие культуры в наше время, должно ясно сознаваться – в частности и в особенности – верующими людьми.

С другой стороны, правда, хотя бы частичная правда ревнителей и обличителей текущих состояний культуры, в частности теперешнего состояния, состоит в том, что христианин имеет не только право, но и обязанность не робеть, когда ему говорят: «Ну как, неужели ты не знаешь, что уже все передовые, культурные люди давно приняли такие-то и такие-то тезисы?» – здесь он, как и всякий мыслящий человек, всякий живой человек и, тем более, всякий верующий человек, имеет право и обязанность время от времени, когда надо, говорить: «Нет!» Мне рассказывал один французский актер, который на старости лет стал ревностным католиком, а в молодости был более или менее неверующим, как он спрашивал своих католических сверстников: «Почему вам не нравятся такие-то и такие-то модные книжки?» – и

ему отвечали: «Parce que c'est pas vrai!» ("Потому что это неправда!") Вот такую наивную способность, когда надо сказать: «А вы знаете, это все-таки неправда», мы должны сохранять.

С другой стороны, мы обязаны ясно различать две вещи: мы имеем право и обязанность не соглашаться с распространенными мнениями нашего времени, с тем, что учиняют интеллектуальные кутюрье, с trends, как нынче на всех языках говорят; но мы не имеем ни обязанности, ни права позволять себе интеллектуальную нечестность и отворачиваться от реальности, в которой живем. Необходимо только проводить различие между реальностью и «измами», которые на этой реальности паразитируют. Реальность – это реальность, она несовершенна, мы живем в юдоли плача, в мире, где нам обещано, что мы скорбь будем иметь, но это та реальность, какая нам дана Богом, в которую мы помещены, и мы не должны придумывать никакой другой, мы не должны жить в реальности воображаемой. А принятие или неприятие интеллектуальных мод – другой вопрос.

Я являюсь по случайности единственным русским, единственным православным и одним из очень немногих верующих членов Парижской академии культур (именно так, во множественном числе). Там господствует настроение секуляризма и лаицизма, и вот когда на эту тему произносились, так сказать, назидания членам академии, я заявил протест. Ну вы знаете, что во французском языке «лаицизм» – это даже еще резче, чем секуляризм, это теперешний синоним того, что в XIX веке называлось бы антиклерикализм, если не прямо-таки «dechristianisation», как говорили во времена французской революции. Я встал и заявил протест: «Если бы имелись в виду «laïcité» и «secularité» как реальное состояние современного общества, то я не заявлял бы никакого протеста, – но вы мне навязываете идеологию. Лаицизм и секуляризм – это уже идеология. Я приехал из своей страны, где мы имели слишком неприятный опыт с навязыванием идеологии и т. д.» Вот я думаю, что мы должны отчетливо различать реальность, которую мы должны в определенном смысле уважать именно как реальность, которая не только что-то отнимает у нас сравнительно с предыдущими эпохами, но, несомненно, и что-то дает, мы не смеем закрывать глаза ни на что, чему она нас научает, даже если мы получаем «вместо мудрости опытность, // пресное, неутоляющее питье», как сказано у Ахматовой, если мы всего-навсего становимся опытнее и никак не мудрее – все равно мы не имеем права притворяться, что мы все еще в каком-то Граде Китеже. Мы должны быть – страшно сказать – учениками Христовыми вот здесь и сейчас, не где-то еще. Но что касается «измов» – то это совсем другой вопрос.

А теперь я перехожу, наконец, к богословию. Это слово я произношу не без некоторого трепета, и мне вспоминается, как один из замечательных философов нашего века, немецкий философ Карл Ясперс объясняет в своей автобиографии, почему он, твердо зная еще со школьной скамьи, что будет заниматься философией, не стал поступать на философский факультет. Ему казалось невозможным выговорить: «Я собираюсь поступить на философский факультет». Взрослые будут спрашивать: «Мальчик (или молодой человек), а кем ты, собственно, будешь?» – «Философом...» Платон, Аристотель, Кант, Гегель – а теперь вот я буду философом. Ну, вы понимаете, что к богословию все это относится по формуле «кольми паче». С другой стороны, в Первом послании апостола Петра мы читаем слова: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет 3: 15). Кротость – это весьма важно, между прочим, как закон для христианского богословствования; но я о другом: очень интересны эти слова – «отчет» и «ответ». Отчет – по-гречески употреблено слово «апология». Вообще говоря, мы знаем, что ранних христианских богословов принято называть апологетами, но апология в быту тех времен было обычным обозначением для защитительной речи в суде. Это слово «апология» сразу предполагает идею некоего судебного разбирательства. В каком смысле судебное разбирательство? В течение длительного времени предполагалось, и это соответствовало вполне гармонично и естественно

определенным структурам культуры, определенным структурам сознания, что это судоговорение наилучшим образом реализуется в прении о вере, построенном наподобие судебного прения о вере с инаковерующими и также с неверующими. И очень важным занятием богословов в течение многих веков было составление доказательств бытия Божия, но и также, разумеется, спор с инаковерующими.

Сейчас едва ли люди приходят к вере или определяют свой выбор веры в такого рода квазисудебной аргументации, которая сама собой возникала, с полной естественностью, я повторяю, в прениях между христианами и язычниками, между христианами и иудеями, между различными направлениями и затем, увы, разными конфессиями внутри христианства. И в перспективе, в ретроспективе минувших времен это все может привидеться насмешливому и неверующему наблюдателю так, как Гейне изобразил этот самый спор капуцина с раввином, что было, конечно, несправедливо; однако я никогда не видел никого из моих современников, кто был бы убежден в вере именно аргументацией такого рода.

Что касается споров межрелигиозных и межконфессиональных, то расскажу два случая из моей жизни. Первый – это как раз интерконфессиональный разговор. У меня есть в одной европейской стране хорошая знакомая, искренняя христианка, искренность которой для меня образец, человек умный и в самом хорошем смысле этого слова простосердечный, – так вот, вероисповедания она одного из протестантских, и однажды я ее задел тем, что, как свойственно православному, выразил сочувствие традиционному почитанию Матери Божией. И она мне прислала письмо, в котором перечисляла по списку, списку, давно известному, все те места Писания, которые использовались всегда как протестантский аргумент против почитания Божией Матери. Мне показалось неприличным вовсе отказаться от этого занятия, поэтому я ей исправно перечислил все те места, которые защитники почитания Божией Матери, православные и католические, употребляли в этом споре, – а затем я не удержался и приписал: «Как Вы думаете, в тысяча который раз – или каким четырехзначным, пятизначным или более числом должен быть обозначен тот раз, в который мы друг другу предъявили оба эти списка?» Это с одной стороны. С другой стороны, я должен сказать, что всю мою жизнь никогда не считал себя вправе приставать к людям верующим и инаковерующим, которые живут в своей вере, выражая им мои несогласия; но однажды я оказался в совсем особой ситуации. Молодая чета, оба еврейского происхождения, но родившиеся в семьях вполне среднесоветских, где всякие следы какой бы то ни было религиозной традиции давно были разрушены, задумались – не избрать ли им какую-нибудь религию. Они приходили ко мне и спрашивали меня о христианстве. В то же время они встречались с иудаистами при изучении иврита в каком-то кружке (это было во времена вполне советские, все было весьма подпольно). В очередном разговоре они с вопрошающей интонацией передавали мне: «А те говорят, что...» Ну, я отвечал по мере сил. А потом они приходили туда и говорили: «А он говорит, что...» – «А вот они говорят, что...» В конце концов дело дошло до знаменитого места из пророка Исая: «Се дева зачнет во чреве...» – почему «алма», почему не «бетула»? И я по этому поводу рассказал об одном любопытном открытии, обсуждавшемся в библеистике вскоре после второй мировой войны, а нынче чуть ли не забытом. Среди угаритских текстов, как известно, языческих, возникших в тех самых краях, где затем была Святая Земля Израиля, но еще Израиля не было, – в одном тексте, который дошел сугубо фрагментарно, есть эта формула. Притом весь контекст этого места заставляет понять, между прочим, дело так, что это корни, существующие также в еврейских словах: «бетула» – однозначное обозначение девственницы, и «алма» – слово, употребленное у пророка Исая и употребляемое и так и так, – оба эти слова в угаритском тексте фигурируют как синонимы, связанные контекстом синтаксического параллелизма. Это, конечно, важно для вопроса истории семантики, как и для ветхозаветной эгзегезы, потому что Ветхий Завет возникал в течение более нежели тысячелетия; но моих собеседников более всего заинтересовало, что Исая уже, по-видимому, цитировал изречение,

более древнее, и что какое-то соответствующее чаяние было у людей издревле. Это на них так подействовало, что они крестились. Ну вот, вы видите, получилось все-таки что-то вроде довольно традиционного прения, но подействовало в итоге не совсем традиционное соображение...

Что касается доказательств бытия Божия и всего подобного; упомянутый выше Карл Ясперс сказал: «Der bewiesener Gott ist kein Gott» ("доказанный Бог, – Бог, бытие Которого доказывают, – это не Бог"). Надо сказать, что в XVII в. нечто подобное говорил Блез Паскаль, но это едва ли довод против доказательств бытия Божия, даже если они не действуют на нас так, как это первоначально предполагалось. Едва ли где-нибудь, кроме математики, а также судебного расследования в самом тривиальном смысле этого слова, доказательства что-нибудь раз и навсегда доказывают: но также не надо к этой функции редуцировать их значение. Процедура доказательства есть повод систематически ответить самому себе, оппоненту, читателю и всем прочим персонажам, вовлеченным в разговор, на очень важный вопрос: «А как, собственно, ты себе это представляешь?» Вы знаете, что в продолжении истории христианской мысли выставлялись разного рода системы доказательств бытия Божия. В сущности, это началось еще в дохристианской мысли, и очень важную парадигму в этой связи предложил Аристотель: ряд причин не может идти в бесконечность. Каждая причина есть следствие другой причины; но некрасиво, безобразно, нелепо представить себе, что этот ряд бесконечен. (Современный человек переспросит Аристотеля: «А почему, собственно? Откуда мы знаем? – Все возможно, everything goes...») Пока что отметим, что аристотелевское доказательство очевидным образом связано с некоторым рядом предпосылок. Во-первых, для современного сознания, как оно в позитивистском типе научности себя артикулирует, причинность не имеет ничего общего с аксиологией, с качеством, с ценностью, с местом на лестнице ценностей. Но для античного и для средневекового человека это не могло не быть связано. Почему так? Потому же, почему для человечества до самых последних поколений, чуть ли не до момента, который упрощенно можно локализовать в шестидесятых годах нашего века для всего света, начиная с Сорбонны, – родители считались почтеннее, нежели дети. Родители суть причина бытия детей, содетельная причина – *causa efficiens*, как это называется у Аристотеля и в схоластике; поэтому вопрос о причинно-следственном отношении связан для Аристотеля с некой иерархией ценностей, и это затем развивается в христианской мысли: у Августина бытие Божие доказывается из понятия *summum bonum*, наивысшего блага. А затем у целого ряда христианских мыслителей, и греческих и латинских, речь идет о том, что само существование блага и, с другой стороны, усматриваемое нами несовершенство в тех благах, с которыми мы сталкиваемся, приводит нас к мысли о высшем, чистом и совершенном благе, с одной стороны, увенчивающем восходящую иерархию, как бы лестницу (лестница должна куда-то вести, куда-то приводить), с другой же стороны, дающем меру, образец, эталон, критерий для определения того, что мы находим неполным благом в тех несовершенных явлениях, с которыми мы сталкиваемся. Равным образом античный и средневековый человек находил аксиомой тождество бытия и блага. Быть – это само по себе есть благо, поэтому если Бог – это совершенное благо, то даже сатана – зло несовершенное: он – создание Божье, хотя и извратившее себя, и от Бога он получил дар бытия, который даже его злая воля не может до конца разрушить и т.д.

С этим связано онтологическое доказательство, предложенное Ансельмом Кентерберийским в XI веке, а до него предвосхищенное Августином: высшее благо не может не быть, потому что если оно не есть, то оно не имеет в числе своих совершенств совершенства бытия. Это соответствует принципу, который схоластами формулировался так: *ens et bonum convertuntur* – сущее и благо суть понятия взаимозаменяемые. Но Фома Аквинский развертывал, в сущности, Аристотелев довод: движение предполагает перводвигатель, причинность предполагает первопричину, случайное предполагает абсолютно необходимое, иерархия качества, иерархия ценностей предполагает верхний предел, а целесообразность предполагает цель целей и т. д. И,

в сущности, даже такое явление новоевропейской мысли, резко противопоставившее себя всем предыдущим попыткам доказательств, как кантовский постулат практического разума, все еще остается существенным образом в рамках некоей традиционной системы аксиом, которую в течение тысячелетий – разные люди в разных культурах – находили само собой разумеющейся. Как известно, Кант объявляет, что бытие Божие не может быть доказано чистым разумом, т. е. разумом, не ставящим человеку ориентира, а занимающимся отвлеченным рассмотрением предметов (отвлеченным от человеческих задач). Практический разум, т. е. разум в той его функции, в которой он ориентирует человека в бытии, выдвигает постулат бытия Божия, ибо человек должен иметь абсолютный ориентир – ориентир своего совершенствования.

Целый ряд более или менее традиционных религиозных мыслителей в XX веке – и католические неотомисты, и православные онтологи, как о. Павел Флоренский, как Эрн и т. д., склонны были рассматривать Канта как предельную противоположность христианского сознания: «Столп злобы богопротивныя», – говорил Флоренский о Канте. Вы понимаете, мы с вами не занимаемся тем, чтобы вынести окончательный вердикт о Канте, но у Канта, при всем его субъективизме, ненавистном и неотомистам, и Флоренскому, и Эрну, остается вера в объективность хотя бы моральной задачи человека. Если у человека есть задача совершенствования, то совершенствование предполагает объективные и вечные критерии совершенства. Современные «измы» ответят вам на это, что сама идея совершенства в соотнесении с несовершенством – это ужасный авторитаризм, это навязывание человеку чего-то такого, элитизм, может быть, – потому что, как любил говорить читаемый у нас Клайв Стейплз Льюис, любимая формула современности: «я не хуже тебя».

Я вижу, что мне пора приближаться к концу, и я сейчас очень коротко попробую сказать, чем все-таки должно быть богословие, дабы его можно было назвать богословием. Во-первых, мы должны поразмыслить о факте, научающем нас осторожности. Во времена Отцов Церкви и Вселенских Соборов, в самые классические времена богословской рефлексии, термин «богословие», по-гречески «теология», вовсе не был однозначно фиксированным термином, так же как слово «философия» употреблялось очень широко, и в том числе – для обозначения богословствования, например, у так называемых каппадокийских отцов Церкви – у св. Василия Великого, св. Григория Богослова, св. Григория Нисского. В те времена богословствование было определенным образом связано с возможностью такого события, как Вселенский Собор, – это было время фиксации основных, центральных, основоположных, исходных догматов христианского вероучения, тринитарных, христологических и т. д., всякое богословское сочинение обращалось к полноте Церкви и в той или иной степени было соотнесено с этой общей ситуацией. Как вы знаете, в православии вселенских соборов после VII-го не было, а у католиков был последний вселенский собор в 60-е годы нашего столетия, сравнительно не так давно. Вы знаете также из Карсавина и других авторов, что проекты православного Вселенского Собора или собора, который назывался бы всего лишь «всеправославным», обсуждаются уже давно, десятилетиями; посмотрим, что Бог даст, но Вселенский Собор – очень специфическое явление. Это не моя тема, но очень важно понять чрезвычайно простую вещь – Вселенский Собор не собирает себя сам: необходимо должен быть признаваемый всем вселенским христианством председатель, светский или церковный, который собирает Вселенский Собор. Дело даже не в прозаичных организационных обстоятельствах, хотя они тоже всегда существуют (и о важности их даже применительно к такой малости, как наша школа, вы только что так много слышали), но есть гораздо более роковой вопрос: сколько бы ни собралось архиереев из скольких бы поместных церквей, несомненно будут несогласные, потому что если бы было всеобщее согласие, Собор собирать незачем. Эти несогласные не придут, раз никто не имеет власти велеть им приехать, и когда приехавшие скажут: «Мы – Вселенский Собор», то они ответят: «Вы – самозванцы». Но это значит, что Вселенский Собор как конкретное институциональное явление очень сильно связан с теократической

реальностью христианской античности и отчасти средневековья. В наше время все значительно сложнее. – Я думаю, что, во-первых, богословским нельзя называть сочинение, которое не обращается – хотя бы по своей задаче (нелицемерно, нелукаво принятой автором) – ко всей полноте Церкви. Это значит, например, что оно не обращается только к коллегам, к коллегам господина автора. Боже избави, это не означает, будто и в богословских дисциплинах не должно быть университетской науки и разговоров между компетентными специалистами, однако нельзя не видеть, что на Западе (и в православии тоже – в русской, например, диаспоре или в греческой диаспоре, где богословие невозбранно развивалось и как раз в первой половине XX в. имело такие заметные и ощутимые успехи) богословие имеет тенденцию становиться занятием для специалистов, причем более всего именно в традиционных конфессиональных рамках – католических, лютеранских, кальвинистских. Библейская экзегеза – это что-то, уже давно несуществующее хотя бы для т. н. образованной публики, для людей, не являющихся специалистами (тем более, что, как вы понимаете, во всем мире (а не только у нас, где сейчас так много говорят о кризисе русской интеллигенции) амплуа образованного человека, естественно связанное с какими-то реликтами сословного членения общества, – выбывает, убывает из жизни, уходит вместе с амплуа «народа», совсем простого народа, который живет по деревням, как жили отцы и деды). Мы окружены в любой стране (в Европе, понятно, больше, чем в третьем мире) людьми грамотными, привыкшими иметь свое суждение, однако скорее – из телевизора или из радио, чем из книг, а если и из книг, то из книжек, из брошюр, а не из томов. С другой стороны, у всего есть какие-то объективные и серьезные причины, с которыми вовсе не так легко справиться. Возьмем ту же библеистику. Во всем мире существуют ученые специалисты по библеистике, например, в Южной Африке, и мы твердо знаем, что нам чрезвычайно трудно выбрать мгновение, когда где-то на земном шаре не завершалась бы очередная библеистическая статья или книга. Мы вот сейчас говорим, а кто-то ставит точку или принтер перестает печатать, и уже готово все. Специалист есть специалист, он обязан читать то, что пишут его коллеги, все, что выходит, он обязан на это отзываться и отвечать, ему уже некогда рассказывать об этом просто «образованным людям». Ему почти что некогда перечитывать тексты... Слов нет, очень реальное, очень серьезное обязательство – знать все, что за это время высказали коллеги, чтобы не открывать велосипедов и не позорить себя. Что же касается просто «образованных людей», неспециалистов, то до них все доходит в невероятно вывернутом виде, хотя их никто не обязывает читать брошюры вроде атеистических брошюр в нашем советском прошлом. Мне как-то в Австрии пришлось выступать на семинаре переводчиков. Обсуждался мой перевод из одного из Евангелий, там были люди, который знают русский язык (таких довольно много в Австрии), а притом интересуются Евангелиями. Они меня по поводу истолкования одного места спросили, почему я понимаю его именно так. Я сказал: «Да вы знаете, вот есть кумранская параллель». – «Как, разве кумранские тексты изданы, опубликованы, обнародованы?» В чем дело? Долго и неинтересно рассказывать: отчасти из-за конфликтов между престарелыми уже теперь кумрановедами первого призыва, которые живы, и некоторого их нежелания подпускать к текстам других людей, а они между тем дряхлеют и уходят, помимо того, что они перессорились между собой (это тема вполне отдельная), – из-за всего этого какое-то, теперь уже сравнительно небольшое, количество текстов все остается неопубликованным. Публикация в какой-то момент остановилась, задержалась, тормозится, по поводу чего печатаются брошюры относительно гнусного заговора то ли Ватикана, толи еще кого. Из этих брошюр у читателя остается впечатление, что во всяком случае ни один кумранский текст до сих пор не опубликован. Вы понимаете, что это происходит не совсем без вины академических ученых. Было же время, еще сравнительно так недавнее, когда академический ученый мог, как немецкий историк древнего Рима Теодор Моммзен, написать основанную на своих серьезных исследованиях, но тем не менее интересную для каждого образованного человека пятитомную историю Рима (и получить за нее одну из самых первых Нобелевских премий по литературе!) Но это все давно разошлось: академическая наука (в том числе богословие, экзегетика,

например), – сама по себе, а на противоположном полюсе – какие-нибудь неопротестантские направления, фундаменталисты в изначальном значении этого слова. (Вы ведь знаете, что фундаментализм – это самоназвание группы в американском протестантизме: люди, которые читают Библию и разговаривают о ней как верующие, но не знают и не хотят знать, чем же занимается теперь наука.) И нет никакой середины, никаких посредников!

Далее, богословом не может быть человек, который слишком однозначно, слишком одномерно отождествляет себя с некоторым одиозным (или даже симпатичным) идеологическим направлением, и в силу этого ведет разговор исключительно с людьми, которые уже заранее – его единомышленники; которые приняли его идеологию и теперь узнают из его трудов иллюстративные подробности.

Богослов обязан давать ответ; по слову апостола Петра, давать ответ на вопрос, на возражение, на вызов, и притом давать его «с кротостью». Кротость для человека, занятого мыслью, включает в себя также то, что я назвал бы – прошу прощения за тяжеловесное словосочетание – имагинативным сочувствием, готовностью хотя бы в акте воображения, так сказать, влезть в шкуру самых крайних своих противников: вот что они чувствуют, а что за этим стоит, а какая доля истины дает хоть какую-то силу той неправде, которую они говорят, – если я убежден, что это неправда. Ну а что касается научности, вы понимаете, с одной стороны, нельзя заниматься культурной деятельностью, утилитаристски ограничивая ее. Культурной деятельностью нельзя заниматься от сих до сих. Нельзя сказать, что если я исследователь, или литератор, или что-то такое, то я вот что-то такое делаю, что непосредственно необходимо для поучения моих ближних и дальних, а больше – ни единого слова. Тот же святитель Григорий Богослов писал стихи просто для себя – вот так, как настоящий музыкант садится за пианино и не может этого не делать. С другой же стороны, разумеется, среди стихотворений Григория Богослова абсолютно преобладают серьезные религиозные мотивы, но там есть и стихи, написанные просто для себя и для любителей поэзии, разумеется, при полном воздержании от несовместимых с аскезой автора тем и мотивов, но с очевидной готовностью к культурной игре.

В этом же смысле нельзя сказать: наука должна делать только то, что к поучению и т. д. С другой же стороны, теология не должна, богословие не должно забывать об опасности, обрисованной в одной повести австрийского писателя Верфеля. У него есть повесть с таким сюжетом. Некая благочестивая женщина, бедная, прислуга, но так как она прислуга очень хорошая, то сравнительно не самая бедная, решает выучить священника на свои деньги, чтобы он о ее душе молился. Она от своих заработков все время отчисляет деньги для некоего молодого человека, который вместо того, чтобы стать священником, на эти деньги приобретает некоторые знания, нужные ему, чтобы сочинять кроссворды, и сочиняет кроссворды. Вот это, с одной стороны, – опасность предъявить к культуре утилитаристские требования и этим ее задушить, выйти из возможности настоящего разговора с людьми, даваемого культурой, и оставить за собой только способность вопиять: «Оле злонравие!», или, в лучшем случае, что-нибудь сентиментальное, что тоже непригодно – непригодно в воздухе, в атмосфере вот этого конца двадцатого столетия, когда сентиментальность особенно резко дискредитирована. С другой стороны – уход в игры ума, которые что-то значат для нескольких специалистов. Богословие есть в той степени богословие, в какой оно обращается к Церкви и исходит из того, что при всяческом разномыслии самого имени Господа нашего достаточно, чтобы существенным образом людей объединить.

Спасибо за терпение, с которым я был выслушан.